

Дмитрий Шимохин

ВОСХОЖДЕНИЕ
ЯЗЫЧНИКА

Смерть настигла меня в тайге — от рук бандитов.

Но путь за грань не был концом, и мое сознание перенеслось в далекое прошлое, в тело мальчишки язычника. И теперь я должен пройти испытания и доказать, что достоин называться мужчиной.

Только определился с планами на новую жизнь, как бог-покровитель своим поручением меняет все, ведь у него есть свой интерес.

Будет тяжело, но у меня есть моя магия и мой род.

Дмитрий Шимохин
Восхождение язычника

Ветер легче облаков, он не ведает оков.

Я прислонился к дереву и попытался отдышаться, чертовы четыреста метров дались тяжело. Даже смешно, раньше бы и не обратил внимания. А сейчас запыхался, и идти тяжело, не то что бежать. Приклад ружья впился в бок, напоминая о том, что хватит отдыхать, время не ждет.

Раздался лай собаки, а после звук выстрела и уже визг, полный боли, а после еще один — и тишина.

— Вот суки, Тоньку-то за что? Она безобидная, только лаять и может, «Гринписа» на вас нет, живодеры. До лагеря, значит, добрались, скоро и здесь будут. Интересно, сколько народа там, четверо или двое, если двое, есть шансы. Разделятся: один в одну сторону, другой в другую. И шансы повысятся, что следы пропустят. Из лагеря четыре пути, назад вы не пойдете, вы оттуда пришли, слева река, где как раз я и мыл золотишко, берега крутые, хоть и пологий спуск рядом, но глубина большая, да и течение сильное, должны понять, что я туда не сунусь. Правда, и следов моих там много, натоптал, но они все в лагерь ведут.

Откинувшись от дерева, я захромал, аккуратно ставя негнущуюся ногу, стараясь оглядываться и подмечать любые изменения. Да, бегун я так себе, а точнее, и вовсе не бегун. Полтора километра — и выйти к реке, там каменистые пляжи, да и дно такое же. Течение слабое, и глубина небольшая, доковыляю и все, я ушел. Потом из тайги надо будет выбраться, но это позже.

— Вон он, — услышал я крик, и рядом в дерево ударила пуля, в меня же прилетела только щепка.

Вот засранец, я нырнул за дерево. Ты сначала стреляй, потом ори, дурак громкий, хотя, если бы не ты, хрен бы я вас услышал и успел уйти. Тихонько выглянув, я увидел, что один опустил ружье вниз, а рядом второй схватил его за руки и что-то выговаривал, показывая в мою сторону, причем весьма зло и экспрессивно.

О, точно живым взять задумали. А что, я явно что-то да намыл, и они это хотят получить, и если получится взять меня живым, я парень добрый, обязательно поделюсь, особенно если начать пластать меня на куски. Почему бы и нет, деньги лишними не бывают. Откуда только вы, охотнички, взялись-то на мою голову? Я же все проверял, нет тут рядом ничего, единственное... А, сука, вы, наверно, по реке на технике идете, выворачивая все русло. А вас отправляют вперед все проверить или еще куда.

Тихонько я поднял ружье и прицелился в того, что по мне стрелял.

Бах! Раздался крик, и мужик, держась за ногу, рухнул, другой же ушел в сторону.

— Мда уж, — попал, правда, не туда: целился в пузо, угодил в ногу. Но и так сойдет. Прицел, что ли, сбился, надо будет учитывать. Надо поторапливаться.

— Ах ты ж п...с, я тебе глаз на жопу натяну! Сволочь! Урод! — раздавались крики раненого.

Какой ты голосистый, все не заткнешься, будь потише, думать мешаешь, хотя, если бы не ты, черта с два я бы от речки смог уйти. Я издали вас слышал, так что ладно, кричи сколько влезет.

Их все-таки четверо, иначе бы по двое не ходили, хреново. Сейчас еще двойка подойдет,

один будет меня держать на мушке, иногда шугая, а двое пойдут в обход, может, с одного бока, может, с другого, а какая разница. Меня прижмут и задавят. Надо сейчас пытаться вырваться, пока есть шанс.

Выглянув из-за дерева, я прицелился в сторону, откуда шли крики и ругань в мой адрес, и нажал спусковую скобу, грянул выстрел — и, не дожидаясь ответной реакции, я шмыгнул за другое дерево, стараясь пригнуться.

Твою мать, как неудобно-то с негнущейся ногой. Заработал на операцию, ага, а начиналось-то все красиво и легко. Сколько там у меня в тайничке золота, килограмма три, и всего за два месяца. Эх, три-четыре года — и я собрал бы сумму, может быть, и раньше, только сезоны короткие, да и не выдержишь все время в холодной воде. Всего-то двадцать миллионов, тьфу, семечки.

О, впереди речку слышно.

“Бах!” — стеганул выстрел по моим ушам. Удар в поясницу, боль — и я лечу на землю.

Овраг — и скатываюсь на самое дно, корни обдирают тело, больно шевелиться.

Вкус крови во рту, все, добежался. Накопил на операцию с целителями. Ля, какая прелесть.

Из-под крон зеленых деревьев я вижу голубое небо с белыми воздушными облаками, какое оно красивое.

Ветер легче облаков, ветер, ты куда меня несешь?

— Куда он делся, он не мог уйти, я же видел, что попал.

— Заглохни, баклан! Вон кровь, здесь где-то шухарится бажбан, аккуратно, не хватало еще маслину поймать.

— Вон он, в овраге валяется. — указал один из голосов.

Я голову не могу повернуть, хорошо хоть, правая рука работает, плохо, хреново, но работает.

— Что же ты от нас бегаешь, а, бажбан, нет чтобы проявить уважение? Много золотишка-то намыл, давай делись с честными людьми, тебе оно уже не надо, а нам пригодится, — раздался веселый смех.

Перед глазами все плывет, только силуэты вижу. Вот и все, вот и все!

— Ну, где? Только сказки нам не рассказывай, видели мы твой лагерь, сколько ты здесь, три-четыре месяца. Где золото, тварь? — И меня пнули, прострелила боль. Еле сдержал крик. Твари, какие же вы твари, нелюди.

Раз.

— От... отс... — не могу говорить, только какой-то сип, боль, все как в тумане.

— Что он там базлает, ни хрена не слышно.

Два.

Один из силуэтов нагнулся.

Три.

— Ну, говори, где золотишко-то?

— От... Отс... Отсоси, — я наконец-то смог ответить.

Четыре.

— Да он издевается, черт помойный, над нами.

Рука уже почти не слушается, но все-таки смог разжать пальцы и немного вперед по земле катнуть предмет с ребристой поверхностью, именуемый в народе лимонка или граната Ф1.

Пять.

— Черт сука, а-а-а.

Бах, боль, темнота.

Европа, Саксония, 9-й век от Р.Х.

Айкен пробирался по утреннему бору. Не чащоба, конечно, но и редколесьем назвать его не мог.

В мыслях же он думал о деньгах, которые ему заплатил жрец мертвого бога христиан, или как их там называли, ему до этого дела не было. Главное теперь то, что, несмотря на засуху, он сможет купить зерна для всей своей семьи, еще и с соседями поделится. Не в голод зиму встретить.

Всего-то показать и сопроводить до храма древнего бога, отряд который вел жрец со знаменем в виде креста на груди.

Отряд был большим, двадцать воинов, да при броне и оружии, кто с копьем, а кто и с мечом. Айкен чувствовал себя неуютно под взглядами отряда и иногда поглаживал свой топор, доставшийся еще от деда, где ручку уже не раз меняли, а металл правили да затачивали. Зачем они туда идут? Да какая ему разница, главное, что жена, дети и другие родичи переживут зиму, если он вернется с монетами.

— Ну, долго еще? — обратился к проводнику Адлар, предводитель отряда. Хоть главный — жрец, но и тот к Адлару прислушивается, успел убедиться.

— Вона там, за лесом на холме, близ Мульде стоит.

Сплюнув, Адлар отъехал к жрецу. Айкен лишь покосился на него. Не нравился он ему, вызывал чувство страха, да и взгляд был злой, словно наполненный ненавистью ко всему живому.

Вывернув из-за леса, отряд увидел вдалеке древнее капище, что возвышалось на холме близ реки Мульде.

Разглядеть удавалось с такого расстояния только огромное дерево высотой метров в десять, и его ветви которые простирались над всем холмом.

Чем ближе подъезжал отряд, тем больше деталей можно было разглядеть, но дерево не смог признать ни один. Ни на дуб, ни тем более на сосну или ель не похоже. На самом же холме вокруг ствола были расставлены камни высотой под два метра.

А внизу стояла пара домов, в которых, видимо, и проживали жрецы этого капища.

— Адлар, вы знаете, что делать. Разрушить капище, а всех демонопоклонников убить. — отдал приказ священник.

— Отто, Харман, Эрих, Руди к домам, да гоните всех на холм, капище жечь будем.

Отряд умчался вперед, а проводник поспешил следом на своих двоих, отставая с каждым шагом все сильнее.

Когда Айкен уже подошел к холму, он почувствовал, как земля содрогнулась от удара.

Спеша, он побежал по узкой тропке среди высокой травы, что вела на самый верх.

И когда забрался, пред ним предстала картина срубленного великого дерева, а некоторые алтарные камни были выворочены из своих мест и валялись раскиданными.

Отряд под предводительством жреца мертвого бога согнал всех людей в круг, старого жреца, его двух сыновей и жену.

Самого Айдала сюда приводил отец, а до этого отца приводил дед, и так было не одно поколение.

Еще в те времена, когда на эту землю пришли те, кого впоследствии назовут саксами, храм уже стоял.

Считалось, что этот храм не просто посвящен уже забытому богу, но и охраняет этот мир от возвращения зла, так как стоит на священном месте, и покуда стоит, зло в мир не вернется.

И вот сейчас это святое и древнее место будет погублено.

Старый жрец держал в руках копье, он был уже дряхл, но не отводил взгляда, а начал тихо и размеренно говорить.

— Остановитесь, безумцы! Что вы творите? Боги и предки вас проклянут, я вас прокляну силой богов, остановитесь, не делайте этого!

С каждым произнесенным словом его голос становился все громче и громче, и в конце он уже кричал.

Войны же Адлара мало обращали на него внимания и продолжали валить камни, вот и сейчас повалили один.

— Да будьте вы прокляты, вы и ваши потомки, чтобы ваше семя совсем сгнило, а женщины ваши рожали только слабых мужчин, и не осталось вашего семени под этим небом! Вы прокляты.

«Я проклят, мой род проклят, что же я наделал, что я сотворил, куда я теперь приведу своего сына? Боги не простят», — замелькали в голове мысли проводника.

Жрец же, схватив копье, ударил одного война, тот со смехом принял удар на щит.

Удар, еще удар — и все они отражены щитом. А потом жрец как-то хитро атаковал, вроде бил в ноги, а потом раз — и ударил воина Адлара в приоткрытое горло, кровь полилась на землю в этом святом месте. Воин захрипел и схватился за горло.

Увидев это, Айдал понял, что не готов оставить свой род проклятым ради пары монет. О нет, его дети будут жить, даже если он здесь умрет, боги не допустят поругания.

Вывхватив свой топорик, он напал на одного из воинов.

— За Вотана, — прозвучал клич Айдала. Удар был неожиданным с его стороны и пришел в подмышку, прорубив хлипкую кольчугу.

Еще, еще я всех убью, я спасу свой род от проклятья. И Айдал вновь пошел в атаку, только ближайший воин уже был готов и принял удар топора на свой щит, а следующим ударом вспорол брюхо проводнику.

Проводник же, рухнув на землю, одной рукой пытался удерживать вываливающуюся требуху из живота, а другой указывал на небо. Его глаза застилало пеленой смерти. Сам же Айдал в этот момент не испытывал боли, а перед своим взором он видел валькирию Гель.

«Я не проклят, я не проклят, Вотан, я иду к тебе», — шептали его губы.

После того как сопротивление было уничтожено, а все камни сброшены на землю, священник подошел к Адлару:

— Что кричал этот демонопоклонник? — он кивнул на мертвого жреца. — А то я плохо разобрал.

— Ха, ха, как всегда, проклинал и обещал кару своих богов. Ваш же бог нас защитит?

— Истинная вера защитит, сын мой, только истинная вера является спасением для заблудших душ, — и перекрестил Адлара, а тот лишь поморщился от этого и взглянул с неодобрением на священника.

А тем временем кровь убитых, которая вытекла на землю, слилась в маленький ручеек и проложила свой путь к одному из алтарных камней, сброшенных со своих мест. И как только

капля задела один из них, они все вспыхнули словно призрачным огнем.

— Что это? — священник видел такое впервые, он впал в ступор. Воины Адлара начали перешептываться и осенять себя языческими символами. Бросив на это взгляд, он сделал себе зарубку в памяти: надо будет вновь провести с ними молитву и рассказать об истинной вере. Ох и тяжело ему нести свет в этих диких местах, полных варваров.

Приблизившись к одному из камней, что продолжали пылать, он не рискнул прикоснуться. Явно демонские проделки, но истинная вера все равно сильнее.

— На огонь похоже, только странный какой-то, — прошептал он себе под нос. И, немного прикрыв глаза, начал читать молитву об изгнании зла.

А призрачный огонь с каждым мгновением набирал силы и в итоге охватил всю вершину холма. И, вспыхнув в последний раз, он не оставил на вершине ни мертвых, ни живых, ни срубленного священного дерева, ни зеленой травы. Все было поглощено мгновенно, и люди не успели даже закричать, прежде чем обратились в пепел, как и все остальное. Осталась лишь лысая верхушка холма, с камнями, лежащими на ней, и все это покрывал слой пепла.

Глава 1

Сидя на поваленной березе, я размышлял о случившемся и пытался собрать в кучу все, что до этого раскидал.

— Ну что же, Александр Кащатов, он же Кашей, что делать будем? Или лучше поинтересоваться у Яромира сына Велерада, внука Деяна, правнука Рознега и еще раз пять или шесть своих пра-прародителей? И это все один и тот же человек, как замечательно.

Радость-то какая, к нам Мойша приехал, а у нас кушать нечего. Ситуацию примерно так и можно описать.

Воздев к очам, длани свои.

— Тьфу, твою же душу. Какие очи, какие длани. Что я несу? Главное, трястись эти длани перестали, и то хорошо.

Хотя, когда только пришел в себя, озноб был жуткий, и колотило меня нещадно.

А перед взором силуэт сокола сквозь деревья виднелся. Когда зрение пришло в норму, понял, что это не сокола полет, а прыжки глухаря с ветки на ветку, да еще и толстого такого, я бы даже сказал, откормленного. Да и, оглядевшись, подумал, что странность сплошная вокруг, а не лес. Чувствовалось лето, а трава вокруг желтая, сухая была, местами осыпавшаяся прахом, да и деревья такие же с порыжевшими и опавшими листьями, а ближние и вовсе без них. Черные и сухие стволы деревьев, словно высушенные, а вот на земле вокруг парочка трупиков животных лежала. Только глухарь беззаботно прыгал с ветки на ветку.

Явно не в доброе место занесло, хотя для Кашея, может быть, самое оно.

Когда выбрался из оврага, пару десятков метров прошел по такому же лесу, а потом вдруг как будто граница была между жизнью и смертью. Один шаг — и я в абсолютно живом и нормальном лесу. Оглянувшись, видел пятно мертвого леса вокруг оврага, из которого выбрался, словно кто-то обвёл его огромным циркулем, и все, что было в этом круге, умерло. Лишь несколько пичуг, не обращая внимания, пролетели это пятно насквозь, уносясь дальше в лес.

Я же постарался место получше найти, вот и сижу на поваленной березе, возле ручейка, думаю думаю.

И вот, с одной стороны, я мертвец, так как умер как Александр Кащатов, он же Кашей, это я прекрасно помню. А с другой — я глупый несмышленищ, грамоте не обученный, да и со всех сторон мужчиной еще не считаюсь. И вообще, о мире мало знающий, вот о соседях в ближнем городище — это пожалуйста, это да, это ценная информация. А вот мысль, какая година, так и начинаются всякие воспоминания, что вот совсем недавно, вот прямо вчера, лет так пятнадцать назад, схлестнулись али бучу устроили наши соседи то ли с немцами, то ли с саксами, то ли с маркграфом каким.

Это я еще вроде в себя пришел, и голова не болит, даже мыслю вроде адекватно.

Воздев к очам, длани свои.

— Тьфу, привязалось.

А сам я больше жив, чем мертв. Хотя, когда в себя пришел, знатно испужался.

Вот только ощущения весьма странные, интересно, шизофреники себя так же чувствуют? Вот я Александр и я же Яромир, и ко мне как к Яромиру пришли воспоминания о былом, об Александре. Вот только нахожусь явно в далеком прошлом.

Я, конечно, слышал, да и читал о случаях, когда люди вспоминали свои прошлые жизни или реинкарнации, но там было вперед во времени, из прошлого в будущее, а не наоборот. А здесь из времени, которое еще не наступило, реинкарнация в прошлое. Однако. Из прошлого в будущее, из будущего в прошлое, машина времени какая-то. Что же получается, что для души не существует понятия времени и можно переродиться в совершенно любом отрезке времени. Странно, даже таких теорий не слышал. Несмотря на всю странность, оставим эту теорию, это теория и только. По крайней мере, я помню ту свою жизнь и эту одновременно, и это факт.

Вот только у Яромира отец владеет эрë. Не очень-то похоже на слово воздух, а вот на слово аэро очень даже, да и звучит почти так же.

Хотя это слишком громко сказано, что владеет воздухом. Да, может им повелевать несильно и немного, паруса ветром надуть и гнать корабль, да человека порывом оттолкнуть. Прадед может лекарем считаться, прикосновением руки раны заживлять, небольшие, но может ускорить лечение. Да и я кой-чего могу, не как прадед — раны заживлять, слабоват для этого, если пару царапин только. Да и как отец не могу порывом ветра человека с ног сбить, но уж в жаркую пору освежающим ветерком себя обдать способен. Какая прелесть. Это я и у себя мог, угли для шашлыков в мангале раздувать, например. Вот только это ко мне пришло уже после двадцати, а точнее, даже позже, но точно в девять лет я не был на это способен.

Способности у нас явились где-то в конце двенадцатого года, вроде почти под самый новый год, хотя и до этого какие-то слухи ходили. Но официально признали именно в том году, а вот до этого ничего такого не было. И самым ценными считались способности лекаря, лечить, как прадедушка Рознег, полноценно не могли, а вот способствовать выздоровлению и скорейшему заживлению — это да, это пожалуйста, иногда и раны небольшие затворять. Всего лишь направляя свою силу, даже стабилизировать тяжелого пациента могли. Статей и передач, как и различных роликов на эту тему, много было. Вот уж кому повезло, раз — и в дамках. И за работу свою денег хороших просили. Помню, ценник какой мне озвучили за операции с их участием и почти гарантировали успех восстановления ноги. Бизнес, и ничего лично, а они даже не медики и никаких клятв не давали, да и немного их было, на всех не хватало.

Хотя мне-Яромиру сейчас годков четырнадцать, и думаю, способности еще усилятся.

Огляделся еще раз на окружающий лесок:

— Разгар липеня[1], душновато, а экзамен на зрелость и все нормы ГТО у меня будет в назменовати ревуна[2].

Я же задумался над только что произнесенным, вроде слова получились смешанными, но думал-то я как обычно на своем родном, в привычном ритме, и о месяцах июле и сентябре, а вышел липень да ревун.

— Ярило, свети присно.

Однако, у меня что, переводчик, или думаю на одном, а изъясняюсь как принято здесь, как привык Яромир. Надо попробовать нормально сказать.

— Солнце светит всегда, — немного напрягшись, сумел. Попробуем еще раз.

— Сыроядец, — варвар, понимаю, однако.

Соответственно, изъясняться и понимать я вполне смогу, здесь проблемы нет. Это же просто прекрасно и замечательно.

Ощущение весьма двойкие, конечно, отторжения никакого, я — это я, я Яромир и я

Саша. Это хорошо, это еще не клиника.

Жил юный Яромир, готовился перейти из статуса юный пионер в статус юный комсомолец. А тут бац, и вспомнил, что он был когда-то злобным капиталистом и долго был, намного дольше, чем пионером. И сейчас смотрит на все со злым оскалом этого самого капитализма вокруг себя. Вот только не попасться бы мне в руки уже тех самых опытных коммунистов, разговоров, наверно, со мной о мировой политике вести не будут, а зачем молодёжь портить и смущать, зачем? Вон речка близко, да и море варяжское, утоп парень почти случайно, а главное, сам. Как утоп, спросят мои родичи? Совсем утоп, совсем намертво. Если сами раньше не прикопают.

Это я утрирую, конечно, но чем меньше ко мне вопросов будет, тем лучше.

И мой ответ «я вас не помню, совсем не помню, камнем по голове прилетело» здесь не пройдет. В миру живем, в обществе то есть, все и везде на виду у соседа у родича, у друга. И очень сильно надо будет учитывать мой опыт Яромира и так же в большинстве случаев реагировать. Вот только вопрос, смогу ли я?

А исходя из того, что я сейчас обитаю в лагере, где готовят тех самых юных пионеров к сдаче нормативов ГТО и к экзамену на зрелость, парочка дружков у меня есть. Как и наоборот. Эткими отрядами мы живем, и конфликты есть как в самом отряде, так и между ними. Вот у меня и вышел конфликт. Но там история еще от родичей длится. Вот и подрался как-то с одним, а потом уже меня выловили и втроем пинали, сильно больно и остервенело. Убежал, могли забить, те еще зверята.

И, соответственно, меня в ближайшее время не ждут, уходить в лес на пару дней — это нормально, а может, и ждут, наоборот, чтобы продолжить разговор. Вот только мне придётся драться за свое место под солнцем — и жестоко драться. А после еще и разборки с наставником будут. А точнее, меня будут бить еще сильнее. Если драку устрою лютую, не устрою, так этот шакал мне жизни не даст, да и дальнейшее скажется на моей жизни в здешних краях. Молва, она такая молва. Так что на место придётся ставить жестко, очень жестко и больно, дабы потом у него и его даже мысли не возникло, с неприличными предложениями ко мне подкатывать. Типа: «А давай мы тебя толпой ногами попинаем, это же так весело, смешно и забавно». И как здесь не выделяться и не привлекать к себе внимание? А никак, выхода нет, или я его в данный момент попросту не вижу. Хотя драки и разборки в таких отрядах норма, ничего страшного, главное, без большого членовредительства, но тут как пойдет, а пойдет жестко.

В животе заурчало, и голод вновь дал о себе знать, воды из ручейка надолго не хватило.

Надо будет до ближайшего поселения прогуляться, есть там один домик, где меня иногда подкармливают или за работу, или просто так, из расположения к моей семье.

Оглядев себя, рубаха грязная, как и портки, подпоясан кожаным ремешком, на настоящий ремень еще права не имею, не мужчина, а на ногах у меня лапти с онучами, обмотанные кожаными шнурками. И я умею делать лапти, да вот это бонус, мне этого так не хватало.

Умывшись в ручейке да оттерев грязь, а где-то и размазав, я напился студёной водицы, чтобы голод совсем не одолел и направился в селение, авось по снедаю Маруша болагая[3].

Пройдя кромку леса, я вышел к селению, огороженному плетнем с небольшой калиткой. Местечко небольшое, порядка семи семей живут, многим из нас здесь давали работу, в том числе и мне. Но вот с Марушей у меня сложились какие-то свои особые отношения. Она

одна живет, мужа-то нет, на охоте погиб. А она за детьми присмотрит, то готовкой иной раз на всех занимается, и свой огорожок имеет, где разное выращивает, в том числе и травы, в коих разбирается. Не бежать же чуть что к моему прадеду или знахарке, далековато будет, да и не всегда дешево.

Возле плетня бегала сука, а за ней носилась пара щенят. Увидев меня, она подала голос, пару раз пролаяв, оглашая всю улицу, а щенята начали озорничать, прыгая вокруг. Если бы пришел кто чужой, она бы изошлась лаем, а так меня уже знает. И как бы сказала, вроде знакомые пришли, но чужие. Да, собачку выдрессировали на такие моменты.

Пройдясь к дому Маруши, я учуял запах свежее испеченного хлеба. И, обойдя её дом, увидел, как она возится возле уличного очага. Не в доме же готовить, вот и есть здесь у всех такая уличная кухня. Навес иногда огороженный, с очагом, сложенным из камней и обмазанным глиной, с заслонками, все как надо, да с парой столов рядышком, на которых и располагался различный инструмент для приготовления пищи.

— Здравствуйте, кормилица Маруша, — и поклонился ей немного, проявить почтение нелишне, все-таки она работу мне давала и подкармливала изрядно.

— И тебе здравствуй, Яромир, — слова, произнесенные ей, звучали по-другому, но понял я их именно так. Отвлекшись от своих дел, она меня осмотрела.

— Словно шиша, а не добрый юнец, да и весь какой-то пришибленный, эх, гоняют вас наставники, а может, и к лучшему будет.

— Учимся всему, матушка Маруша.

— Это правильно, это не во вред, а ты, небось, потрудиться пришел, — и снова она произнесла другие слова, которые я услышал, но понял именно так, можно, наверно, напрячься и услышать именно то, что она говорит, но и так нормально. Автопереводчик с корректировкой услышанного и сказанного. Хотя для Яромира эти слова естественны и нормальны, это для меня, Александра, они странны и чудны, через раз понимаю.

— Истинно, — я важно кивнул.

— Только сегодня ничего нет, многие на промысел ушли, да и ты будь осторожен и своим передай, волков поблизости видели, а то встретите в лесу, погрызут еще.

Мда, работы нет, это плохо, а вот волки еще хуже.

— Ты через пару деньков приходи, да парочку ребят своих позови, с промысла вернуться, работы хватит.

— Хорошо, — эх, не покормят, видать, а надежды были, — прощевайте, кормилица Маруша.

— Ты погоди прощаться, иди возле плетня посиди.

Устроившись возле выхода, я поглаживал щенят, которые так и липли ко мне, а вот их мамашу трогать поостерегся, может цапнуть, были случаи с ребятами.

А спустя пару минут и Маруша в корзине что-то съестное несет, я же поднялся, здесь уважение к старшим не просто звук. Так что легче и проще проявить, да и Маруша мне добро делает, хоть и не обязана.

— Вот, держи по снедай.

— Благодарю, — я принял у нее плетеную корзинку. — Маруша, а у вас найдётся отрез кожи? — я примерно показал руками размер носового платка. — И кожаный шнурок, был бы признателен очень.

На что она только хмыкнула и развернулась.

Я же присел и смотрел ей вслед, на ее сгорбленные плечи и висящие руки. Да, тяжела нынче жизнь. Сколько ей лет? Сорок может быть, а может, и чутка постарше, а уже, считай, старуха.

Сколько детей-то родила, явно не меньше пяти, а в живых двое осталось, дочь, что живет в соседнем доме, да и сын, что у дядьки мого на ладье обретается.

Я же заглянул в корзинку, да, расщедрилась нынче Маруша. Крынка молока козьего, я пригубил сразу, миска ячменной каши с кусочками репки и рыбы.

Ммм свежий хлеб, а что это у нас тут завернуто?

Я развернул тряпицу, что была почти на самом дне, пять вяленых рыбешек.

Люди на промысел ушли, вот и освобождает сусеки, видать, через пару дней с уловом вернутся, а там и работа будет, и помощь наша пригодится, как она и сказала.

Рыбку, пожалуй, трогать не буду, хоть и хочется, а с собой заберу, не зря же она в тряпицу завернула, могла и так положить. А завтра что с едой будет, неизвестно. А так можно будет похлебку какую сварить, кореньев накидал — да и ешь. Есть у меня в лагере парочка дружков, вот и поделиться смогу. Интересно, а им любви и ласки перепало, или только я такой везучий?

А вон и Маруша возвращается. Сложив аккуратно все в плетенку, я передал ей в руки, а после поклонился:

— Благодарю.

— Вот, держи, нашла, — и она мне протянула то, что я просил.

— Спасибо, Маруша, за милость твою, до свидания.

— И ты прощай, Яромир, и про волков не забудь, — вновь напомнила она мне.

Выйдя за околицу, я взглянул на солнце: оно недавно прошло зенит. К вечерне, думаю, приду в лагерь.

[1] Июль

[2] Сентябрь

[3] Добрая, хорошая.

Дойти до лагеря удалось вполне спокойно: никто не трогал и не беспокоил, а главное, с волками или другой хищной живностью не повстречался. Приблизившись и не выходя из-за деревьев, начал приглядываться.

Большая поляна, окруженная со всех сторон лесом, и вот на той стороне на разном удалении располагались четыре учебных лагеря. В них проживали и проходили обучение юноши, которым предстояло сдавать экзамен на мужество.

На сельскую пастораль совсем не тянет, скорей бичи на выпасе. Да и запах специфический идет, а что я хотел? Люди живут на обособленной территории, едят и испражняются. Все обыденно, если мусорные ямы присутствуют, и есть, куда скидывать отходы, то вот с туалетами явно проблема. И думается мне, что ни одного лопуха в ближайшей округе я не найду. Так себе ощущения, в воспоминаниях Яромира казалось, что не так страшно. А вот через призму жизни Кощея все не так и хорошо, есть с чем сравнить.

Наш лагерь представлял собой сборище шалашей: от маленьких, на одного человека, до больших, с навесами и стенами, где могли проживать около пяти людей. Рядом с моим лагерем стоял шатер, в котором и обитал наш наставник, приглядывающий за нами и обучающий различным вещам. Проживал он там не постоянно и мог свободно отлучиться по своим делам на неопределенное время. К каждому лагерю был прикреплен свой наставник.

Переехали мы в этот лесок где-то в середине июня, до того же наша практика проходила у берегов Варяжского моря, где нас обучали ходить на ладьях, как на веслах, так и под парусом вдоль берега, рыбалке и многим другим вещам, связанным с мореходством.

Теперь же у нас лесная практика, причем то, чему учат, известно многим, но не все, есть нюансы. Да и собраны мы из разных поселений, кто-то из прибрежных, им больше знакомо мореходство, а вот лес уже не так понятен, и наоборот.

А вообще, все это действие можно разбить на три этапа. Первый — проживание в лагере, где и проходит наше обучение. Мальчишки начинают проявлять свой характер и склонности: кто смел, кто глуп, а кто трусоват и гниловат. Весьма важный этап, да и взаимодействие парней тоже многое показывает, весьма неглупо все организовано.

Второй этап, сам экзамен, можно охарактеризовать как переход мальчика в мужа или проявление мужества, как ни назови, смысл один. А вот здесь полное проявление фантазии и креативности наших наставников при согласовании с волхвом. Это может выглядеть как охота на дикого зверя или поединок со взрослым воем, а может быть и вовсе чем-то иным. После этого мальчик фактически считается взрослым.

Однако есть третий этап, тоже весьма важный, приобщение к тайнствам бога-покровителя под взглядом волхва. А вот про это не сильно много известно, хотя разговоров и слухов хватает. Так как каждый волхв может проводить тайнство немного иначе, и это носит весьма личный характер для каждого прошедшего.

Хотя, опять же, этапы могут отличаться в зависимости от места проживания. В больших городах, например, близ Щецина или Волина, от первого этапа отказались, и юношам приходится проходить только второй и третий, а обучение производится в рамках семьи, и, соответственно, навыки у многих разнятся, кто-то умеет больше, кто-то меньше. А в некоторых местах и вовсе от подобной практики отказались.

Со своим географическим положением я смог определиться по воспоминаниям

Яромира. Мы живем на берегах Варяжского моря, оно же в моей реальности имеет название Балтийское, Европа во всей красе. А рядом с нами проживают другие племена, хотя полноценно племенами это уже не назвать. Скорее этакие союзы славянских племен, где многое перемешалось, как и сами племена, так и места их жительства.

Близким и недружественным соседом для нас являются германцы, полноправные христиане, как и саксонцы, но они скорее середина на половинку — вроде христиане, но еще далеко не полноценно. Вот как с германцами, так и саксонцами, у наших соседей постоянно происходят конфликты. А вот за землями германца лежит империя франков, вот уж кто является истинными христианами, в чем тоже мало приятного. С другого бока лежат земли полян, хотя уже, наверно, можно сказать, поляков, которые вроде как тоже приняли христианство, вот здесь уж я точно вспомнить ничего не смог. За их землями располагались осколки государства Великая Моравия, в моем времени которая прозывалась Чехия. За землями полян вроде еще кто-то живет, но кто, Яромир не знал, слышал только, что там располагается Русь, там лежат Новгород и Киев, а там уже дальше Царьград, куда его дядя ходит ради торговли. Все это весьма условно, так как основано на рассказах, которые слышал Яромир, и от реальности может отличаться.

А с моря Балтики к нам любят на огонек заглядывать любопытные и мирные европейцы в виде всяких норманнов. Кто поторговать, а кто и пограбить. В общем, отличные условия для жизни, точнее, для того, чтобы быстро и качественно умереть.

Веселое окружение. Как в старом анекдоте: командир, мы окружены, хорошая новость, теперь мы можем нападать в любом направлении. Вот и у нас так.

Да и с христианством тоже не все просто, заглядывают к нам проповедники, кто-то даже принял новую веру. Вот и к нам пару лет назад, в город, где прадедушка Рознег, являвшийся нашим волхвом держит капище нашего бога, пришел такой проповедник.

В общем, ходил, что-то рассказывал и бубнил, достал всех своими бреднями. И на очередной проповеди о силе и могуществе своего бога, о том, что Христос мог обращать воду в вино, о том, что мог ходить по воде и оживлять мертвых. При одном упоминании о вине народ отвлекся от своих дел и начал прислушиваться с интересом, даже прадедушка Рознег подошел поллюбопытствовать, а, собственно, что такое здесь происходит?

Хождение по воде людей тоже заинтересовало, правда, когда пошел сказ об оживлении мертвых, прадедушка смеялся, держась за свою бороду. А после кто-то притащил пару бочек с водой, и начали мужи всячески принуждать проповедника явить силу бога и сделать воду вином, ой, как они уговаривали, но тот почему-то не смог. Подумав над этим, народ под пристальным взглядом прадедушки и решил, что всякое бывает. И надо проверить силу бога в хождении по воде, дело-то нужное, на море живем, то торгуем, то воюем, всяко пригодится, и скинули этого проповедника с утеса в самое море. В общем, не выплыл христианин и хождения по воде не продемонстрировал всему честному люду, как и оживление себя. Подумали и решили, что христианство — хорошая религия, но их бог явно находится далеко и мольбы своих людей с этих земель услышать не способен. А раз не способен продемонстрировать те чудеса, о которых рек проповедник, то и говорить не о чем. Как по мне, весьма показательный момент.

Прогулка в лесу и в тишине благотворно повлияла на мои мыслительные процессы.

Поправил самодельный кистень, обвязанный вокруг пояса, а то из-за камешка штаны немного спадают и ходить неудобно. Хотя до кистеня, который я смастерил в детстве, ему далеко, ни свинцового грузика, ни стального троса.

Хотя и этим можно зарядить в лоб неплохо: камень, обернутый кожей и на шнурке. Были мысли, как только увижу шакаленка, без лишних разговоров сразу в лоб дать. Однако, поразмыслив, отказался от этого желания: кистень все же оружие, так вот применение оно, да еще и первым, чревато будет. Да и не только это, есть и другие нюансы, а именно, если убью на глазах у всех или полноценно покалечу, вступят в дело традиции. Так как я еще не являюсь полноценно мужем, ответственность за меня понесет род. И мои действия могут повлиять на отношения семей, хотя они и так весьма напряженные, но все же до смертоубийств не доходило.

Моя семья может смело считаться местной элитой, прадед является весьма уважаемым и авторитетным человеком, к тому же волхвом, что само по себе весьма сильно. Отец и дядя являются храмовыми стражами, причем отец еще и десятником, что тоже весьма уважаемо по местным меркам, у нас при капище их всего пять, до того же Щецина нам далеко, там тридцать десятков храмовых стражей. Родичи не находятся постоянно у храма, а осуществляют свою деятельность, так сказать, вахтовым методом, заодно и за порядком в городе смотрят. Живет наша семья отдельно не в городе, с прадедушкой и другими родичами, а в большом селе: не любит отец подолгу в городе находиться, хоть и приходится.

А вот в остальное время отец занимается фермерством, небольшой торговлей, рыбалкой и совсем чутка разбоем, у нас даже ладья есть. А вот двоюродный дядя промышляет международной торговлей: и в Персию ходил, и в Царьград, вот отсюда и проистекает конфликт с семьей моего не совсем друга. Есть и другие семьи, которые занимаются торговлей, но основной конфликт идет с родичами шакаленка. Его родной отец — прямой конкурент моего двоюродного дяди. Сначала была просто конкуренция, а сейчас дело движется к конфликту. В прямое столкновение лезть ему силенок не хватит, в особенности при поддержке прадеда и отца с дядей, так как за ними подтянется и вся храмовая дружина, а это семьдесят два неслабых аргумента в любом споре, вооруженных и очень опасных. Да пять десятков храмовой дружины, это семьдесят два бойца, так как десяток не означает, что в нем ровно десять бойцов. Просто наименование такое, количество людей, состоящих в одном десятке, может различаться.

— А почему же я не могу поступить как шакал? — Ведь будучи весьма молодым и горячим, Яромир, улучив момент, просто бросился бы в драку, несмотря на последствия. А сейчас, можно сказать, у меня две субличности с разной памятью, разной жизнью и с разным отношением к этой жизни.

Может быть, это не совсем правильно, вести диалоги с самим собой, но рассуждать так легче и смотреть на тот или иной вопрос с двух точек зрения, от Яромира и от Кощея, полезнее.

— Сейчас тебе дядюшка Кошей все популярно объяснит, фактически на пальцах.

— Законов в нашем обществе нет как таковых, но есть традиции, что иной раз посильней любых законов будут. Так почему я не могу поступить как шакалёнок? А здесь все просто, я ведь не малолетний дебил.

— Предположим, если бы этот мордофиля[1] кого-нибудь другого покалечил или убил, что было бы?

— А было бы то, что его семья просто отделалась бы вирой, и все, вероятно, на этом бы и закончилось. Так что деньгою заплатила бы семья шакаленка, обидно, но ничего страшного, выпороли бы шакала и все. Все равны, но есть равнее.

— Кому-то можно больше, кому-то меньше, а кому-то совсем ничего. Весьма острая

социальная тема, не правда ли?

— Только есть еще одна традиция, Яромир, и ты о ней знаешь, а дядюшка Кощей тебе о ней напомнит. Традиция кровной мести. Если ты не согласен с вирой и тебя гнетет обида, можешь взять топорик и надавать своему обидчику по голове, ты в своем праве, например, за убийство сына или отца. Неизвестно, получится ли, но попытаться можно.

— И дядюшка Кощей думает, если бы со мной случилось что-то такое случилась, семья малолетнего дебила вирой бы не отделалась. Устроили бы наши родичи ночь тысячи кинжалов, а что — повод есть, и в своем праве. Мне, конечно же, приятно осознавать, что за меня отомстят, но мертвому будет все равно.

— Думаешь, не определили бы их вину, так у прадеда Рознега сильно не забалуешь, сам его знаешь. Раскрутил бы он их легко и непринужденно, а если бы вдруг не смог, в чем я сомневаюсь, так просто наши родичи назначили бы их крайними, я уже был бы мертв, а так всяко польза для семьи выйдет.

— Так что, если просто и без затей его покалечить или убить на глазах у всех, это, вероятно, спровоцирует межродовой конфликт. Вот если шакаленок меня спровоцирует, а еще лучше бучу затеет на глазах у видаков, здесь можно будет себе позволить многое. Многое, но далеко не все. Есть у меня одна мысль, как его не покалечить и не убить, а интерес свой соблюсти и обрести кое-какое спокойствие, без развязывания конфликта между семьями. Да, в случае прямого столкновения моя семья их затопчет, но зачем лодку расшатывать? А интерес мой всего лишь в том, чтобы юный мальчишка не мешал, это можно сделать и без большого членовредительства, хоть и хочется душу отвести.

Вроде такой пустяковый вопрос о порче лица ближнему своему, а размышлений на полдня. Если бы не столь острые отношения между семьями, можно было бы не заморачиваться.

Подходя к лагерю, я обратил внимание на шатер наставника: полог был завязан. Значит, наставника нет. Когда он в лагере или где-то рядом, полог всегда откинут.

Приветливо махнул рукой знакомым ребятам, сидящим у костра и пытающимся что-то приготовить в общем котле — судя по запаху, похлебку из рыбы и кореньев.

У нас был различный инструмент общего пользования, включая пару котлов, и воспользоваться им мог любой, только приведи в порядок, перед тем как вернуть, и не затягивай с этим. Поначалу были драки по этому поводу, но со временем все решилось. Хотя у нас драки по любому поводу могут случиться, а что — в одном месте собрали подростков пубертатного периода, которым обязательно надо доказать, что они самые лучшие и сильные. Это особо активно случалось в первый месяц, а потом установилась своя иерархия.

Зайдя под сень леса, я спокойно направился в шалаш. Интересно, ребята там или где-то шастают?

Я жил не один, а со своими товарищами. И шалаш у нас был большой, со стенами и крышей, а подстилкой служили не только наломанные ветки и лапы елей, но и сухая трава, а сверху пара старых облезлых овечьих шкур, номер люкс со всеми удобствами.

И, подходя к шалашу, я услышал, как спорят мои друзья, Гостивит и Дален. Они были не только моими друзьями, но еще и соседями в селе. А между собой они были родичами, двоюродными братьями. И по внешности весьма схожи, широколицы и русоволосые, настоящие рязанские рожи. Только глаза у Гостивита были голубые, да и чуть выше он своего родича, а у Далена зеленые. Оба жилистые и крепкие ребята.

— Зря мы тебя послушали и в такую даль поперлись, — выговаривал Дален.

— Ну, я же слышал как Добродей рассказывал, что там были утки с выводком, не могли улететь, рано еще, может, просто не то озеро, — оправдывался Гостивит.

— Слышал он, разиня, а ложиться спать нам придётся голодными, лучше бы что другое измыслили, — бурчал Дален.

А вот четвертый из нашей компании помалкивал. Лан, сын коваля, который недавно приехал в наше село по просьбе моего отца. Здесь, в лагере, мне пришлось исполнять наказ отца и оказывать ему покровительство. Он чужак, как и его отец, приезжий, не пойми откуда, ни друзей, ни родичей поблизости нет.

Хотя поначалу Яромир отнесся к нему весьма прохладно, фактически первую пару недель Лан провел в одиночестве, не сильно с кем-то общаясь, но в обиду себя не давал и дрался отчаянно. Видом он своим отличался, как и его отец, прямой нос и весьма выразительная челюсть, а на волос весьма темен. Нет, у нас тоже есть черноволосые, но вот общий вид сразу показывал, что он не из здешних мест.

— Ой, кто о чем, а Дален о пожрать, привет всем, — приблизившись к шалашу, я поприветствовал друзей.

— О, Яромир явился! Где тебя носило? А то Иловой всем рассказывает, что ты домой убежал, он якобы видел, — просветил меня Дален.

— Гулял по лесу. Вот, держи, а то будешь весь вечер бурчать, — и протянул Далену сверток с рыбой.

— О, еда, — Дален развернул полученный сверток.

— Мне хоть хвостик оставьте, проглоты.

Прислонившись к дереву, я молча наблюдал, как парни с остервенением рвут зубами высушенную рыбу и жадно глотают.

— Яромир, — сзади раздался окрик.

Не поворачивая головы, я глянул назад. Иловой пришел, уже донесли. И не лень ему было с другого конца лагеря идти?

— Ты же домой убежал, мы видели. Или решил вернуться? Это ты зря, — пошел шакаленок в атаку.

— А мы — это кто? Ты, да два хвостика, что вечно за тобой шастают? Переговоры высоких сторон начались.

— Что-то ты, когда убежал, не был такой разговорчивый, или где храбрости набрался?

— Как известно, зайцы толпой и медведя погрызть могут, но только толпой, — с усмешкой заметил я. К зайцам здесь относятся весьма пренебрежительно, так что мои слова прозвучали интересно: еще не оскорбление, но уже на грани.

— Это ты меня зайцем, назвал, что ли? — начал заводиться Иловой. А я так и стоял, опершись о дерево и не поворачиваясь, что тоже придавало пикантность ситуации.

— А того, что толпой нападали, ты не отрицаешь? Если только так и можешь, на большее не способен, то кто ты есть? — а в голос побольше брезгливости, еще больше, вот так, хорошо. Заодно и повернуться к нему и его дружкам, так и не отходя от дерева.

Бросив взгляд на своих друзей, парни перестали жевать и выбрались из шалаша, с неприкрытой враждебностью посматривая на Илова.

— Ха, — выдал он весьма натужно, — я и сам справлюсь.

— С кем это ты справишься, со мной, что ли? Опять твои выдумки: то я домой убежал, то ты со мной справишься. — Я хмыкнул и отошел от дерева.

— Да! С тобой я и сам справлюсь, — в его голосе слышались истеричные нотки.

Случались между нами драки и не раз, результат был разный, никто не показывал полного доминирования.

— Хорошо, я согласен биться, — не совсем то, чего я добивался, но тоже сойдет.

Стянув с пояса самодельный кистень, закинул его в шалаш. Я обратился к друзьям, тихо, чтобы нас никто не расслышал, а то на наш разговор с шакаленком почти весь лагерь пришел.

— Ребята, после того как я с Иловаем закончу, мне нужна будет ваша помощь, устройте большую общую драку, очень надо.

Парни как-то неуверенно переглянулись.

— Если очень надо, Яромир, устроим, — вперед вышел Лан, — я давно с Добрыней побиться хочу, да и с Баваем тоже.

Никак не ожидал, что Лан первым откликнется. А там уже и Гостивит с Даленом кивнули, деваться некуда, невместно. Как по мне, общую свару затевать у них желания не было. Особенно не понимая, зачем это надо? С Иловаем все ясно и понятно, а с остальными-то зачем?

— Благодарю, так надо, парни, просто надо.

Развернувшись, я направился к Иловаю, чувствуя, как за мной идут близкие друзья.

А вокруг народу еще больше стало.

Спустившись на прогалину к Иловаю и остановившись в двух шагах, с ухмылкой и свысока смотрел на него. Могу себе позволить, я в лагере выше всех ростом, высокая и худая пальма.

Иловой хоть и был ниже меня на голову, зато был крепко сбит и в плечах шире. Широколобий и лопоухий, а по всему его носу шли веснушки, такая дорожка.

Окинул взглядом окружающих, все ждут нашей драки. Еще бы, это же такое веселье, когда развлечений мало.

Перевел взгляд на Иловая, давая ему понять, что первым начинать не намерен, пусть думает, что я трушу. Что, дорогой, полагаешь, у нас будет честная драка? Как же ты ошибаешься, никакой честной драки у нас не будет.

— Что, готов? Никуда не побежишь? Ну, тогда держись у меня, — и Иловой сделал шаг вперед, занося кулак для удара.

А замах у него был широк, от всей души. Куда, дорогой, так замахиваться, ты же не дрова колешь. Откинул сначала корпус назад, а после и голову, удар пронесся мимо, коротки твои ручонки, это тебе надо было еще ближе ко мне подходить.

Делаю шаг и бью справа в переносицу. Чувствую, как костяшки касаются его лица, а после кулак полноценно впечатывается. Не сходя с места, бью ногой по его волосатым колокольчикам, и слышу крик, вырвавшийся из его горла.

Больно, конечно больно и адски больно. Эта боль ноющая и очень сильная, ты некоторое время после этого не способен нормально соображать. Эта боль сводит с ума, отключая от действительности. Говорят, если присесть, аккуратно на пяточках, боль уменьшается. Только врут, ни хрена эта не помогает. Откуда я знаю? Так прилетало пару раз. Ох как я ненавижу людей, сделавших мне так больно, ты бы знал, Иловой. Вот и решил с тобой поделиться этим опытом дядюшка Кощей.

А ты уже нагнулся и встал в позу, держась за свои мохнатые колокольчики, так это же прекрасно, ты полностью готов к продолжению.

Удар по ушам с двух рук, добавим тебе оглушение, надеюсь, небольшое сотрясение ты словил. Подсечка — и шакаленок падает на землю, раскидывая руки в разные стороны.

Я же выдохнул, удалось. Часть первая закончена.

Оглянулся по сторонам, все тарасились на нас, у многих глаза были распахнуты на полную, так как дракой это в их понимании не назвать, скорее быстрой и жёсткой расправой. Лан, так же, как и все, находился в остолбенении.

Приходи в себя и давай начинай, пока этот шакаленок в колобок не свернулся. Тик-так, тик-так.

— Лан, — вырвался у меня едва сдерживаемый крик, мне аж захотелось его матом сверху приложить, еле удержался. Он посмотрел мне в глаза и кивнул, а после развернулся в сторону одной из компаний ребят.

— Добрыня, ты, колomesь[2], я слышал, как ты хвастался, что легко со мной справишься, а ну, докажи! Или языком только лаяться способен, как Иловай?

Вот это он выдал, вот это он красавец. Он меня второй раз за день поразил, не был он раньше таким говорливым. Может, я на него как-то воздействовал, ага, харизмой и природной красотой.

А внимание народа начало переключаться, это же хорошо, просто чудесно.

Повернувшись вновь к Иловаю, увидел, что он свернуться в калачик пытается, но это немного трудно сделать, особенно когда на твоей руке стоят. Переместив свою стопу на его запястье, другой ногой размахнулся и ударил по пальцам его руки. Раз, два, три, четыре, пять — я продолжал наносить удары ногой. Надеюсь, переломы пальцев ты получил, скотина. Сойдя с его руки, рассматривал свернувшегося Иловая, одной рукой держащегося за промежность, а другой пытающегося баюкать свою руку, при этом подвывая, по лицу его катились слезы.

Было ли мне его жалко? Нет. Получил ли я удовольствие от этого? Да, получил. Но не от того, что он сейчас воеет от боли, а от того, что шакаленок получил по заслугам.

Ведь я, как Яромир, прекрасно помню, что, когда удирал от него и от двух его хвостиков, у меня плетью висела рука, и ею невозможно было даже пошевелить. И ребра, когда прижимал руку к животу, неестественно выгибались. И сочувствующих взглядов у Иловая и его дружков я не видел.

А драка начала разгораться хорошая, все со всеми, видимо, вспомнились обидки, сжались кулачки.

Выцепив своих друзей взглядом, я выдохнул: дерутся с кем-то с остервенением, иногда что-то даже выкрикивая, молодцы, держатся.

Обнаружил взглядом прихлебателей Иловая, которые тогда активно помогали в беседе со мной.

— Ну что, ребята, настало ваше время, — и я двинулся в их сторону. Теперь повеселимся.

[1] — Чванливый дурачок

[2] — Вздор говорящий

Свет проникает сквозь крышу шалаша, не давая мне спать. Рассвет, новый день.

Тело все гудит тупой натужной болью, особенно отдается в голове и плечах, куда прилетали удары, когда общая свалка началась, и уже неважно было, кто кого бьет. Надолго нас не хватило, и спустя минут тридцать ожесточенной драки мы начали расходиться по своим шалашам, да и смеркалось уже, света становилось все меньше под кронами деревьев. Только до поздней ночи раздавались споры и крики, кто кому и куда смог хорошенечко садануть, хвастались ребята.

И, несмотря на то, что тело постреливало болью, у меня было хорошо на душе.

Окинув взглядом ребят, отметил, что синяки уже вовсю начали наливаться на их лицах, да и по общему состоянию мне казалось, что им хуже, чем мне. Хотя мне вчера изрядно прилетело, и, как я помню, по более, чем друзьям, а не надо было в толпу с криком врываться.

Поднял длань к очам своим. Тьфу, привязалось.

Смотря на руку, я пустил поток целительской силы, и ладонь начала потихоньку сиять, сначала еле заметно, почти не видно. Постепенно поток приобретал бледно-зеленый цвет, почти прозрачный, а после уже стал салатový, а спустя пару мгновений сияние стало насыщенно-зеленым.

Я был изумлен и, словно впервые, рассматривал одну из граней своего дара. Приятное чувство шло от силы, растекающейся по моему телу. Возможно, благодаря этому я и чувствую себя сносно, а не валяюсь словно измочаленный кусок хорошо отбитого мяса. Интересно, это просто дар целителя или нечто большее?

Бросил взгляд на парней. Они, словно суслики, замороженно смотрели на сияние изумрудного цвета в моей руке. Они дышали через раз и боялись шелохнуться. Странно, они же уже видели, как Яромир раньше применял силу. Или к такому трудно привыкнуть?

Этот дар — просто чудо, я и в прошлой жизни был одаренный, но это как сравнить огонь от спички и газовой горелки, мощность разная. И больше всего мне это напоминало именно поток силы, контролируемый поток силы. Как и в прошлой жизни, просто направление силы и ее контроль, ничего больше. И мне давалось это легко и просто, в прошлой жизни с ветром было сложнее. Надо будет и с ним попробовать, но это позже: сейчас надо ребят лечить.

— Все живы, а скоро и здоровы будете.

Придвинувшись к Лану, решил, что с него и начнем: он первый пошел мне навстречу, значит, и тут будет первым.

— Лан, ты глаза прикрой и расслабься, что ли.

— Хорошо, — он прикрыл глаза, но его лицо было по-прежнему напряжено.

У Лана все лицо было заплывшее, в синяках — крепко ему досталось. Я начал аккуратно водить рукой и попытался направить поток силы в поврежденные ткани.

Постепенно опухлость спадала, а синяки рассасывались, это заняло порядка десяти минут. До конца лечить не стал, пациентов у меня сегодня, думаю, много будет, и наверняка на всех сил не хватит, надо аккуратней.

— Так, теперь давай руки. Да что ты делаешь? Просто кисти подними и ко мне протяни, — я начал так же работать с его разбитыми в кровь кулаками. На глазах, конечно,

не затягивалась, но видно было по лицу Лана, какое он испытывает облегчение. Не останавливаясь на костяшках, я прошелся по всем рукам, включая предплечья.

— Теперь давайте вы. Гостивит, двигайся сюда, что разлежся? Плохо тебе, так мне тоже не очень-то и хорошо. Лицо подставь, как Лан. Ты куда тянешься, поцеловать хочешь? Так я тебе не девка.

— Яромир, я так же, как и Лан, делаю, — в его голосе звучала обида, а Лан с Даленом начали хихикать.

— Вот так, ага, сиди, не ерзай только, — повторив процедуру, я занялся Даленом. Отпустив поток силы, я задумался. После применения способностей у меня начало нарастать легкое чувство усталости, но и парней старался лечить хорошо, хоть и не до конца, не сильно-то и экономил. На всех пострадавших вчера парней моих сил может и не хватить. Занятно, конечно, выходит, чем больше расход, тем больше будет проявляться усталость.

— Яромир, — отвлек меня от размышлений голос Далена.

Когда я повернулся к нему, он продолжил:

— А зачем тебе нужна была вчера общая драка?

Парни на меня внимательно смотрели, ожидая ответа.

— Ну-с, во-первых, я вчера поломал Иловая.

— И что? — здесь вопрос прилетел уже от Гостивита.

— Так поломал я его не во время драки, а уже после, когда он лежал и даже встать не мог.

— Тоже мне невидаль, — влез неугомонный Дален. А вот Гостивит после моих слов немного скривился: не по нраву. От Лана мне достался весьма задумчивый взгляд.

— Это не каждому по нраву придётся. Вот Гостивиту это не понравилось, да и другим тоже может не понравиться. А зачем мне шепотки? Да и поломать его я мог серьезно, всяко могло случиться, а так при общей драке мало кто уже на нас смотрел, мало ли кто это мог сделать? За всеми не уследишь. Во-вторых, очень мне хотелось его дружкам тумачков прописать, а после такой драки с Иловаем согласились бы они?

— Эт вряд ли, не полезли бы, — озвучил общую мысль Дален.

— А в-третьих, я сейчас пойду к пострадавшим парням и тоже буду их лечить.

— Это еще зачем, делать больше нечего? — возмутился Дален. Гостивит с Ланом предпочли промолчать.

— А ты угадай, а если не сможешь, у Лана спроси. Он точно понял.

Выйдя из шалаша, я потянулся и поежился. Прохладно еще, а в лесу плавали клочья белесого тумана, до конца не разогнанные слабым ветерком.

Здесь принято рано вставать, с самым рассветом, и ложиться тоже рано, как только стемнеет.

Немного размявшись и разогнав кровь, я направился к ближайшему шалашу, где проживало двое родных братьев из соседнего селища. Фактически весь лагерь шапочно знаком, если и не с самими ребятами, то с их родичами, или слышал хотя бы о них.

В общем, два брата еще не отошли ото сна, и мое предложение о лечении было воспринято неоднозначно и настороженно, ведь за Яромиром не водилось ранее такого.

Реакция на мою силу, а именно на сияние целительской силы была такая же, как и у моих друзей, они смотрели на свет, исходящий от моей руки, боясь пошевелиться. Дикая люди.

Провел с ними процедуры; ушла опухлость на лицах, а синяки за день или два

рассосутся. Во взглядах ребят читалась благодарность. Лечить до конца я их не стал, народу много, а помочь надо хоть немного, но большинству.

И так я шел от шалаша к шалашу. Картина встречи была почти одинакова, ребята были насторожены и смотрели с опаской. Некоторые отказались от моей помощи. Это их дело, их решение, каждый сам себе хозяин, мы люди вольные.

С каждой новой процедурой оказания помощи контролировать силу становилось сложнее, а именно, направлять к поврежденному участку.

И усталость наваливалась на плечи, а внутри ощущалось сосущее чувство пустоты.

Половине ребят в лагере я смог помочь, а остальных решил оставить на вечер в надежде, что мне станет легче, и силы вернуться.

Выбравшись из очередного шалаша, я наткнулся на одного из парней, которому помог сегодня.

— Яромир, тебя там наставник зовет!

— О как. И где он?

— У шатра своего, и он, похоже, сердит. И еще я там Иловая видел, рожа вся побитая и опухшая, да и еще с ним эти... как ты их вчера назвал, — парень призадумался, — а, хвостики, ха-ха, ты верно сказал, вечно с ним таскаются, тоже стоят побитые. Ха-ха, а ты молодец, быстро с ним справился.

— Пойдем к наставнику сходим, раз он зовет.

Возле шатра наставника собралась интересная компания: Иловой со своими прихвостнями, пара парней, которые отказались от моей помощи. И, соответственно, сам наставник Валуй, одетый в свиту[1]; она была не нова и поношена, а цвет, который раньше привлекал внимание, поблек, от бывшего желтого остался еле уловимый песочный. Руки он держал на поясе и поглаживал рукоять ножа. На левой руке у него отсутствовал мизинец. Рассказывают, что он его еще в молодости потерял на охоте на кабана.

Борода была аккуратно подрезана, а голова повязана полоской ткани, и волосы убраны назад.

Судя по взгляду, Валуй явно недоволен.

При моем приближении голоса начали стихать, а Иловой и вовсе старался на меня не смотреть.

— Здравствуй, Яромир, тут рассказывают, что людей лечил, словно родич твой — волхв Рознег.

— Здравствуйте, наставник, то правда, применял свой дар для лечения.

— О, — протянул наставник и даже посветлел лицом.

— Тогда вылечи его, — и ткнул пальцем в Иловаю с опухшим и синим лицом, а его глаза были словно щели. Он баюкал руку со сломанными пальцами, торчащими в разные стороны.

Валуй — далеко не самый приятный человек, добротой совсем не отличается, и возражать ему я бы поостерегся, чревато будет. Однако в этой ситуации мне придется это сделать: во-первых, не для того я Иловаю пальцы ломал, чтобы потом лечить, а во-вторых, сейчас я уставший и вряд ли смогу это сделать, да даже будучи полным сил, я, думаю, не справился бы. Ну а в-третьих, банально не хочу, я бы ему еще что-нибудь лучше сломал.

— Нет, наставник Валуй, — я опустил взгляд себе под ноги.

— Что-что ты сказал, я не расслышал? — наставник приблизился ко мне.

— Нет, наставник Валуй, я не буду ему помогать.

— Ах ты, щенок, перечить вздумал?

Начав поднимать взгляд, я увидел летящий в меня кулак. В голове же успела промелькнуть мысль:

“Ожидаемо.”

От удара меня откинуло на ближайшее дерево, где я благополучно шваркнулся головой, а после в глазах потемнело.

Пришел в себя в шалаше. Ребята сидели возле выхода и что-то обсуждали. Голова немного кружилась и побаливала, хорошо прилетело. Немного полежал, и мне полегчало, я начал выбираться из шалаша.

Выбравшись, ощутил голод, да и пить хотелось. Еще бы: взглянув на небо сквозь просвет в ветвях, понял, что скоро вечереть будет. Видимо, у меня сегодня оздоровительное голодание.

— Как ты, Яромир? — поинтересовался Гостивит.

— Да нормально, — хорошо мне от Валуя прилетело.

— Это да, ребята говорили, что аж до дерева улетел, так он тебя ударил. — Дален подскочил и начал размахивать руками.

— Ты чем думал, когда с ним пререкаться начал? — прилетел вопрос от Гостивита.

Не успел я начать говорить, как влез Дален.

— А что он по-твоему должен был сделать? Помочь Иловаю, а после обнять и братом назвать?

— Ну нет, — смутился Гостивит.

— Ну нет, — передразнил Дален, — все правильно Яромир сделал, все правильно.

— А чем все закончилось-то, и кто меня принес? — отвлек я ребят от зарождающейся перепалки.

— После того, как тебя Валуй ударил, он поругался насчет того, какие дерзкие щенки пошли и старшим все время перечат, после вместе с Иловаем ушли, а тебя Тихомир с Любомиром принесли. Мы и не знали, что случилось, пока они все не рассказали.

— Понятно, — только и протянул я.

А насчет удара наставника Валуя все действительно ожидаемо, ведь наставнику отказал. А так делать не принято и карается. Он любого может наказать и даже забить. Здесь свои традиции, институт наставничества, он нас учит и оберегает. Кто мы такие, чтобы своевольничать и ему перечить? Так что, если он забьет, дело даже до виры не дойдет: он в праве и учит нас уму-разуму, а в учении всяко бывает. Чтобы насмерть забил наставник своего ученика, такое редко бывает, но все же бывает.

Да и с ситуацией с Иловаем все понятно, ведет его сейчас к травнице или какой другой знахарке, пока помощь окажет, а потом возвращай этого недоросля к родичам, так как он сейчас негодный к учебе, да еще и объясняй все по делу, в чем тоже мало приятного.

А тут я такой красивый могу помочь, думает Валуй, а я отказываю. Наставник мог бы и батагов выдать, но только ударом ограничился, спешил, небось. Теперь уж пару деньков его точно не будет, а как вернется, чую, крепко за нас возьмется.

— Ладно, хватит уже эту тему мусолить. То, что Валую перечил нехорошо, но и, как Дален заметил, Иловаю помогать у меня желания не было, да и не смог бы. Я до ручья пошел, а то жажда мучит.

Развернувшись, я пошел среди тенистого леса, своды которого спасали от летней жары, а парни пусть еще маленько потреплются.

Есть хочется. Я погладил свое ненасытное пузо, ничего, завтра к Маруше пойдём, досыта поедим. Хотя сегодня можно ещё по лесу побродить, гнезда поворошить, может, яиц найдем. Но идея лазить по деревьям у меня не вызывала оптимизма, с моей удачей точно навернусь. Тогда будет прекрасное завершение дня.

Горестно вздохнув, я даже немного пожалел себя.

Спустя пару минут вышел к ручью, три шага — и вот я возле родника, из которого бьет холоднющая и чистая вода.

Напившись в роднике, я ополоснулся в ручье. Несмотря на теплую летнюю погоду, в нем была прохладная вода. И, смывая с себя пот и грязь, почувствовал, что смываю ещё и усталость, которая так до конца и не прошла после утреннего лечения ребят.

Выбравшись на берег обсохнуть я разлежся на зеленой траве, пока рядом не было людей и никакой суеты. В голову начали лезть мысли о том, что будет дальше. И я не про сдачу экзамена на мужество, это надо и от этого никуда не деться, если я хочу, чтобы в местном обществе у меня могло иметься свое мнение, и я не был бесправной скотиной. А вот дальше-то что? Я не мог ответить на вопрос, чего хочу. Но вот на вопрос, чего не хочу, ответить мог спокойно. Я не хочу быть бедным землепашцем. Не хочу, чтобы в мой дом, где бы он ни находился, пришли незваные гости с недобрыми намерениями. Не хочу быть голодным и не хочу быть слабым.

Подняв руку, я пустил силу, только уже не целительскую. Мою ладонь окутало сияние голубого оттенка; я ощущал, как по моей ладони движутся легкие потоки воздуха, разгоняя духоту. Магия или дар, меня это завораживало, мне было приятно им пользоваться, и это мне доставляло удовольствие. Да, я хотел бы познать свой дар, свою магию. Вот только это будет тяжело, учителей нет, как и справочников или других пособий, все только методом тыка или, если сказать по-научному, экспериментов и сбора статистических данных, хоть журнал лабораторный заводи, и буду я сам себе подопытной мышкой. Пару экспериментов я провел, и они даже удачны, я могу пользоваться обоими дарами или двумя видами магии: магией воздуха и целительской. Опять же, надо попробовать поработать и с растениями, может смогу ускорять рост или увеличивать урожай, было бы неплохо. Чем больше я работаю с даром, тем больше устаю.

Соответственно, мои силы конечны, и у них есть предел. И в данный момент мой предел невелик. Только практика покажет, как будут развиваться мои силы и будут ли вообще, только практика. Однако это дело не одного дня и тем более не одной ночи. Так что оставим пока магию.

— А вообще, дядюшке Кошею для начала не мешало бы пройти испытание на мужество, а после и посвящение богу. Оглядеться по сторонам в местном социуме и уже после принимать судьбоносные решения, а то слишком мало понимания, что происходит в округе и как оно происходит.

Одевшись, я направился обратно в лагерь, и вот возле моего шалаша был гость.

Тихомир, один из ребят, которым я помог с утра, и который принес мое тело после удара Валуя.

— Яромир, мы сегодня на озеро ходили и пару уток смогли подбить, вот, держи, — и он протянул мне утку, держа за шею, ее голова была чем-то размозжена и представляла собой сплошное месиво.

— Спасибо, Тихомир. Я с радостью принимаю. И я не ради этого вам помогал, еще раз благодарю.

Парень кивнул с достоинством и ушел.

— Я же говорил, что слышал, как говорили, что на озере есть утки, — влез Гостивит.

— Говорил, вот только не сказала, на каком. Неплохо ее камнем подбили, ну, Тихомир вполне может, — Дален с гастрономическим интересом осматривал утку.

И, потыкав в нее пальцем, выдал:

— Хороша, жир уже нагуляла.

— Вот ты ее и будешь готовить, раз жирненькая такая.

— А что это я? — желание у Далена заняться готовкой не особенно кипело, возникло много.

— А кто? Я, что ли? Я ужин нашел, — и приподнял тушку.

Ребята посмотрели на меня с возмущением.

— И неважно, что ее Тихомир принес. Лан вчера первый в драку кинулся по моей просьбе. Нет, вы тоже, но он все-таки первый, да и не знаем, сможет ли он вообще ее приготовить. Остаешься ты и Гостивит. Но это дело Гостивиту я не доверю.

— Эй, — попытался влезть Гостивит со своим мнением.

Дален косо посмотрел на родича и грустно вздохнул.

— Я ему тоже это не доверю, а то точно голодные останемся, несмотря на еду. — И он забрал у меня утку.

— Эй, ребята, я умею готовить, — с возмущением все-таки влез Гостивит.

— Хорошо, — я согласился с Гостивитом, — но давай ты это будешь делать в другой раз и для Илова, — я не удержался, начал подтрунивать над Гостивитом.

Парни засмеялись, а Гостивит надулся.

— Да ладно, братец, ты не обижайся, вон лучше костер разведите с Ланом, а я воду наберу.

— А ты, Яромир... — начал Дален давать ценные указания.

— Не, я еще оставшимся ребятам помочь хочу, кому с утра не успел.

— Ладно, тогда сами справимся.

Я смотрел на уходящих ребят. А в голове крутились мысли о том, что я неверно оценил свою помощь с лечением и его последствиями.

Здесь не существует вопроса, есть ли Бог или Боги. Они есть, это истина. Здесь также не стоит вопрос о магии и других существах, они есть, и это тоже истина. И неважно, есть они на самом деле или нет. Главное, в головах людей они есть, это часть сознания. Магия или дары, это есть точно, а вот насчет остального не уверен, по крайней мере, за свою жизнь Яромир ни с чем таким не сталкивался, лишь рассказы и слухи слышал. Так вот, магия, которую я потратил, когда лечил, здесь считается ценностью. А я ее потратил на всякие пустячные дела, не стоящие этого. А кто-то подумал, что я посчитал их достойными, раз потратил такую ценность на них в столь пустячном деле, как синяки и ушибы. Так что сейчас помогу оставшимся, а то еще посчитают себя обиженными, что кому-то помог, а им нет. Не хорошо может получиться. И отдыхать, ведь на завтра уже есть планы.

[1] Предмет одежды, что то напоминающее рубаху, но из более плотной ткани, могли носить как на голое тело так и поверх рубахи.

Солнце начало всюду припекать, а я с друзьями стою возле селища Маруши и наблюдаю за творящейся суетой. На улице находятся все от мала до велика, и все они работают. Ведь с промысла пришли с уловом. За плетнем находятся несколько подвод, забитых рыбой и бочками, в которых — еще живая рыба. Запах стоит невозможный до рези в глазах.

Смотря на все действие, которое происходит перед нами, я протянул вслух:

— Да, без работы не останемся и голодными тоже.

— Эт ты верно заметил, не останемся, — вслед за мной вздохнул Гален.

Как только нас заметили, сразу припрягли к работе, а ее хватало, у рыбы надо было удалить потроха, а у крупной еще и жабры. А если это треска, так и печень отдельно.

Потом промыть в воде, а уж дальше засолка в бочке на пару дней. И уж после того, как она просолится, часть пойдет на сушку, часть в коптильню, а часть так и останется в бочках. Почему сейчас? Так на улице достаточно тепло, и рыба сможет быстро высохнуть, к тому же в августе начнутся торжища и часть рыбы повезут на продажу. Возможно, под конец августа или в начале сентября вновь пойдут на промысел. Почему такая спешка? Так рыбы много, а на улице жарко. Не хочется свой труд обесценивать. А рыба на такой жаре, необработанная, может достаточно быстро протухнуть. Оттого и спешка, чтобы заготовить как можно больше. Рыбы в бочках это не касается, но и она долго там не продержится.

Вместо нормальных ножей у нас скорее заточенные полоски стали не из лучшего металла, с ужасными рукоятями. А вместо разделочных столов пеньки. Вокруг целый рой мух и другой летающей гадости. А главное, запах рыбы. Как он раздражает, и даже спустя час или два невозможно к нему привыкнуть, а спустя пару часов от него начинает делаться дурно. Но останавливаться нельзя, надо работать. Здесь все пахнут, не разгибаясь и работа поставлена на поток.

Быстрый перекус, и снова за дело. А когда солнце уже пошло в закат, начали разводить костры для освещения, и работа продолжилась.

Постелили нам с ребятами на улице, и, перекусив едва просоленной рыбой, мы завалились спать, обессиленные и воняющие с головы до ног. И следующие дни просто слились, работа и сплошная заготовка рыбы. Единственное, нам иногда позволяли отдохнуть, предлагая таскать дрова для коптильни или собирать хворост вблизи селения.

К запаху рыбы я смог привыкнуть, а как иначе? Если рыбой воняло все, абсолютно все. А меню наше вообще выше всяких похвал было, на завтрак рыба, на обед рыба и на ужин рыба. И это было весьма неплохо, да, меню однообразное и надоедало, но оно было, была еда.

Не приходилось засыпать голодным, не прилипало брюхо к позвоночнику и не приходилось напиваться воды вдоволь, чтобы заглушить на пару часов это чувство, и можно было нормально уснуть. И не мечтать, что вот завтра ты сможешь раздобыть еды, чтобы поесть. Мне и еще таким же парням вокруг. Да, еда была однообразная, но сытная и в меру вкусная, а так как шла заготовка и засолка рыбы, то соли в еде хватало. Горькой и серой, но все же хватало, а не как когда утку готовил без капли соли, совершенно пресную.

На третий день мы уже ложились, зная, что наша работа кончилась, рыба заготовлена, и завтра мы идем обратно. Через пару дней можно будет вернуться, и нам дадут уже сушеной рыбы, весьма обильно. Но есть хочется каждый день и есть хорошо, а еда вещь такая, как и

деньги, имеет свойство быстро заканчиваться, если нет постоянных способов добычи этих ресурсов. Так что в скором времени этой добычей нам и придётся заниматься. Однако в лесу, да еще и летом, оставаться всегда голодным надо еще умудриться. Много, конечно, от удачи зависит, но прожить и без инструмента можно, не особо хорошо, но можно.

Утром, наложив еды в плетенки и поблагодарив за оказанную помощь, нас отправили обратно.

— Яромир, постой, — на выходе из селища меня остановила Маруша.

— Да, матушка, вам еще нужна от нас помощь?

— Нет, вы славно потрудились и хорошо помогли. Вот, держи, это тебе подарок.

И протянула мне старенький бурдюк, выполненный из кожи. Это был поистине дорогой подарок, особенно в тех условиях, в которых мы живем в лагере. И чуть что теперь не придётся бегать до родника, да и в лес можно будет подальше ходить. Бурдюк, он же мех, был небольшой размером: на мой взгляд, туда войдет чуть больше литра воды.

Взяв дар в руки, я поклонился в пояс.

— Благодарю, матушка Маруша.

Она потрепала меня по волосам и погладила по плечу.

— Ну все, беги, вон тебя уже заждались, — она кивнула на моих друзей, а в глазах у нее стояла грусть и какая-то застарелая боль.

Кивнув, я направился к друзьям, сам рассматривая меха и потертую уже старую кожу, швы, сделанные из пеньки. Возможно, это принадлежало ее погибшему сыну или даже мужу, а она мне подарила. Действительно, дорогой подарок.

При возвращении в лагерь парни завалились спать, все-таки марафон по заготовке рыбы дался с трудом, я же, преодолевая лень, устроил себе водяные процедуры, мойку и стирку: въевшийся запах рыбы меня раздражал. И, дождавшись, когда одежда немного просохнет, также завалился отдыхать в шалаше.

Проснувшись от шума на улице, я выбрался. Ребят рядом не было, да и весь народ шел в сторону шума, что-то обсуждая. Выйдя на опушку, я увидел около семи груженных телег. По две возле каждого лагеря, а еще одна ехала от лагеря к лагерю, и из нее споро разгружали мешки.

Народ столпился и с интересом рассматривал, что же из них выгружают. Пробравшись поближе, я увидел, что возле шатра наставника лежит куча мешков, а из телег весьма споро под его руководством выгружают щиты и копейные древки. Возле мешков отдельно лежала парочка легких охотничьих копий с железными наконечниками. А также пяток луков и парочка колчанов со стрелами.

— Оу, будет интересно, — я тихонько пробормотал под нос и взглядом начал искать парней. Они стояли возле телег и пытались туда заглянуть.

Пробравшись к ним, я встал рядом и поинтересовался:

— Откуда вещички, откуда подарки?

— Сами не знаем, а Валуй только отмалчивается, — ответил мне Лан.

Когда с разгрузкой было закончено, Валуй тихо переговорил с возницами, и телеги покатали от лагеря.

— А ну сюда, ко мне подошли, — Валуй обратился к нам. И ребята, словно стадо, ломанулись к нему поближе. Я оказался в первых рядах в компании со своими друзьями.

— В общем, мы получили дары от храмовой стражи и от общества. И будем изучать владение этим, а то что-то вы слишком боевиты стали, — Валуй хмыкнул и показал зубы.

— А кто-то даже считает, что вправе дерзить.

Достав нож, он разрезал бечёвку, которая стягивала заготовки под копейные древки, и они раскатились по земле. Подхватив одно из них, немного поперекидывал из руки в руку.

— Кто хорошо себя покажет во владении копьем, тому позволю брать охотничьи копия, — и он кивнул на пяток связанных копий.

— С луками так же: кто покажет хорошую стрельбу, тому позволю брать.

Подхватив щит из кучи, наставник стал давить нас взглядом, словно прижимая к земле, щепотки и смешки затихли.

— Ну что, Яромир, бери, — он показал на валяющиеся древки и щиты, — покажи, что умеешь, али дерзить только и спорить умеешь, как телок неразумный.

Мля-я-я, вот как чувствовал. На мне остановились взгляды всех; чьи-то были насмешливые и в предвкушении расправы надо мной, чьи-то жалостливые и понимающие. Словно все ребята разделились на два лагеря. Одни желали мне позора, другие, наоборот, поддерживали. На плече я ощутил руку Далена, которая сжала мое плечо.

Я же кивнул наставнику и пошел выбирать себе снаряжение. Вот свезло-то мне. Ладно, чего уж остаётся, только достойно сопротивляться, не оправдываться же перед наставником, никто не поймет. Хотя достойно сопротивляться, может, и не особо хорошо получится, скорее достойно по лицу получу, главное, достойно.

Слаб я с копьем, вот с топором уже что-то из себя представляю, да и с луком, пожалуй, могу.

Оглядев копейные древки, я поднял приглянувшееся, хотя смысл их выбирать, они одинаковы, просто заготовки. С щитами я провозился немного, видно, с ними работали, и некоторые разбиты: дощечки, из которых они сделаны, ходят.

Щит, обычный круглый щит, доски даже не выгнутые. Ручка находится посередине, и если ударить в край, то другой край немного отходит от тела, открывая для удара. Видно, тренировочные щиты храмовой стражи. Взяв щит в левую руку, а древко в правую, я встал напротив наставника.

— Ну что, покажи нам, на что годен, — ухватив поудобней древко так, чтобы рука лежала сверху, а древко было в нижней плоскости, Валуй ударил в центр умбона.

Бом разнеслось над всей поляной.

Прикрыв тело щитом, копье выставил вперед, я старался держать Валую подальше. Прекрасно понимая, что против него с копьем у меня просто нет шансов.

Удар копья от Валую прилетает в нижний край, а верхний немного отходит от меня, шаг назад и попытка уйти от следующего удара. Ага счаз. Удар от Валую щитом по верхнему краю, и мне прилетает прямо в нос, раскроив его. Кровь хлещет и течет по моему лицу, я же лечу на землю. Вот мудак.

Утерев рукавом кровь, бросил взгляд на часть веселившихся ребят.

Поднявшись, я вновь встал напротив Валую, который ходит гоголем, молодец, герой, ребенка уронил, гордись.

— А я думал, ты уже все, понравилось тебе лежать.

Хмурясь и направляя мощный поток лекарской силы в руку, прислонил к кровоточащему носу и спустя десяток секунд смог унять хлещущую кровь. Размазав ее по лицу, я приготовился к бою.

Он хмыкнул в предвкушении.

Обменялись ударами, я старался следить за его копьем и готов был отпрыгнуть в любой

момент. Даже материться про себя перестал.

Валуй сделал шаг вперед и начал быстро бить концом древка в щит, удар за ударом, удар за ударом, бум бум бум, заставляя прижимать щит к телу. Его удары мешали и отвлекали, моя рука выстрелила, древком я метил ему в голову.

Мой удар он принял на косо́й блок щита и повел щит по древку, заставляя меня немного поворачиваться.

Бам! по пальцам прилетел удар щита, со всей силы долбанул мудака. Вскрикнув, я выронил древко и оторвал немного щит от тела. Спустя мгновение пожалел об этом. В мой бок, который не был прикрыт, полетели такие же быстрые и сильные удары концом древка. Нн меня не щадил. И с каждым ударом выбивал из меня воздух и отбивал мне потроха, вот скотина. Спустя пару мгновений я рухнул на землю. Мне тяжело было даже вздохнуть, и казалось, что он отбил мне все внутренности.

— Уберите его! лаять может, а укусить нет.

Ко мне подбежали мои друзья и отволокли в сторонку.

— Хорошо Валуй тебя приложил. Ты как, живой? — вопрос был от Гостивита, но все парни меня рассматривали.

— Нормально, отдышаться только надо.

— А, ну хорошо, коли так. — Ребята меня немного приподняли и оперли о дерево. Стояли и мялись передо мной.

— Вы идите к наставнику, а то мало ли и вам прилетит, а я отлежусь маленько и приду.

Парни помялись и отправились к Валую, а он там разбил часть ребят на пары и наблюдал, устроив поединки.

Бок болел, колело там нещадно, лицо все в высохшей крови, да и пальцы болят, мерзкое чувство. Но что более мерзко, так это чувство беспомощности, которое меня не оставляло после боя с Валуем, где я просто ничего не мог ему противопоставить. От этого было еще больнее. У него и опыта больше во владении копьем, охотник все же, и копьё — орудие добычи для него. От таких мыслей легче мне не становилось.

Что тут сказать, слаб я с копьем, опыта мало, да и силёнок, что тут говорить, он банально сильнее и мощнее. Мог бы я выиграть, пожалуй, не в этих условиях, затянуть мог бы и урон ему нанести тоже, если бы вместо копья был топор.

Я даже понимаю, почему он это сделал. Восстановил статус кво в своих глазах, поставив зарвавшегося, по его мнению, щенка на место и показав, кто в доме батя.

Это все понимаю, но также уж очень хочется ему по физиономии съездить и считаю, что Валуй мне как раз это теперь и задолжал, а я при случае стрясу с него должок.

Пробью я тебе по морде, обязательно пробью. Прощать вот совсем нет желания. Наставник хренов, мудака гребаный, пусть его ящер дерет без остановки.

Пустив лекарскую силу, я прошелся по отбитому боку. Немного стало легче, но только немного: чувствую, не один раз придётся лечить.

Собравшись с силами, оперся на дерево и смог подняться. Покряхтывая и держась за бок, направился к ручью, очень уж хотелось смыть с себя засохшую кровь и напиться воды.

Освежившись, я заметил, что этот сучий потрох, мой любимый наставник и вообще самый лучший из людей, нанес мне травму и, походу, сломал указательный палец. Разглядывая палец, пытался понять, а действительно ли это перелом или все же ушиб такой, вроде не болит. Ну подумаешь, выгибается в другую сторону и давление никакое не держит, нажимаешь на него, а он выгибается до самой тыльной стороны спокойно так, и никакой

боли.

— Плять, я же теперь нормально ни копьё, ни стрелу в руку не смогу взять, пока не залечу, вот зараза. А за один присест я вряд ли смогу это сделать, пару дней, а за это время могут и копьё, и луки поделить, — я сидел, рассматривал свой палец, выгибая в разные стороны, меня такая его пластичность даже забавляла.

— Ну что ж, одним ударом здесь не отделаешься, как минимум два задолжал.

Вернувшись в лагерь, я смог найти две более-менее прямые ветки и, разобрав кистень и поминая недобрым словом Валую, смастерил себе шину.

Две ветки, одна по ладони, а другая сверху на пальце, а там уже и куском кожи и шнурком закрепить, вот и вышла у меня шина.

Два дня пролетело в скуке и тоске, сидел у опушки, наблюдал, как ребята под руководством Валую тренируются, и периодически пускал целительскую силу в сломанный палец, да и по больному боку проходил. Синяки на боку начали уже сходить, но все равно доставляли дискомфорт, а шину так пока и не рискнул снять.

Вечером же состоялся импровизированный чемпионат на древках от копьё, и определилась пятерка, кому Валуй доверил охотничьи копьё.

Мои друзья, к сожалению, в финалисты не вошли, даже я сам вряд ли бы вошел в эту пятерку; в десятку попал бы однозначно. Отец меня не натаскивал полноценно на копьё, да, держать научил, и хватит. Завтра будут насчет луков решать, их пять, и вот здесь мне очень хотелось поучаствовать: я прекрасно понимал, что смогу выбить себе лук и что неплохо им владею, но вот чертов палец, смогу ли нормально стрелу взять или прицелиться? Вот и приходилось с большим упорством пускать свою силу в руку и пытаться направить в сломанный палец и не просто направить, а так, чтобы она проникала в поврежденные ткани и залечивала, вот только весь этот процесс был основан на интуиции и чувствах.

И, к сожалению, результат полноценно ощутить не мог, а тем более увидеть.

За эти дни Валуй так ни разу и не подошел, только издали поглядывал. Другие ребята подходили, даже поддерживать пытались, как и понять, почему я не участвую в общих забавах с копьём.

Утро! Как много в этом слове: новый день, новые надежды и вчерашняя грусть.

Я так же сидел возле опушки и смотрел, как Валуй раздаёт луки со стрелами и даёт указания по стрельбе. Сам же размышлял, стоит снимать шину или еще рано. С другой стороны, как сниму, так и обратно надену, но были надежды, что перелом прошел, а также опасения, а вдруг нет, и я зря себя тешу надеждами.

Сняв шину, начал аккуратно двигать указательным пальцем. Хм, вроде нормально, чутка надавил и напруг, палец не прогибается, держит, отлично. Сколько бы перелом заживал? Седмицы три, может, две, а у меня с применением лекарственных сил за три дня. Ух, круто, а щас пойдём и популяем, добудем себе лук. В собственных способностях не было даже сомнения.

— Эх, ну-с, Триглав, помоги, дядюшка Кощей щас им покажет, как стрелы пускать надо, — на лицо выползла ухмылка.

Протиснувшись сквозь толпу, я встал в очередь к стрельбе из луков. Стрелять решили меньше половины учеников. Во-первых, позориться никто зазря не хотел, да и, ежели стрела куда улетит, бегай ищи ее. А ежели не найдешь, то от Валую обязательно тумачь.

— Дален, — я обратился к стоящему ближе всех другу.

— А, — он отвлекся от просмотра.

— Какие правила наставник установил?

— Да все просто, вон, видишь куст, — он ткнул пальцем в зеленый куст, — вот в него надо стрелять, а на земле под ногами камни лежат, от них, значить, стрелять и надо. Там около семидесяти шагов, наставник отмерил. Даётся по пять стрел, чем больше попал, тем лучше, вот и все. Кто победит, тому наставник позволит лук с собой брать и стрел всяких.

Ребята шумели и приветствовали каждое попадание криком и улюлюканьем. Подождать все-таки пришлось, пока отстреляются, пока стрелы найдут. Народ обсуждал попадания или промахи. Среди друзей только Гостивит рискнул пострелять, и вышло у него не особо, из пяти выстрелов два попадания, так что он грустно стоял рядом, повесив нос.

Дождавшись своей очереди, я подхватил лук. Он был из арсенала храмовой стражи, на таком же я и практиковался. Удивительно, что такие луки выделили еще юнцам для учебы: неужто ничего попроще не нашлось? Те же щиты качеством не блещут, разбитые, и планки ходят. Но луки были другие, с новья.

Погладил лук. Он был склеен из двух видов древесины березы и ясеня, а рукоять выполнена из мягкой кожи и приклеена к ложу, дабы пальце не скользили. Тетива была из тонких сыромятных шнурков, перекрученных с жилой. Потрогав пальцем тетиву, я убедился в ее хорошем натяжении. Подхватив одну стрелу, оглядел: древко ровное, без сколов, и тупая, без наконечника, но с хорошим оперением. Были опасения, что, пока парни упражнялись, все оперение распушат.

Приготовившись положить стрелу на тетиву, я услышал сбоку.

— Яромир, что-то же решился пострелять? Думаешь, выйдет лучше, чем с копьем, — раздался голос какого-то шутника.

Ой, а ты как будто и не видел, что я пришел и в очереди стою. Ты у меня только раздражение вызываешь. Или что, хочешь, чтобы я под смешками и зубоскальствами растерялся? Ну, удачи тебе, слизень уральский, обмудок кожаный.

Аккуратно и совсем немного я выпустил дар ветра; хороший прием освоил Яромир. Он позволял чувствовать направление ветра, его колебание, как будто он сам нашептывал, как лучше стрелять, как он заиграет со стрелой, как ее понесет. Вроде может показаться и мелочью, но это было не так. Это позволяло класть стрелы в цель более кучно и реже промахиваться.

Вероятно, это и не совсем честно, но каждый пользуется тем, что имеет. Вот и я имею дар и буду им пользоваться для своего удобства. К тому же опытный лучник и без такой помощи обходится, он сам видит и чувствует, как лучше класть стрелу.

Наложив стрелу, я вскинул лук, оттянул тетиву, прицел и выстрел, только тетива щелкнула у уха.

И стрела влетает в немного измочаленный куст, в десяточку.

— Конечно, лучше, это не с копьем, здесь другое умение нужно, — ответил я в сторону шутника.

Сам же взглядом прошелся по ребятам: мой выстрел и мои слова вызвали одобрение, а наставник даже улыбнулся и подбадривающе мне покивал.

Это еще что за чудо, как только мне тумак навесил и душу отвел, так сразу в нормального мужика превратился, какая прелесть.

Следующая стрела, и шепот ветра в ушах, снова в десяточку. Два из пяти, таким темпом

я точно лук получу в свою пользу. Прицел, выстрел и вновь в цель. Три из пяти. И снова накладываю стрелу на тетиву, прицел и выстрел.

— Пять, — на эмоциях выругался, стрела вонзилась в землю возле куста, буквально в нескольких сантиметрах.

Черт, ну как так?

А по толпе ребят прошел шум от моего промаха, каждый решил высказаться на этот счет.

Взяв в руки пятую стрелу, я ее немного покатал в ладони для успокоения от разыгравшихся нервов. А так хотелось, чтобы было пять из пяти.

Прицел, задержать дыхание, и выстрел. Все, попал, четыре из пяти тоже неплохо, но совсем не то, на что я рассчитывал.

— Молодец, Яромир, ты лучше всех стрелял, — меня окружили друзья и знакомые и загомонили.

Я же вроде и рад был, но прекрасно понимал, что мог бы пять из пяти попаданий сделать, а может, и к лучшему. Умеешь считать до десяти, остановись на семи. Вздохнув, я стал наблюдать за оставшимися: еще двум парням предстояло отстреляться.

После того, как все отстрелялись, Валуй вышел вперед, и, осмотрев лук и стрелы, удостоверившись в том, что мы ничего не сломали и не испортили, обвел нас взглядом и спросил:

— Кто попал пять раз? — В ответ была тишина. И зачем он спрашивает, или сам не видел, что никто не попал.

— Кто попал четыре раза?

— Я, — мне пришлось протолкаться чуть вперед и вступить в первый ряд толпы.

Он кивнул мне.

— Кто попал три раза? — разнесся его голос над лесом.

— Я, я, я, я, я, — раздалось с десятков голосов.

— Яромир, лук твой, остальным еще стрелять, — решил Валуй.

Он даже не стал спрашивать, кто попал два раза. Действительно, какой смысл?

— А почему Яромиру сразу лук, а нам снова стрелять?

Взгляд Валуя потяжелел и прошёлся по толпе, он словно решал, стоит ли отвечать или счесть эту глупость дерзостью и наказать зарвавшегося щенка.

— Потому, — рявкнул Валуй, — он попал четыре раза, а вы нет. Стреляйте.

Повернувшись ко мне, Валуй ткнул пальцем в сторону шатра:

— Иди бери свой лук, колчан там же рядом.

Выбрав себе лук, я вскрыл колчан и осмотрел. Тетива, смазанная жиром, и с десятков стрел с разными наконечниками.

Вот теперь можно и переходить на мясную диету, можно будет охотиться.

* * *

Тихонько контролируя силу жизни, вливал ее в куст смородины, который по удачному стечению обстоятельств никто не затоптал. Когда его нашел, он был еще маленьким, еле заметным, мне по щиколотку. И вот спустя три дня экспериментов по вливанию моей целительской силы вырос мне по колено и стал полноценным кустом смородины, а не

чахлым ростком.

С каждым днем он вырастал все больше и набирался сил. И куст уже начал плодоносить, видны уже цветочки и маленькие ягодки. Соответственно, я могу судить, что моя сила может влиять на растения, это не просто целительский дар, а нечто большее. Дар жизни или магия жизни.

Интересно, а если вливать силы перестану, продолжит ли куст расти, или его рост замедлится и будет соответствовать природному, который был до моего вмешательства, или не до конца израсходованная моя сила некоторое время продолжит влиять на рост растения? Занимательный вопрос. Ладно, оставим пока на потом.

В любом случае эксперимент будем считать удачным. Первое, у меня не просто дар целительский, а дар жизни. Второе, я могу влиять на рост растений, ускорять его, соответственно, при моей помощи они начнут раньше плодоносить. Интересно, а поле засеянное смогу осилить, или нужно будет каждому растению отдельно помогать?

Я так скоро в полноценного ботаника превращусь с научным подходом, заведу лабораторный журнал, на нос очки, белый халат. А за пояс топор да побольше, чтобы всякие не мешали. Губы растянулись в улыбку от представившейся картины.

— Яромир, так и знал, что тебя найду здесь, — ко мне приблизился Лан, — ты слышал, что Валуй сказал?

— А, — в голове крутилась какая-то мысль, и Лан меня с нее сбил.

— Нет, опять, небось, охотничью партию собирает, и мне придётся идти?

— Не, — он помотал головой, — нас завтра на испытание отправляют.

— Чего? — мысли судорожно закрутились, трудно было переключиться. Испытание, какое испытание? А, все, понял.

Да, время быстро пролетело. С момента, как я получил лук, Валуй активно взялся за наше обучение: он нас учил разным премудростям. Как правильно охотиться и ходить в лесу, опасностям, которые могут подстергать. Как снимать шкуры с животных, дабы не повредить, ритуалам, чтобы лесные духи не причинили вред или вовсе не обратили внимания.

Я был поражен, когда узнал, что местный лесовик — это далеко не добрый дедушка. И ему лучше на глаза не попадаться, если жизнь дорога. Черт его знает, есть он или нет, я только слышал, что где-то и когда-то кто-то с ним столкнулся и смог выжить. Так что его существование все-таки под сомнением.

За это время я полноценно свыкся с происходящим вокруг. Даже с тем, что я уже не калека на дне социальной жизни. И что могу пролететь на своих двоих, едва касаясь земли, а не еле плестись, подворачивая негнущуюся ногу. Только одно это стоило того риска, на который я пошел, а еще и дар, дар жизни и дар воздуха, которым я владел. И плевать на все остальное. Но все же страх вновь стать калекой и ненужным инвалидом меня мучил по ночам. Не так было страшно умереть, как вновь стать беспомощным и ненужным.

Все, прекращаем эти мысли, они дядюшку Коцея чуть не сожрали, не надо мне этого.

— Это же хорошо, Лан, мы скоро сможем стать настоящими мужами, — я ему улыбнулся. — А ты не знаешь, что за испытание, Валуй не говорил?

— Неа, только то, что завтра на него отправляемся.

— Мне же тогда до Маруши надо успеть, она мне вещь одну должна отдать.

— И что же?

— Огниво, или ты думаешь, у меня нож сам по себе появился? Хотя какой нож, так,

полоска дрянного железа.

— Ах вот оно как! А я все гадал, чего это ты туда всю дичь тащишь?

— Ага, без ножа, хоть и такого, плохо в лесу. Все, ладно, я побежал, успеть бы до вечера вернуться, да отдохнуть. Нельзя нам его завалить.

Стоя напротив огромного леса, который отдавал некоторой... первозданностью, что ли. Казалось, он стоял здесь от самого сотворения мира. А рядом находилось более сотни оболтусов моего возраста, которые портили всю идиллию. Мне иногда казалось, что они не затыкаются ни на минуту: каждый гадал, что у нас будет за испытание, и отстаивал свое мнение до хрипоты. Шесть гребаных дней мы сюда добирались, пару дней на ладье, а потом по дороге — ну как дороге, скорее просеке меж лесов.

И вот мы стоим большой и не совсем дружной толпой, ждем, пока свое веское слово скажут наши наставники и присоединившиеся к ним лица.

То, что наше испытание не похоже на обычное, я начал подозревать сразу, как только нас посадили на ладьи в качестве гребцов, чем и поделился со своими друзьями, с этого времени я старался быть повнимательнее, а то уж как-то все не похоже на стандартное испытание.

Вперед вышел Мстислав, один из наставников, в окружении других наших учителей. Остальные же сопровождающие, а их было еще с десятков, разбрелись по нашей толпе.

Мстислав поднял руку и растопырил пальцы, привлекая к себе внимание.

— А ну тихо, сопливцы. Ваше испытание на становление добрым мужем началось. Тихо, я сказал, выпорю.

— Вы видите лес. Вам его надо пройти насквозь, а за ним будет море, где и ждут наши ладьи. Пройти надо за три дня. Кто не смог преодолеть за положенный срок, тот не прошел испытания.

Ребята все враз загомонили, обсуждая новость, я же старался прислушаться, видно было, что это не все.

— Тихо, ишь, расшумелись, мы пойдем следом, и тот, кто нам попадет, и кого мы поймаем, испытание также не прошел. И еще: здесь люди не живут, здесь живут духи. Да поможет вам Триглав[1].

И наше испытание началось — проверка на мужество.

Еле успел схватив за плечи Далена и Гостивита, которые попытались рвануть в лес, как и вся толпа мальчишек, набравшая разгон, словно стадо диких буйволов, спешившее на случку.

— И куда вы, плять? — обратился я к торопыгам.

— Ну... это... в лес, испытание... — Дален тыкал пальцем и указывал направление.

— Агась, — это уже Гостивит добавил к прекрасному объяснению Далена.

— Вот какого хрена? — я спросил у воздуха и переглянулся с Ланом. Мне все больше и больше импонировал его спокойный и рассудительный характер.

— И где бы мы с Ланом вас искали, если бы вы за всеми унесли? Как видите, мы бежать не собирались. Или вы хотите сами, без нас, пойти?

— Да ладно тебе, Яромир, мы поняли. Просто все побежали, и мы тоже.

— Ага, ладно, двинули.

Проверил, как закреплен колчан, где были все сохранившиеся стрелы и снятая тетива; поводит плечами, чтобы проверить, не бьется ли рукоять лука при ходьбе о плечи: он был обвязан бичевой и закинут мне на спину. Все хорошо и вроде даже не сильно будет цеплять о ветки в лесу.

Хорошо, что Валуй позволил взять с собой и лук и копыя тем, кто получил на них право, правда, после испытания отдать придется, но ничего страшного.

Мы подошли к кромке леса по тропинке, идущей сквозь высокую траву, которую вытоптали ребята, рванувшие первыми.

Я полез в сумку, которую сшила Маруша по моей просьбе, где и хранил нажитое имущество. И, найдя сухарь, аккуратно взял его в ладонь и показал ребятам.

— Ну кто?

— Давай лучше ты, Яромир, ты везучий, — первым ответил Лан, а два брата только закивали.

Горестно вздохнув, я растер сухарь в ладонях и начал:

— Уж ты славься, дух лесной! Ты услышь меня, хозяин леса! Дnese пред тобой стою, во боголесии! Требы благие тебе воздаю, Добрый защитник всех птиц и зверей, и трав, и деревьев! Прими дары мои справные. Да не гневайся на нас! Убереги от зверя дикого, от лиха черного, от глаза злого, от промысла гадкого!

С пути моего не сведи, позволь погостить во чертогах твоих да обернуться в срок! Пришел я к тебе с миром и с ладом, хоромы твои не потревожу ни словом, ни делом! Будь мне поддержкою, — и я высыпал крошки под корни деревьев.

А про себя еще добавил: здравствуй, лес. Выбрав два ближайших дерева и представив, что это врата, я сделал шаг вперед.

Не знаю, насколько это все помогает, но уж пусть будет. Взглянув на друзей, я понял, что им это помогает, как-то поувереннее они кажутся. Хотя будь я один, не стал бы этого делать, а сухарь предпочел бы съесть сам.

С лесом просто поздороваться и хватит, дядюшку Кощея этому в детстве дед научил делать, вот с той поры и следовал этому совету.

— Все, направление запомнили, не собьемся? — поинтересовался я у парней.

— Не, я ночью расположение звезд запомнил, — горделиво высказался Дален.

— И я тоже, — к нему присоединился Гостивит.

Кинув взгляд на Лана, он просто кивнул.

— Ну и я тоже, — и весело добавил: — Не собьемся. Удивительное единодушие. Ладно Лан, он все-таки иногда еще тот нудняк, но вот что раздолбай так же сделают, это поразительно. Может, я на них так влияю, или они смотрят на меня и тянутся или вовсе пытаются в чем-то даже повторять.

— Ладно, двинули.

Двигались мы не спеша и аккуратно, как и учил Валуй, стараясь не оставлять следов. Параллельно с нами шли две группы ребят, одни слева, а другие справа. Да и мы шли по чужим следам, которые иногда нам попадались в пути. Думаю, наши следы тоже оставались, и для опытных охотников пройти по ним не составит труда.

Испытание — поход по чужому и незнакомому лесу. Как и сказал наставник, здесь люди не живут: считается, что это совершенно другой мир.

Мир, в котором живут лесные духи и другие создания, так что в сознании парней мы идем по их территории, одно это бьет им по мозгам. И рассчитывать надо только на свои знания и умения, голову, руки и удачу.

Спустя час нашего путешествия раздался гром. Парни вскинули головы и поежились. И гром начал бить постоянно. Эти звуки раздражали и отвлекали и, если говорить откровенно, пугали. Да еще и жарко было, земля парила, там, где не простирались ветви деревьев. Лесная

прохлада нас спасала, так что старались идти в тени деревьев, обходя буреломы и поваленные стволы, а не преодолевая их в лоб.

— Уф, Яромир, дай глотнуть, а то совсем не вмоготу, — пропыхтел Гостивит.

— Держи, — протянул ему мех с водой.

— Уф, как хорошо, что он у нас есть, — он вернул его мне.

Я же ощутил, что воды в нем стало намного меньше. Неплохо бы было найти ручей или родник.

— Ага, а было бы еще лучше, если бы кто-то каждый час не хлебал, — влез Дален.

— Найдем мы ручей, да напьемся вволю, — к нам обернулся Лан.

— Парни, парни, — нас начал звать Гостивит, и в его голосе были нотки страха.

— Чего тебе? — я обернулся и уставился на серые мохнатые волчьи морды, которые к нам приближались и постепенно окружали.

— Плять, какого хрена, — только и выдал я. А голова начала работать в усиленном режиме.

Оружия нет, толку от лука сейчас пока натяну и их голов двадцать, порвут мигом.

Впереди самый крупный, видимо, вожак, чуть ниже моего пояса, шкура лоснящаяся. Так лето, есть что пожрать. Рядом мелкая, видимо, волчица, а остальные сзади и по бокам. Уверен, что и сзади нам отрезали путь к отступлению. Твою-то мать. Меня всего аж затрясло от осознания жопы, в которой мы очутились.

Хотя есть возможность сейчас рвануть на деревья, но Гостивита порвут однозначно. Сука. Ладно, попытаемся, дядюшка Кощей уже пожил, да и Яромир, хоть и маленько. Есть идея, надеюсь, не зря экспериментировал.

Пустив в себя силу жизни, а в руки мощный поток, я начал потихоньку приближаться, не отрывая ноги от земли.

— Гостивит, аккуратно иди сюда.

— Чего? — он не понимал, что от него надо.

— Сюда, иди, хрен ли ты тупишь.

Он начал аккуратно, тихонько двигаться в мою сторону, я же начал приближаться, парни сзади застыли соляными столбами. И правильно, не надо провоцировать, мы не дичь, мы не еда.

— Парни, если меня начнут рвать, лезьте на деревья, это ваш шанс.

— Чего? — сзади раздался изумленный голос Далена. А следом я словно почувствовал, как Лан его коротко ударил в брюхо. Конечно, почувствовал, все на пределе, сердце стучит вовсю, в ушах барабанный бой, кровь мчится по венам, и адреналин в бешеных дозах. Я еле сдерживаю свои движения, так и хочется взорваться.

А план у меня простой и, возможно, самый тупой из тех, который у меня были.

Звери. Они довольно интересно реагируют на мою силу жизни. Собака в селище у Маруши спокойно давала себя гладить, когда я выпускал силу жизни, и даже весело виляла хвостом, ни одной попытки укусить, хотя ей это было несвойственно.

Дикий заяц, которого я встретил в лесу, готовый задать стрекача, когда я выпустил силу жизни, довольно индифферентно и мирно ко мне отнесся и позволил к себе прикоснуться, не делая попыток к побегу, а после и белка, которая сама спрыгнула на меня, также позволила ее погладить и даже почесать пузико, пока я не отпустил свою силу.

Так что, я надеюсь, и стая волков некоторым образом мирно ко мне отнесётся, уж очень помирать не хочется.

Гром над головой, да и черт с ним, уже не пугает, и я не вздрагиваю.

Когда поравнялся с Гостивитом, прошептал:

— И-идди-и-и, — я не узнал свой голос, это больше напоминал шипение.

Вышел чуть вперед и вытянул руки, от которых расходилась сила жизни. Гостивит все же начал потихоньку отходить, хорошо.

Вожак сперва пригнулся, а после потянул носом, словно принюхивался, немного поводит мордой и начал маленькими шагами ко мне приближаться, словно не веря в свою удачу и в то, что нашелся идиот, готовый так подставиться.

Я словно окаменел: никаких движений, никаких мыслей, просто проводник силы жизни, которая лилась от меня.

И когда до меня ему оставался всего лишь шаг, я увидел, как ему наперерез рванула серая тень. Плять.

Волчица, его самка, она словно толкнула вожака, так что он сбился с шага. Она была первой возле мои ладоней, я чувствовал влажный черный нос, который прошелся по моим рукам.

А после уже и вожак оказался рядом, он рыкнул на свою самку, весьма грозно. Она же огрызнулась в ответ и словно сжалась, уйдя под его голову, прикрывая его снизу от неведомой опасности.

Хвост у волка был поднят высоко, да и всем видом он показывал уверенность в себе. Ох, мне бы топор или копье, я бы тоже поуверенней себя чувствовал.

Волчица вылезла из-под самца и встала рядом. Они оба в один момент потянулись к моим рукам, словно нежась в моей силе, а спустя мгновение отступили на пару метров, а волчица даже присела. И вот так мы разглядывали друг друга под удары грома, которые сыпались с неба. Человек и зверь. Мне казалось, что я вижу за этими янтарными глазами волка разум, он понимает, он чувствует. Прикрыв глаза, волк немного опустил мохнатую голову и, развернувшись, направился прочь, вслед за ним поднялась и волчица.

Сразу стало жарко и душно, а на ногах тяжело стоять. Опустившись на землю, я протер пот, а после опустошил флягу.

— Это были духи леса, они нас приветствовали и проверяли, — я услышал восторженный голос Гостивита.

— Гостивит, — мои нервы уже не выдерживали.

— А?

— Заткнись и иди к черту.

Хотя после его слов я уже и не был так уверен, что это обычные волки. Хотя нет, все же, похоже, обычные: сейчас лето, еды много. Не тронули бы они нас, поглазели б только, не похожи мы на их привычную дичь, однако же они нас окружили, что не просто так. С другой стороны, все-таки другой мир, и ко всяким духам и другим проявлениям подобной мистики я относился весьма скептически. Может, потому что мне казалось, что я больше видел или знал? Но могу ли я опираться на свои знания в таких вопросах? У меня уже не было абсолютной уверенности.

— Да пошло оно все, хрен с ними.

— Яромир, а что такое — “иди к черту”?

— Гостивит, какой ты у меня любознательный, — и смех и грех с ним.

— И что такое хрен, ты его так часто поминаешь, — Дален пришел к брату на выручку.

— Ага, мне тоже интересно. — Здесь уже и Лан подключился.

— А-а-а-а-а, — у меня вырвался крик, я от волков отойти еще не успел, а этим детям природы хоть бы хны. Ладно сами напросились, будет вам сказка от дядюшки Кощея.

— Хрен[2] — это такое растение из подземного мира, в общем, никому не нужное, а черт — это такой вид духов из того же мира, иногда выбирающийся к нам.

— А зачем ты тогда за ними посылаешь? — Гостивит присел рядом со мной и уставился с любопытством.

— Я не просто посылаю, я так выражаюсь. Можно сказать «оставь меня в покое» и «иди отсюда». «Иди на хрен» просто короче и быстрее, сразу ясно и понятно.

— А как этот дух, ну, который черт выглядит? Если ты его поминаешь, он разве не явится?

— Ха-ха-ха-ха, — вырвался у меня смех. Все сами виноваты.

— Он чем-то похож на человека, только на ногах у него копыта, как у коровы, вместо носа у него пяточок, как у свиньи, а на голове рога, как у козла, а еще он с головы до копыт покрыт черной шерстью.

— Ну и страхолудина же, — парни поморщились и начали оглядываться в поиске этого самого черта.

— Нет, парни, он не явится, от него только девкам беречься надобно.

— Это как? — от парней так и перло любопытство.

— Разе не слышали, как говорят, словно от черта понесла?

Парни замотали головой.

— Вот у женщины добрый муж и работающий, и хороший, а ребенок вроде и похож на него внешне, но все же что-то не так, — и я рукой покрутил в воздухе, — или злобный очень у него характер, или сварливый, али еще что. Вот отсюда и считается, что с девкой черт переспал.

— Да разве ляжет кто с таким ужасом? — возмутился Дален.

— Нет, конечно, но черт может принять облик парня али мужа, так, что девка и не заметит.

— И как же от такой напасти уберечься?

— Эх, парни, — я выдохнул, еле сдерживаясь, — от такой напасти может только любовь спасти. Ежели девка искренне любит своего парня, то никакой черт к ней в постель не пролезет.

— Вот оно как, а я и не знал, — с удивлением протянул Гостивит.

Конечно, не знал я это, только что придумал. Чувствую, скоро новая байка пойдет гулять по селам.

— Ладно, парни, пойдем, а то неровен час наставнички поймают.

Поднявшись и отряхнувшись, мы двинули дальше, пробираясь сквозь лес.

— А я согласен с Гостивитом, это были духи или их слуги, — спустя пару минут выдал Дален.

— Это были волки, обычные волки. На четырех лапах, серые и мохнатые. Которые могли нас порвать, — я еле сдерживал злость и страх, которые все-таки давали о себе знать.

— А разве волки не могут быть лесными духами или их слугами? — такой подставы от Лана я совсем не ждал.

— Наверно, могут, — я просто пожал плечами и тяжело вздохнул, решил с этим смириться, не вступая в дальнейший спор.

— Яромир...

— Чего тебе, Гостивит?

— А вот на хрен и по хрену, это одно и то же? просто как-то по-другому ты это произносишь.

У меня вырвалось рычание, и спустя пару минут я добавил:

— Какие вы любопытные, — из моих уст это прозвучало как ругательство.

— Так интересно же, — выразил общую мысль Лан, — мы такого и не слышали даже.

Во время пути я пояснял те или иные свои словечки.

Я не знаю, что оставлю после себя здесь, но то, что обогащу местный фольклор и словарный запас, это точно.

И остался после жития его, большой и не очень культурный слой.

Еще парни начали гадать насчет волков, если они слуги лесного духа, то которого? Самого лесовика, а может, и вовсе слуги кого из богов, которые явили нам свое расположение. Мне казалось, что этот вопрос обсудили, и все на этом. Наивный албанец, эти вещи они еще своим детям будут рассказывать, родителям так точно, да и волхву сообщать, это ж какое событие, какие воспоминания.

А над головой продолжали бить раскаты грома, да и небо посмурнело, будет дождь, однозначно. Вымокнуть вот не хотелось совсем, как и мокрым под ветвями деревьев спасаться от непогоды.

Изредка мелькали другие ребята, и слышались их голоса, а вот наставников, идущих по нашим следам, могущих поймать и прекратить наше испытание, не было видно и слышно.

Еще немного вызывало опасение то, что мы сбились с пути и отклонились от маршрута, но это только можно будет ночью проверить, если небо будет чистое и мы увидим звезды.

Ночевку решили устроить на краю небольшой поляны под раскидистыми ветвями ясеня, к тому же немного позади бежал ручеек, и проблема воды отходила на второй план.

Решив озаботиться пропитанием и немного поохотиться, я натянул тетиву на лук.

Неожиданно до нас донесся крик:

— А-а-а-а... а-а-а-а.

— А-а-а-а-а... а-а-а-а, — вопли и крики были наполнены страхом и каким-то первобытным ужасом, у меня аж мурашки пробежали по всему телу, а шерсть встала дыбом. Парни по вскакивали со своих мест.

— Кажется, оттуда, — Гостивит указал направление. Если до этого у меня и были сомнения, откуда шел крик, то теперь нет, Гостивиту в этом деле можно было доверять.

[1] Один из богов западных славян его самое большое капище располагалось в городе Щецин.

[2] На Руси хрен предположительно начали выращивать с X века, использовали его как пряность и как лекарственное растение. В Европу хрен попал в начале XV века.

Крик все разносился над лесом, и были в нем страх и отчаянье.

Переглянувшись с парнями, мы кинулись в лес, лук наготове, боевая стрела в руках, а парни начали выискивать палки покрепче.

Спустя пару минут мы вышли на крики, и перед нами предстала картина.

Забравшись на дерево повыше, два знакомых парня, а именно дружки Иловая, отбивались от непонятных существ, которые их окружили.

Это были не люди и не звери, а что-то непонятное, я таких существ в жизни не встречал, только если на экране кинотеатра. Словно карикатура на человека.

Твари были примерно мне по грудь. Одеты непонятно во что, в какие-то грязные и вонючие шкуры и лохмотья, вооружены разнообразно, копья с костяными наконечниками и дубины. Одиннадцать особей, одиннадцать тварей.

При взгляде на них создавалось ощущение какого-то отторжения, словно от них тянуло гнилью. Да точно, именно так, словно они были пропитанный этой самой гнилью и вызывали своим видом омерзение. Звуки, которые от них неслись, не похожи на полноценную речь, какое-то рыканье и рычание, и отдельные выкрики, напоминающие все же чем-то слова, и часто среди них повторялось то ли гоп, то ли гоб.

Самые настоящие гопники на районе или, скорее, гоблины, вон и мальчишек обижают, из разряда, есть че, а если найду?

Хи-ха да ха-ха, только не смешно. И видно было, что это толпа просто развлекается и упивается сопротивлением беспомощных жертв.

И что делать? Идти на помощь словно рыцарь? Так я вроде не ушибленный и не больной на голову.

Парни же просто молча наблюдали. Уйти и бросить ребят? Отвернуться можно, но как потом к себе после этого относиться, как жить с этим. И видя, как эти твари на загнанных парней посматривают с гастрономическим интересом, все становится понятно. Сожрут, и как бы живыми жрать не начали или еще чего.

Самое лучшее было бы пустить в мальчишек стрелы, избавить от мучений и уйти, не подставляясь самому и не подставляя своих друзей.

Немного подумав, я все-таки принял решение.

Лучше, не значит правильно. Эх, придется идти в рыцари, надеюсь, не посмертно и не навсегда. Где там мои сияющие доспехи?

Никогда не был ни стратегом, ни тактиком и отвечал только за себя в большинстве случаев. Да и вообще, я тут планы строю, а что сами-то парни думают?

— Ну что, парни, делать будем?

— Надо помочь, — спустя пару мгновений ответил Дален.

Лан в своей манере просто кивнул.

— Это духи, но как с духами биться? — ну от Гостивита я ничего другого и не ждал.

— Может, огнем, но я о таких духах и не слыхал даже, — задумчиво протянул Дален.

Огнем, они тебя сами на этом огне и поджарят, ведь так вкусней будет. Значит, будем выручать парней.

Бросив взгляд на тварей, я задумался и начал рассуждать. Значит, диспозиция такова: их больше, и они вооружены, лук только у меня, да и стрел мало, их одиннадцать, нас четверо,

парней на дереве в расчет не берем.

Прямая атака в лоб — смерть. Думай, Ярик, думай. Что бы дядюшка Кощей посоветовал, надо тоже учесть. Перевернуть ситуацию, а как? Хм, возможно, есть шанс, а если они поступят так, то у загнанных будет тоже шанс. Два варианта, и оба вполне рабочие. И один почти безопасный.

Посмотрел вновь на тварей: гоблины, настоящие гоблины.

— Это не духи, ребята.

— А кто тогда? Я о таких зверях даже и не слышал, — в голосе Гостивита звучало сомнение.

— Не знаю, может, лесной народец, — пожал я плечами.

— Какой еще лесной народец? — задав вопрос, Дален вновь уставился на гоблинов.

Какой? А вот такой, не придумал я еще, но не спорить же мне с вами о том, духи они ли нет.

— Потом расскажу, а ребят надо действительно выручать. Так что давайте поступим так. Помните, когда сюда бежали, полянку небольшую видели, вот вы сейчас все бежите туда и прячетесь возле деревьев.

— Мы тебя не бросим, — перебил меня Гостивит.

— А вы меня и не бросаете: засада. Простая засада. — И я поднял лук, показывая его парням. Они увидят только меня одного и тогда не всей толпой за мной погоняться. И вот на той поляне мы их и встретим. Я даже пометки на земле начал делать для парней.

— Они видеть будут только меня и бежать на меня, вы же ударите сзади, неожиданно. Мы их разделим. Сначала одних побьем, потом вернемся и остальных. Вы меня не бросаете, — я постарался нажать голосом и донести до них эту мысль, а то на лице Далена все же гуляло сомнение. К тому же у нас банально нет оружия, только мой лук, но у меня всего три боевых стрелы, и три срезня. А так нам это вполне по силам. Парни задумались, а я не спешил прерывать их размышления.

— Хорошо, — первым оттаял Лан и кивнул, — мы будем тебя там ждать.

— И, если тебя долго не будет, вернемся, — добавил Дален.

— Идите уже.

Дождавшись, пока парни отойдут, я начал намечать себе цели. Три боевые стрелы, три цели, срезни оставим, неизвестно, сколько за мной побежит.

Первым вожака. Долго не мог понять, кто это из тварей, но все-таки, присмотревшись, смог определить. Копье у него получше, да и шкура, в которую он одет тоже, и сам в размере побольше, чем остальные, а главное то, что он порывивал на всех, но никто ему не оказывал сопротивления. Вот его надо ранить, но не убить, пусть свою орду удерживает, а то ломануться еще все за мной, бегай потом от них по ночному лесу.

А вот двоих других желательно бить наповал.

Несмотря на всю опасность ситуации, очень уж хотелось пустить кровь этим тварям.

Пустил силу ветра в себя, стрела на тетиву, прицел, выстрел. Есть попадание, в самое пузо засадил твари. Прицел, выстрел, прямо в глаз, и он валится на землю.

Гоблины заметили, откуда их атакуют. И под ор и рычание бросились в мою сторону. Времени мало, спешу и, сильно не целясь, отправляю стрелу в пузо еще одному. Он падает под ноги своим сородичам. Развернувшись, даю стрелача по намеченному пути; сзади раздается мощный рык. Отбежав подальше, оглядываюсь, за мной несутся четыре твари, размахивая оружием и порывивая от удовольствия. Загнать добычу надеются. Ну, удачи,

осклабился я. Четыре — это хорошо, четыре — это немного.

Ветер приятно охлаждал кожу, обдувая мое разгоряченное тело, а я ловил кайф, был в предвкушении, несся по вечернему лесу, перепрыгивая корни деревьев и кусты. А за мной гнались твари, гоблины. Вырвавшись на простор поляны, я пробежал еще и, развернувшись, вскинул лук, накладывая на него стрелу.

Свист от меня разошелся над лесом, парни наготове, ждут в тенях деревьев, крепко сжимая свои импровизированные дубины.

Гоблины вырвались вслед за мной и немного притормозили, выискивая свою жертву. Заметив меня, рванули, самый первый вырвался вперед на пару шагов. Его? Нет. Парням помочь, а я, если что, побегаю.

Прицел и выстрел. Сука, смазал немного, но результат хорош. Рука твари повисла плетью. Не боевая, конечно, а срезень надо учитывать. Вновь припустив, я отбежал, а то уж слишком быстро они приближаются. Разворот, прицел и выстрел, в бедро, разрезая мышцы, и гоблин покатился с воем по земле.

— А-а, Яромир, держись. — А вот и кавалерия, ребята кинулись в бой, замахиваясь своим нехитрым оружием.

А твари все приближались с каждой секундой и не обращали внимания на то, что происходит позади них, словно все их внимание занимал лишь я.

Прицел, выстрел, и стрела входит в голое пузо третьему гоблину. Вот и все, срезни кончились. Лук в сторону, а рука вытаскивает из сумки нож.

— Рры, — на меня несётся тварь, держа впереди копьё, и хочет насадить на него, словно бабочку на иголку. Думаешь, это так просто?

Сила воздуха во мне, больше, еще больше, сильнее. Движение руками навстречу зеленомордому, и с моих рук срывается порыв ветра.

Тварь под напором ветра немного замедляется, а потом и вовсе летит на землю, не выдерживая его мощи потока ветра.

— Рры, сука, — у меня вырывается рык попеременно с матом.

Прыжок вперед. Коленями приземляюсь к нему на грудь, чувствую, как подо мной трещат кости, принимая на себя мой невеликий вес.

Удар ножом, и старое, потертое лезвие, преодолевая сопротивление, входит в подбородок к гоблину. Мертв.

Гостивит и Дален вполне справляются со своими врагами. Лан пытается отбиваться обломком палки.

Твою же душу, гоблин с торчащей стрелой в животе насаждает на него.

Копье мертвого уродца валяется рядом. Рука цепляет древко, сила ветра со мной, разбег и бросок; копьё прилетает в бок гоблина и прошивает, даже отсюда видно, как наконечник вылез из тела.

Лан, не растерявшись, со злой ухмылкой на лице бьет гоблина в голову обломком палки. Хватает выпавшую дубину и спешит на помощь к Далену, впрочем, как и Гостивит, уже со взятым в бою копьём.

Фух, справились.

Приглядевшись к трупам противника, вижу, что морда у него отвратная, с вытянутыми висящими ушами, зубы редки и похожи на клыки, к тому же он лыс. Да, ни одного волоска на голове, и другие такие же: действительно злобная карикатура.

Выдохнув еще раз, я поднялся, и меня немного повело в сторону, еле устоял. Все-таки

применение дара, да еще и так мощно... Всего себя выжимал, а дар воздуха у меня вроде послабее или просто не так развит, как дар жизни, вот, видимо, и последствия.

Пустил силу жизни по телу. Мне полегчало, и часть усталости словно смыло волной, но полноценно силу ветра применять я сегодня не рискну, если только немного, а то точно на месте без сил упаду. Да и с силой жизни так же, источник-то один.

— Парни, вы как, никто не ранен?

— Не, — донеслось бодрое Далена и Гостивита и вялое Лана, который просто сидел на земле, прикрыв голову руками.

— С первым боем, с первой взятой кровью.

Надо как-то подбодрить друзей.

— Во славу Триглава, — я поднял кулак вверх, Дален и Гостивит повторили мой жест.

А Лан тяжело и грустно сказал:

— Не первая, Яромир кровь, не первая.

Как много я о нем еще не знаю. А ведь действительно о своем прошлом он не особо рассказывал, да и отмалчивался, и с отцом они к нам почти налегке прибыли, словно голодранцы. Может, поэтому он такой.

— Мы живы, Лан! Мы победили, не время грустить, впереди ведь еще один бой, не зря мы в него ввязались, — я постарался подбодрить парня, а два раздолбая стояли рядом и не знали, куда себя деть.

— Ты прав, Яромир, и спасибо, что спас, я уж думал, все, — Лан грустно улыбнулся и поднялся.

— А как иначе, друже. Вы так же поступили бы.

Найдя бурдюк, я напился, немного ополоснул лицо и передал парням, а сам пошел вырезать стрелы: они сегодня еще пригодятся.

В итоге из трех стрел только две остались целыми, одна была сломана, так, что в бою не поможет, но ее все-таки обтер от крови гоблинов и положил в сумку, ведь наконечник цел, да и оперение еще нормальное.

Вооружившись трофеями, парни разобрали копья, я же предпочел забрать единственную дубину.

Их было одиннадцать, одного я убил там, и еще четверых мы помножили на ноль, итого их осталось шестеро и двое из них раненые. Плюс у меня еще две стрелы, вполне хороший расклад.

Главное, чтобы парни были еще живы, и все не было зря, минут двадцать или тридцать мы провозились, по моим ощущениям.

А ситуация не сильно-то изменилась, только парни повыше забрались, а гоблины все так же пытались их достать, продолжая издевательства, хоть копья не кидают, и то хорошо. Своего убитого они куда-то оттащили. А раненый вожак сидел, привалившись возле дерева, и что-то порывкивал, закрывая рану шкурой.

Еще один раненый вместе с остальными под деревом, а вожак периодически бросает взгляд в сторону, куда мы умчались. Надо спешить, а то скоро эти их развлечения закончатся, и в парней действительно полетят копья.

— В общем так, парни, Гостивит и Дален, вы обходите их сзади и ждете, нападаете только после того, как я выпущу стрелы, мы же с Ланом будем здесь их встречать. Вас они, скорей всего, не заметят, так что, думаю, легко справитесь, а потом уж приходите к нам на помощь, ну или мы к вам.

— Хорошо. Только дай время обойти, а то не успеет.

— Добро.

И парни скрылись среди деревьев. Темнеет уже, видно плохо.

Немного подумав, обращаюсь к Лану.

— Лан, как только откину лук, нападаем на одного, расправляемся с ним, а там дальше уже как придётся, так полегче будет.

На что получил лишь кивок.

Прицел, выстрел, и стрела летит в ничего не подозревающую тварь. Наблюдаю за ней, а руки накладывают следующую. Прицел, выстрел.

Вижу, как один из гоблинов рухнул со стрелой в шею, а другой заверещал и схватился за плечо.

Отбросив лук в сторону и подхватив дубину, я ломанулся в сторону вожака, Лан спешил вслед за мной.

Вожак уже поднялся и был готов нас встречать. В меня полетело копьё. Резкий уход в сторону и блок дубиной; а из-за моей спины появился Лан и насадил вожака на копьё. Гоблин рыкнул что-то прямо мне в лицо, брызжа слюнями и распространяя свое смрадное дыхание, которое чуть не заставило меня опорожнить желудок.

Пересилив себя, я откинул его копьё и ударил со всего маха по голове, проламывая ее; кровь, мозги, осколки кости полетели в разные стороны. Все, он мертв. Лан выдернул свое копьё.

Разворот, и я готов встречать нового противника. Пока мы расправлялись с вождем, к нам рванули новые противники, но Дален и Гостивит ударили им в спину, отвлекая внимание. Так что на нас с Ланом несся только один.

— Он мой! — успел я выкрикнуть раньше, чем Лан рванулся к нему навстречу.

Быстрый взгляд в мою сторону, и друг спешит на выручку парням, оставляя его мне, правильно.

Гоблин же оглянулся, но, видя, что его собратьев нет рядом, притормозил и аккуратно пошел в мою сторону, удерживая копьё двумя руками.

Один на один. В его глазах плескалась злость и ненависть; мне казалось, что ее можно было потрогать руками. Он кривил морду и угрожающе порывкивал.

Не страшно, я видел и хуже.

— Ну что, малыш, хочешь любви и ласки? Их есть у меня. Тебе понравится.

Сжав дубину крепче, делаю короткий выпад словно копьём и отскакиваю влево. А в то место, где я был, летит копьё гоблина. Поворот, размах, и удар дубиной по рукам гоблина. Я слышу треск ломаемых костей, а после и вопль боли. На себя оружие, и с оттяжкой удар прямо в челюсть, кроша ее. Готов.

— А-а-а-а, — в уши бьют вопли парней, и я вижу, как Дален и Лан, насадив гоблина на копьё, стаскивают его с тела, с человеческого тела. Твою мать. Гостивит.

Тело наполняю силой жизни и рвусь в их сторону. Оглядывая более полно место боя, нет, не Гостивит, он чуть в стороне. Сила жизни, пропитавшая мое тело, дает иное восприятие, мое внимание направлено на лежащее тело, и чем я ближе, тем больше чувствую, как его покидает жизнь, уходит из него полновесной рекой, и с жизнью уходит что-то еще, важное и необходимое. Я это ощущаю на самой грани.

— Уйди, — я отталкиваю Далена в сторону и смотрю на парня. На одного из тех, которые были на дереве, хвостик Иловая, как же его звали? Тишило.

Горло разорвано, и все в крови, в боку торчит костяной нож, тянусь пощупать пульс. Чувствую, что он мертв, но тешу себя надеждой. Пульса нет.

Из моего горла вырывается хрип. Как, как?

Мне становится некомфортно, словно корежит всего. Неприятное чувство опустошенности пробирается в меня, я не могу понять, из-за чего. Оглядываю поляну, мертвые гоблины, мертвый Тишило, сила смерти разлита на поляне, и от этого мне плохо. Сила жизни, что бурлит во мне, делает само нахождение здесь некомфортным, я отпускаю ее, и мне становится легче.

Ребята стоят хмурые, а тем временем с дерева спрыгивает парень и с воплем бросается к мертвому Тишило, начинает его трясти.

— Как вышло-то так? — ни к кому конкретно не обращаясь.

— Я пока с этим бился, — Дален кивнул на труп гоблина, что лежал в стороне. — Этот подкрался, я и не заметил, а Тишило на него прыгнул, пока побил своего, тварь Тишило рвет уже.

Спасатели хреновы.

А над лесом уже всю сгущалась ночь, скоро вообще ни черта не видно будет, и оставаться ночевать на этой поляне у меня желания не было.

Подняв копье, я осмотрел еще раз поляну, парочка гоблинов было еще жива и дышала, надо добить. Оглядев все как следует, я заметил пару заплечных мешков, сделанных из плохо выделанной кожи, принадлежащих шайке гоблинов.

Преодолев себя, я в них залез и нашел кожаные шнурки и веревку, какие-то гнилые ткани и куски вяленого и пропеченного мяса.

Можно было бы его пустить нам на ужин, вот только имелись сомнения на его счет. Помня, с каким аппетитом они смотрели на парней, я предпочёл его выкинуть, хотя желудок активно бунтовал, не хотелось рисковать и стать гурманом. Человечина все-таки не мое.

Посмотрев еще раз на поверженных гоблинов, я поймал себя на мысли: может, стоит одного захватить с собой? Пусть народ полюбуется, узнает, что в лесах завелось, а то еще не поверят нашим словам. Скажут, на зверя наткнулись, а нам тут заливают. Пройдясь между гоблинами, выбрал более целого. Им оказался тот, с которым я бился, руки были сломаны, да и челюсть раздроблена, он лежал и тихонько подвывал, не делая попыток встать. Остальных же я добил, попутно обыскивая, ни черта у них не было. Только у вожака был за поясом неплохой нож. Связав своей жертве руки, на горло накинул удавку. А чтобы не подвывал, еще и кляп пришлось соорудить.

— Что, готовы? Пошли отсюда, — я вернулся к парням, которые так и пребывали в тягостной тишине.

— Может, стоит Тишило хоть закопать.

— Похоронить мы его нормально не сможем. Мы его с собой возьмем.

— Чего? — парни с удивлением на меня посмотрели.

— Он достойно поступил. Пусть даже и мертвый, он пройдет испытание, и похороним мы его как доброго воина. Он этого достоин, а не гнить в лесу, или чтобы его кости зверье растащило. Если надо, сам понесу.

Парни смотрели на меня с удивлением, в том числе и Крой, второй парень и единственный, кого мы спасли.

— Что смотрите? Лан, на, держи, смотри, чтоб не сбежал, — я передал ему удавку с гоблином.

— Гостивит, вон копья лежат, что я собрал, забери их, и вон там лук лежит, не забудь, — дождавшись кивков от парней, я отвернулся.

— Ну что, Дален, хватайся, я за ноги, ты за руки. — Дален сначала дернулся что-то сказать, но огляделся и молча кивнул, так и двинулись к месту, где и хотели остаться на ночевку.

Придя к ясеню, начали располагаться. Тело Тишило все же положили подальше, парням было боязно.

Готовиться к ночлегу начали почти в темноте, соорудили лежанку из лапника и кустов папоротника, которые обнаружили неподалеку; всяко лучше, чем на голой земле, собрали хворост для костра.

После, уже когда полыхал костер, освещая небольшой пятачок земли, я настоял на дежурствах: надо за гоблином следить, чтобы не сбежал, да и мало ли что, от этого леса я уже всего ожидать готов.

Гоблина встретил, хотя для нашей полосы они совсем не распространены, они вообще ни для какой полосы не были распространены, это что-то новое и неведомое. Значит, появились совсем недавно, а это наталкивает на определенные мысли.

Гоблина встретил, мда уж. А в следующий раз кого, эльфа или вовсе бога? Пошевелив палкой в очередной раз угли, я прислушался, о чем говорят парни, все стычку обсуждают.

— Крой, а как вы на дереве-то оказались, неужто убежать не смогли?

Парень немного помолчал, а после начал рассказывать. Его голос был тих и надтреснут:

— Мы днем на них наткнулись, в лесу среди деревьев слышали голоса и решили посмотреть, посмотрели. Там эти были, они нас заметили, ну, мы и дали деру. Казалось, убежали, а нет. Они нас нагнали, вроде и медленно бежали эти и не могли нас догнать, но каждый раз, когда мы убегали, они догоняли. Мы убегали, а они снова нас догоняли. Устали и, казалось, не сможем уже дальше двигаться. Они шли за нами и шли, хотелось просто рухнуть, вот и забрались на дерево. Думали, что не полезут, уйдут...

И Крой замолчал, мне казалось, что он даже ушел в себя, а потом продолжил:

— Так бы отсиделись, и они бы ушли, да тут вы. Тишило и полез.

В глазах его была злость и обида.

По-хорошему было бы в морду зарядить Крою, но мне было лень вставать от костра, да и после сегодняшних событий ощущалась какая-то эмоциональная опустошенность.

Парни молчали под треск костра.

— Ну да, ну да. Отсиделись бы. Конечно, — в моем голосе сквозила неприкрытая ирония и издевка. Пока они копья не начали метать. А да, они же их просто так с собой носили, как же я не подумал.

— А еще я и Лан, и Гостивит, и Дален виноваты, что вы на них наткнулись и не смогли убежать. А перед тобой мы виновны, что Тишило не отсиделся, а спас Далена, а ты так и сидел на дереве, трясясь, как лист на ветке. В то время как Тишило убивали, в этом мы, конечно, тоже виноваты. Может, нам с парнями на колени встать да извиниться, а, Крой? Что замолк?

Спустя пару мгновений раздался его голос.

— Я не так сказал.

— А я с парнями так слышал.

А на самом деле парням просто не свезло, понятно, что гоблины не так быстры, но упорны в преследовании.

Разговоры как-то сошли на нет, остался только треск костра и шум ветра, гуляющего сквозь деревья.

— Яромир, — вдруг нарушил тишину Гостивит.

— Чего тебе?

— А кто такой лесной народец? А то ты обмолвился и сказал, что это не духи.

Да что б тебя, Гостивит, в самом-то деле.

— Эх, — я горестно вздохнул.

Будет тебе сказка от дядюшки Кощея, на сон грядущий.

— От кого я это услышал, не помню; может, на торге где подслушал, а может, и еще кто рассказал, — начал на ходу придумывать.

— Лесной народец был когда-то людьми. Жили племенами, имелись у них и поселки, кто в лесу охотился, а кто и иным промыслом занимался.

Ребята придвинулись и начали внимательно вслушиваться в каждое мое слово.

— Чтили лесных духов и богов. Выдалась как-то холодная и лютая зима, голодно стало, и много людей умерло от этого. Но настала весна, и вышли они на охоту, и начали без разбора бить зверей лесных, больше, чем того требовалось.

И пригрозили духи лесные и боги карами разными. Не послушались их люди, озлобились, ведь у многих от голода родичи умерли, и боялись они голода больше, чем богов и духов. Да и усомнились в них: где были боги и духи, когда у матери на руках умирал ребенок? Где были боги, когда старики в лес уходили на прокорм волкам, дабы племя могло до весны дожить?

И прокляли то племя духи боги, под проклятьем тем обернулись люди, стали они и не зверем, и не человеком, полные ненависти и злобы ко всему живому, терзаемые неутолимимым голодом. Вот такой он, лесной народец, — в полной тишине я закончил свой рассказ.

Парни сидели и осмысливали мою байку, я же наслаждался тишиной и спокойствием.

— Враки какие-то, я о таком и не слыхивал, — выдал Крой.

— Почто тогда слушал, коль не любо, — встал на мою защиту Дален.

Добавив пару полешек в костер, я растянулся на лежанке.

Хорошо, тепло, и чем-то момент из детства напомнило. Так же отблеск костра, шум ветра и друзья, а на огне на веточках висят ломтики сала, а рядом картошка печётся и запах, такой запах стоял, ммм...

Только нет ни сала, ни картошки, и друзей из того детства нет, и жрать охота, а сверху покапывает дождь, заставляя жаться к костру. Грустно хмыкнув, я вновь прислушался, о чем говорят парни: сначала-то разговоры и вовсе не клеились, все были подавлены смертью.

— Злые боги, несправедливые, несправедливо людей прокляли, — выразил свое мнение Лан, в его голосе звучало негодование.

— Почто такое толкуешь, боги и духи их ведь предупреждали, что зверя без меры бьют, предупреждали, вот и получили справедливое наказание, а голод. Так, может, кормов на зиму мало заготовили, на духов и богов надеялись, — ввязался в спор Гостивит.

— Да как ты... — начал Лан.

— А ты, Яромир, что думаешь? — не дал разгореться спору Дален.

— А что здесь думать? Боги — это боги, у них свое, а мы люди, у нас свое. Излишне жестоко наказали, обрекая на такую жизнь, то да, но их предупреждали, они не послушали. Да и правда это или нет, не ведаю, может, и вымысел все. Ложитесь уже, а то завтра вдруг день чего еще принесет, да и на страже все-таки стоять будем.

Парни побурчали, но никто не спорил, даже присоединившийся к нам Крой.

Поднявшись с теплой лежанки, я вышел из-под ветвей дерева. Прохладно, а мелкий дождик придавал еще большую свежесть.

Здрав лицо к небу, я взглянул на звезды, вспоминая их вчерашнее расположение.

— Понятно, — протянул себе под нос.

Сбились с пути, оттого с гоблинами нам никто и не помог. Завтра правее брать надо. Постояв пару минут, я продрог и поспешил вернуться к теплому костру.

Мысли же кружили вокруг встречи с гоблинами. Не было у нас таких тварей, зато, видимо, они здесь есть или появились недавно. Я четвертый в поколении, как в мир пришла магия: прадед, дед, отец и я. А в том мире я был в первом поколении, может, и у нас бы появились такие твари. И мои мысли приходили к тому, что уже и неважно, прошлое это или совершенно другой мир, так похожий на мой. Я живу здесь и сейчас, и нет у меня другой жизни. Да и перестать надо сравнивать и измерять все понятиями того мира.

Да и вообще, дары и их развитие мне интересны, но не стоит на этом останавливаться. Даже если только этим и заниматься, нужна какая-то база. Ага, укрепленная база, а лучше и вовсе город, чтобы в комфорте жить, насколько это возможно, и в гости чтоб никто непрошенным не заявился, чтобы можно было отпор дать любому и самому потом в гости наведаться.

Это было бы неплохо. А что, вполне можно стать основателем города, а то и заложить свою династию. Все-таки тщеславие мне не чуждо. А место, где поставить, думаю, найду, сейчас территории не так заселены. Да даже если и живет кто, можно культурно попросить подвинуться, или не совсем культурно. Здесь как получится, только надо быть силой, и чтобы сила стояла за мной. А это не только личная сила и владение дарами или умение размахивать топором, но и отряд вооруженных и опасных воинов, которые будут готовы пойти за мной и встать за моим плечом.

Мне нравится: есть к чему стремиться, а может, и вовсе смогу что изменить. Надо обдумать.

Утро красит. Да ни черта оно не красит. Зябко, мокро и голодно. Угли костра дают едва ощутимый жар, разгоняя сырость и холод утреннего леса, все парни сонные, включая меня. А рядом в корнях деревьев извивается и мычит гоблин, даже сквозь кляп умудряется.

Размявшись немного и согнав сон, я осмотрел его: побитый и весь квелый какой-то, запястья переломаны, а челюсть свернута, причем все это сделал я. Но никакой жалости он у меня не вызвал. Надо подлечить засранца, а то подохнет, тащи его еще.

Найдя три более-менее ровных ветки, я их обломал под подходящий размер и снял путы с рук пленника. Он аж дергался от моих прикосновений, а в глазах плескался страх. Одну ветку просунул между его запястий, а две с боков рук, хотел завязать, да несподручно. Пришлось звать на помощь. Первым откликнулся Дален, а там и другие парни подтянулись. И с удивлением смотрели, как я делаю шину гоблину на поломанные руки, а сверху еще и веревкой обе руки стягиваю дополнительно.

— Яромир, ты решил лечить это брыдло[1]? — под руку влез Гостивит.

— А что, ты предлагаешь так оставить? Так по пути издохнет, и на руках его тащить. Неизвестно, сколько нам еще идти, и про Тишилу не забывай. А так этот гоблин сам пойдет, своими ножками, нам же легче будет.

Парни удовлетворились моими объяснениями.

Ощувив свой дар, понял: есть силы. Половины не будет, но уже неплохо, исходя из того, как я вчера себя выжал. Интересное наблюдение: если выжать из себя все силы магии полностью, прям досуха, то, помимо отвратительного самочувствия, сила восстанавливается полностью за двое суток, а вот если не до конца и что-то остаётся в плане магии, то силы восстанавливаются быстрее.

Пустив силу в поломанные конечности гоблина, немного его подлечил. До полного выздоровления далеко, но страдания облегчил точно. Хотя шут его знает этих тварей, может, у них регенерация выше, чем у людей, и кости у него быстрее срастутся? Ладно, посмотрим, главное, не дать сбежать.

А вот с Тишилой пришлось изворачиваться: как его тащить? Ведь носилок нет, а на заливке не унесешь, да и окоченел он весь. Так что пришлось выходить из ситуации с тем, что имеем. Взяли толстую ветвь, скорее напоминающую ствол небольшого дерева или вовсе бревно, а после привязали труп Тишило, словно подбитую дичь. Так себе ощущения.

А после уже в путь. Гостивит держал на поводке нашего гоблина, Лан тащил оружие, собранное с гоблинов, а Далин с Краем несли Тишило, я же шагал с луком наготове.

Так как сбились с пути, пришлось забирать правее, да и к маршруту движения относиться по-другому. Периодически менялись местами, и «груз» все несли по очереди.

Уже после обеда мы начали встречать других ребят, проходящих испытание, значит, верной дорогой шли.

Вот только наша компания привлекала внимание, и к нам приближались, рассматривая гоблина и труп Тишило, пытаясь выяснить, в чем дело.

Вот тут и наставал звездный час Гостивита, который с удовольствием рассказывал о встрече с духами в виде стаи волков и о бое с лесным народцем, в ходе которого и погиб Тишило.

И что мы его несем, дабы даже он мертвый прошел испытание и был погребен как настоящий воин, а не гнил в лесу. Кто-то уходил, после того как услышал байки Гостивита, а кто-то и присоединялся, и даже помогал и уже к вечеру нас было почти тридцать парней.

Большой толпой как-то легче было идти, а все разговоры велись на тему того, что уж сильно тяжелое нынче испытание, раз в этом лесу можно встретить духов и лесной народец. Сомнения все-таки имелись у ребят поначалу, но гоблин был перед глазами.

А я по пути смог пару птах подстрелить, так что голодными не остались, немного, но на всю толпу хватало по кусочку.

На ночлег расположились возле большого ручья, под сенью деревьев. Птах же разделали и поджарили на костре, а после с аппетитом съели. Оставив пару кусочков поджаренного мяса, я развязал гоблину морду. Посмотрел на его развороченную челюсть и немного подлечил, надо кормить эту зеленокожую заразу. Вот это зрелище собрало всех.

Сначала хотел руками его покормить, но, глядя на его зубки, как-то желание растерял, несмотря на поломанную челюсть: а вдруг цапнет? Ну его нафиг, без пальцев оставит, так еще и заразу занесет. Так что кормил его, нацепив кусочки мяса на острие ножа. Не знаю, то ли они все так едят, то ли конкретно этот не мог жевать после моего удара, но мясо глотал он, не жуя, при этом урочно урча. А после весь наш лагерь с таким же любопытством смотрел, как гоблина на водопой водили.

Ночь прошла тихо и спокойно, а вот к полудню мы вышли на берег варяжского[2] моря.

И вот вдали с правой стороны за утесом, что выпирал в море, мы заметили черный дым, поднимающийся в небо, и направились дружной гурьбой на этот ориентир.

Пришлось вновь возвращаться в лес и обходить утес, попросив Лана сбежать вперед и посмотреть, что там такое, а то не хватало нарваться на еще большую толпу гоблинов. Однако в груди теплилась надежда.

Спустя пару десятков минут Лан вернулся весь запыхавшийся, ничего не ответил, просто улыбнулся.

Большой и дружной толпой мы вышли из леса; на берегу были ладьи, что нас привезли. И рядом с ними крутились наши, ребята, что пришли раньше нас и команды кораблей.

Я с облегчением выдохнул. Бросил взгляд на окружающих ребят: у каждого на лице была улыбка и облегчение. Дошли и успели к сроку, грязные, голодные и уставшие. Испытание пройдено.

Наших наставников, на первый взгляд, не видно: наверное, еще по лесу потеряшек отлавливают.

А наша толпа словно замерла на кромке леса, не решаясь пойти дальше или не веря до конца, что испытание пройдено и мы больше не юнцы, не сопляки, а мужи.

— Мы это сделали, мы прошли, — и я первый шагнул вперед, а следом и толпа ломанулась.

Некоторые даже побежали. Мальчишки, какие мы еще мальчишки.

Начав спускаться к берегу, я принялся оглядываться. На берег были частично вытащены ладьи, и в основном возле них народ и крутился. Были разожжены костры, на нескольких готовили еду в котлах, судя по запаху, кашу. Балиха[3], походу, очень уж у нее характерный запах. А вот чуть подальше полыхал большой костер, который чадил черным дымом.

Не знаю, кто его разжег, и кто до этого додумался, но он просто, ну очень хороший человек, я был готов его обнять и расцеловать. Если бы не дым от костра, чую, побродили бы мы по бережку долго.

Ребята начали разбегаться кто куда, а вот возле Лана, наоборот, собралась толпа, все рассматривали гоблина, и, судя по разговору, об этой чуде были уже наслышаны от тех ребят, которые не стали к нам присоединяться и смогли обогнать.

Я же, забив на все, направился к морю. Дождавшись приливной волны, смог умыться. А вода была прохладная и освежающая, как раз то, что надо.

Вернулся к толпе, где стоял гвалт голосов взрослых мужей и только прошедших испытание парней.

Нашел своих друзей, которые так же были рядом, а Лан успел уже гоблина привязать к одному из деревьев, которые росли на берегу. Надеюсь, если уродца оставить одного, его не забьют.

— А где Дален? — я его что-то не увидел.

— Да где этот проглот может быть, уже утробу, наверное, набивает во всю, — пробурчал Гостивит.

— Вон он. — Лан указал на фигуру Далена, идущего к нам с небольшим котелком в руках, от которого шел еще горячий пар.

— И вправду проглот, — согласился я с Гостивитом.

— Поснедаем, ребята, кашицей, вкусная.

— А ты, небось, уже пробу снял? — со смешком спросил я.

— А как же иначе-то? — пожал плечами Дален.

Отойдя от толпы, мы уселись, и Дален поставил промеж нас котелок. Достав свою ложку, я зачерпнул горячей и пахучей каши. Подув на нее, я закинул в рот. Ммм.

— Это чем еще воняет? — раздался крик, я аж кашей чуть не подавился.

Оглянувшись, увидел, как какой-то мужик пинает тело Тишило.

— Это что еще за гниль, на кой этот мусор приволокли?

У парней заиграли желваки, да и взгляды стали совсем недобрыми. Думаю, и у меня такой же вид.

Мы по вскакивали, да и вокруг нас начала образовываться толпа ребят, с которыми мы проделали этот путь, несли Тишило и делили тяготы.

Парни молчали.

— Бля-я-я, слово предоставляется дядюшке Кащею, — только и смог я тихонько протянуть, пытаюсь успокоить зарождающуюся злобу.

— Дядя, — я постарался вложить в это слово все свое омерзение к этому человеку.

— Ты по что Тишило забижаешь? А? Он тебе чем помешал, али думаешь, что мертвые сраму не имут, ты что удумал-то?

— Чего? Ты что, соплежуй? — взревел мужик. — Совсем вас наставники распоясали, так со старшими разговаривать, так я поучу!

Лук уже давно был в моих руках. Раз, и тетива на нем, два, и стрела наложена. Эх, жаль, мало стрел осталось.

— Ты кто такой, чтобы меня учить? Я с тобой из одного котла не хлебал и возле одного костра не спал, так и в бою с тобой не был. Ты кто такой, что удумал нас учить и говорить о том, кто кого распоясал? — меня несло. — А вот Тишило был, был он с нами в бою и спас друга своего, грудью прикрыл своей. И он здесь, как и мы, прошел испытание, он на наших плечах его прошел.

— Да как ты разговаривать так посмел, ерохвост[4], на кой вы его притащили?

— Там и его бросить надо было, товарища, на поживу зверью? Словами я разговариваю, как прошедший испытание, я и все, здесь находящиеся. Мужики мы.

К мужику, который пинал труп Тишило, подошел другой, старше и солиднее. С бородой, заплетенной в косу, и с боевым топором за поясом. На мой взгляд, он был старше сорока, может, и по более. Он положил руку, успокаивая мужика, который весь покраснел и готов был вот-вот сорваться в мою сторону, дабы призвать к ответу за слова, которые он посчитал оскорблением.

— Охолоните оба, ишь, распетушились. А ты убери лук, не след оружие на своих поднимать.

— Свои? — в моем голосе так и звучала ирония.

— Рядом с вами лежит мертвый Тишило, он свой. Он жизнью свою отдал, пожертвовал ею в бою, он не увидит свет солнца, он не возьмет в руки своего первенца, он не пойдет с нами в бой больше. Те, кто рядом со мной, — я обвел рукой парней, — те несли его на плечах. Они свои. Ты не пинаешь мертвого и не оскорбляешь, ты свой, а он какой свой? Чем ему Тишило помешал-то, за что он его так?

Над берегом плыло молчание. Почти весь народ находился рядом и слышал мои слова. Они думали. А ты, дядя, выкручивайся теперь, как хочешь, явно за мужиком слава пойдет о поругании мертвых, недобрая слава, не знаю уж, кто он тебе.

— Так и хоронити, а вы что, начали животы набивать, ишь какие, — ответил он.

Спорить сейчас, наверно, лишнее, только испорчу о себе впечатление. Так что я лишь молча кивнул и снял с лука тетиву, а после все-таки ответил:

— Займемся.

Мужчина развернул своего товарища, а после и сам развернулся пошел к ладьям. Спустя пару шагов повернулся вновь к нам и заговорил:

— Молодец! А ты чьих будешь? А то уж больно лико знакомо.

— Яромир я, свободный муж, сын Велерада, внук Деяна и правнук Рознега.

— О как! Знаком с твоим прадедом. Да и деда знал: ох и лютый был Деян в бою, да и

в жизни, за то и погиб, — отвернувшись и придерживая за плечо своего товарища, отправился к ладьям.

Тяжко вздохнув, обвел взглядом ребят, которые собрались подле меня. Многие выбрасывали камни, которые до этого подняли.

— Ох и выдерет меня тятя[5], — грустно пробормотал рядом стоящий Гостивит.

— Ага, выдерет, — таким же тоном добавил Дален.

И после их слов я понял, что они правы. И меня Велерад тоже выдерет за такое действие. Вновь грустно вздохнул, что ж, бывает.

— Ну что, обряд для Тишило готовить будем, — пересилив себя и отогнав мысли о будущем наказании, обратился к ребятам.

И понеслась подготовка. Сбор дров для костра и камней, дабы обложить и сделать подобие лодии, в которой будем сжигать тело Тишило.

В процессе подготовки погребального костра явились наставники, ведя пару ребят, которые не были расторопны и попали к ним под руку.

Валуй сразу начал выяснять, что произошло, и после услышанного, разглядывая гоблина, под нашими весьма недружелюбными взглядами согласился, что Тишило прошел испытание и достоин почестей. Для нас это было важно.

Вечер, солнце садится за горизонт.

Тишило покоится на большой куче дров, с меня высотой, и это все обложено камнями в форме лодии. Дрова пропитаны маслом, чтобы быстрее разгорелись. Долго думали с ребятами, кому доверить поджечь: Далену которого спас Тишило, или его другу Крою. Решили, что пусть все-таки будет Крой. Столько лет дружили, и один друг проводит другого.

Крой выхватывает факел из костра. Шаг, еще шаг и подносит к дровам, разжигая, а после и бросает. Огонь постепенно разгорается, и вот — почти до небес. Тишина.

Кто-то из ребят начинает плач[6], воинский плач, и его подхватывают все стоящие на берегу балтийского моря.

Через пару дней у нас будет посвящение богу и принятие его благословения. Надеюсь хоть там, все спокойно пройдет.

[1] Гадкий, вонючий.

[2] Оно же балтийское, оно же свебское (немецкое название) восточное море (шведское название).

[3] Балиха — каша из ячневой муки которую едят с поджаренным салом или вяленным мясом.

[4] Задира, спорщик.

[5] Папа, отец, батя.

[6] Плач — определенная форма песни. Самым известным плачем, на данный момент это плач Ярославны.

Возле града именуемого Устка, в священной роще, где и расположилось капище бога Триглава, собралась огромная толпа людей в праздничных нарядах с вышитыми на них различными символами, выделялась только кучка молодых ребят. Одежка на них была поизносившаяся, и вид они имели усталый, вот только стояли, гордо выпячивая грудь, и каждый из них улыбался и был доволен собой.

Стоя поодаль от основной толпы, я наблюдал, как на привязи ведут быка. Животина мерно шагала за человеком. Домашнюю и тихую буренку этот зверь напоминал слабо, под его кожей бугрились и переваливались огромные мышцы.

Быка подвели к моему прадеду, волхву Триглава, и веревку пропустили между ног зверя, склоняя голову перед человеком.

В руках родича сверкнул длинный и острый нож; удар куда-то за голову быка — и острие входит в его тело на всю длину.

— Му-у-у, — раздалось над поляной, и у зверя сначала подогнулись передние ноги, а после и задние.

Помощник, который вел быка, толкает его в правый бок, и животное заваливается на левый.

После волхв наклоняется, достает крепко засевший нож. Вновь удар, вскрывающий артерию животного. Его кровь хлещет в заботливо подставленную огромную золотую чашу и наполняет ее.

Жрец Триглава поднял чашу и зычным, совсем не старческим голосом произнес:

— Жертва принесена, бог ее принял.

— А-а-а-а, уа-а-а, — над рощей понеслись радостные голоса.

Из толпы вышли семеро мужиков и подхватили быка, вынося его из рощи. Вечером после завершения обряда будет праздник, на котором бычка и поджарят: не каждый день более сотни мальчишек становятся мужчинами, есть что отпраздновать.

А сейчас все лишние покинут рощу и капище бога. Остались только мы и помощники волхва, а также сам волхв. Посвящение перед богом весьма личное и интимное дело, лишних не должно быть.

Нас здесь больше сотни, и, если на каждого будут тратить по пять или десять минут, день обещает быть долгим, очень долгим.

После того как все разошлись, мы, собрались напротив храма. Само капище было на возвышенности и было окружено высокой оградой. И представляло из себя, строение с небольшой башней. Перед храмом была небольшая площадка, к которой вели две тропинки с разных сторон. На площадке и разместился мой прадед, волхв Триглава, возле большого алтарного камня.

— Поднимайтесь по одному, — объявил он.

Все мялись и оглядывались, у меня уже мелькнула мысль пойти первым. Но незнакомый парень собравшись с духом, шагнул вперед. Вот он рядом с моим родичем, который дает ему испить из небольшой серебряной чаши, а после что-то говорит, и парень идет в капище. Спустя десяток минут он возвращается, и следующий из нас шагает вперед. Так и потянулось томительное ожидание.

Спустя час всем стоять надоело, и все принялись рассаживаться на траве. Те, кто

прошел испытание, уходили в сторонку ближе к деревьям и о чем-то шептались.

Неожиданно, глаза начали слипаться, меня потянуло в сон.

— Яр, яр, — меня начали дергать за плечо.

— А, э-э-э, — я открыл глаза и потянулся. Рядом стоял Дален.

— Ты что, уснул, что ли?

— Да, вот глаза только прикрыл, — я потянулся еще раз.

— Иди, давай, а то весь народ почти прошел. — Он кивнул на оставшихся парней.

Действительно, с десяток человек осталось.

Поднявшись и отряхнувшись, я подошел к толпе. За мной даже пару человек встало, не я один видимо задремал.

Дождавшись своей очереди, поднялся на площадку.

Приняв чашу из рук родича, я одним глотком ее опорожнил.

Не знаю, что это была за жидкость, но отдавала она разнотравьем и медом, сладкая.

— Поприветствуй нашего бога Триглава, ибо мы идем от его корня и от корня его детей.

Родич подтолкнул меня в сторону капища.

Пройдя пару шагов, я оказался во внутреннем дворике, стены капища были украшены искусной резьбой. Я видел изображения зверей, рыб и людей, все было просто мастерски вырезано, они были словно живые, готовые сойти со стен.

Перешагнув порог, я оказался в царстве полумрака.

Напротив меня стоял идол Триглава. Деревянный столб с вырезанным изображением нашего бога. Это был воин; на голове его красовался шлем с тремя личинами, они были словно три лица. Одет он был в кольчугу, а за поясом висел меч, на котором и покоилась одна из рук. Сверху через проем лился свет, словно прожектор, освещая идола.

С трех сторон он был укрыт полотнищами сиреневого оттенка, а вот то, что крылось за ними, было трудно разглядеть, но я все-таки смог и увидел блеск золота и серебра, монеты, которые, как ковер, застилали пол, а сверху лежали разные сосуды из драгоценных металлов и много разного оружия, топоров и мечей, украшенных драгоценными камнями.

Атмосфера в капище была тиха и спокойна, умиротворяющая, словно здесь остановилось время, и никуда не надо было спешить, благостно.

Было хорошо и приятно. Я прикрыл глаза и просто наслаждался, вдыхая воздух.

Открыв глаза, я взглянул на Идола и поклонился.

— Приветствую тебя, мой пращур Триглав, от имени своего.

Выпрямившись, я узрел, как из истукана выплывает фигура, сначала словно призрачная, едва видимая, но постепенно полностью воплощающаяся в нашем мире.

Передо мной предстал исполин высотой более трех метров. Он подавлял силой, которая от него исходила. Она, казалось, разливалась по всему помещению. У меня сперло дыхание, я не мог вдохнуть и протолкнуть воздух в легкие. Исполин был словно копия стоящего истукана, но все же отличался.

Его мощь словно заставляла согнуться и отвести взгляд от его горящих зеленым светом очей, которые были видны в прорезях личины. Меня трясло, а колени и вовсе подгибались. Но я продолжал держаться и стоять, хотя от его силы меня всего и скособочило. И когда казалось, что тело меня подведет, и я рухну на пол, изнутри меня словно раздался рык.

Я человек, я рожден человеком.

Силой меня не наполнило и уверенности совсем не придало, но вот упрямство и

гордость вызвали. Потерю сознание, сдохну, но не согнусь.

А Триглав размял плечи и словно пришел в себя. Буйство его незримой силы начало стихать в храме. Она уже не лежала столь тяжелым грузом на моих плечах, я мог вздохнуть.

— Службу, сослужи мне, — его голос заставил меня вздрогнуть.

Мыслей в голове и вовсе не было, я все еще пытался прийти в себя.

А он словно не замечал этого, продолжил говорить.

— Вера и кровь наша, должна жить. Сделай это, я возлагаю на тебя эту ношу.

Все вопросы, которые у меня возникли, застряли в глотке.

— Ежели не исполнишь волю мою, будешь наказан ты и весь твой род. Будете духами неприкаянными по земле бродить, не в праве вмешаться в жизнь людскую, покуда земля наша стоит и не утопла в огне.

Его личина на шлеме была словно живая и показывающая все его эмоции, это не была обычная железная маска для защиты лица.

Это, это же война, борьба и кровь, мелькнула у меня мысль. Ведь Европа никогда не была особенно мирным местом.

— Почему? — я еле смог вымолвить.

— Сын, мой сын должен возродиться в своих потомках, а для этого они должны жить. С верой это будет быстрее, — прогремел его голос.

— Он мог бы возродиться и без этого, но привязал свое посмертие к потомком, как и... — последнего слова я не понял, да и ожег он меня своим взглядом, у меня даже сердце от этого пропустило пару ударов и защемило.

Собравшись с силами, я спросил

— Если будет стоять выбор, сохранение рода или смена веры, что мне делать?

— Сам решай, это твоя служба, твоя ноша.

— Будет ли помощь с твоей стороны?

— Ты и так одарен сверх всякой меры, — ответил Триглав, — впрочем, — он протянул мне ладонь, на которой неожиданно появился большой кинжал. В потертых ножнах, с рисунком раскидистого древа и чудного зверя, с костяной рукоятью и навершием, покрытым светлым металлом, чем-то напоминающим серебро.

— Благодарю, — и я взял в руки протянутый дар.

— Раз в мир смог пройти я, то смогут и другие, — вновь прогремел голос бога.

— Какие другие? — оторвавшись от разглядывания кинжала, поднял голову.

— Другие! А теперь иди и позови родича своего.

Выйдя за порог капища, я смог вздохнуть полноценно.

Нелегкий разговор с непростым собеседником. Меня продолжало трясти, а рубашка промокла от пота, и это было противно.

На негнущихся ногах подошёл к прадеду и аккуратно задел его рукав. Увидев меня в таком в виде, он вскинул брови в удивлении.

— В ка-апи-и-ище, за-айди, — только и смог, заикаясь, произнести.

— Чего? — весьма неодобрительно сказал он и движением руки остановил следующего парня, который начал подниматься по тропинке.

— Там ждут, — уже вполне нормально смог выговорить.

— Смотри, ежели шутки шутикуешь, всю шкуру сдеру.

И направился на капище.

Я же пожал плечом. Какие уж здесь могут быть шутки.

Уселся в стороне подалее от людей, мысли метались и выстраивались в разные конструкции, в основном матерные.

Прошла пара минут, а старшего родича все нет. Я даже волноваться начал и материться перестал. Все-таки он старенький, а тут встреча с кумиром, мало ли.

Спустя минуту прадед явился и имел бледный вид, его шатало в разные стороны. Выдержал старик, крепкий.

Поставив вместо себя помощника, который продолжил посвящение, он ушел куда-то за капище. Я выдохнул облегченно и продолжил упражняться в построении трехэтажных конструкций.

И спустя еще минут пятнадцать начал выдыхаться, переставая материться и начав выражаться более культурно.

Попал как кур в ощиц. Коготок увяз — и мне теперь п...ц. Вот прям впросак, нашел куда. Нашелся герой, избранный на всю голову. Тупорылый пингвин я. Может, утопиться и концы в воду, а точно, боженька предупредил, во что мне это влетит.

Эх, мочи нет, мильон терзаний.

После мысли пошли в более конструктивное русло: только свыкся с новым миром, а тут на те распишитесь боженька на службу взял.

Ладно, не ссы, лягуха, болото будет наше!

Что же от меня требуется? Сохранить род или роды, все-таки роды, еще и веру. Весело, ага, обхохочешься. Вроде сроков он не называл, так что время есть, это уже неплохо.

А может, есть возможность соскочить? В христианство или буддизм податься. А что: другие боги, другая иерархия все-таки. Но что-то у меня сомнения, что Триглава это удержит от расправы.

Так что придется все-таки впрягаться и по полной.

Мы живем в союзе племен и даже есть так называемые князья, только по факту они скорее военные вожди, нежели самостоятельные князья, обладающие всей полнотой власти.

И многие решения принимаются или на общем сборе, вече, да и то с одобрения волхвов, а именно местного духовенства.

А часто решения по тем или иным вопросам принимаются только волхвами, которые ссылаются на волю своих богов. Вожди, они же князья, являются в большинстве проводниками этой воли, сиречь исполнителями. И вот в этот клубок змей лезть? Сожрут, и еще попросят молодого и вкусного мяса.

Не везде конечно так, есть земли где и княжья воля сильна.

И о нашем окружении не стоит забывать: шведы и даны, немцы и племена балтов, а также другие всякие разные поляки. Цивилизация, мать вашу. Хорошо хоть, помню, кто на Балтике живет, правда, из стран моего времени, но думаю, ситуация в этом болоте не сильно поменялась. Что есть, то и будет. Кроме нас, о славянах на балтике я и не помню ни чего, так что-то мелькает в голове. Добрые соседушки, цивилизаторы хреновы.

Лет пятнадцать назад была битва большая у соседей наших с немцами, которую проиграли. И проиграли не потому, что плохо бились, или князь, возглавивший войско, плохой полководец, а потому, что полный парад суверенитетов. По оговоркам разным, часть людей опоздала к битве, а часть не выполнила маневра, другие же преждевременно начали отступать под натиском, вот и итог. Весьма показательный момент.

Да, здесь нужна крепкая рука, потом и кровью, волей и смертью проковать эти пеньки трухлявые, каждый из которых мнит себя принцессой красоты невиданной, а также самым

умным. Болото, как есть болото и огромная любовь к своему ближнему.

И с этой точки зрения я даже теперь понимаю князя Владимира, крестителя Руси. Наверно, тоже сначала пытался возиться с «элитой», а на каждом углу — подстава и провокация. Снес к чертям всех и стал опираться на новую веру, христианство, а на освободившиеся места рассовал лично преданных людей.

Снес старую надстройку и полностью воздвиг новую в виде церкви. И смог заложить основу государственности и спаять в единое целое.

Вот только я не смогу так поступить, не поймут-с, да и ресурсов таких нет у меня. Все таки не Русь, а Европа. А впрочем, есть пару идей. Есть над чем поразмышлять.

Ладно, хватит кручиниться и печалиться, мы живы покуда.

А сейчас надо будет праздновать. Ой, напьюсь!

Должны же по этому поводу хмельной мед выставить или другой алкоголь.

Возле капища остались два парня, которым только предстояло пройти посвящение — и праздник начнётся.

Выцепив взглядом своих дружков, я двинулся к ним.

— О вот и Яромир! Ты где пропал? вроде вышел, а потом куда ушел, я найти не мог, — Гостивит почесал щеку, отгоняя комара.

— Подумать надо было, — я присел рядом. Парни были уставшие, все-таки ожидание и таинство вымотали, так что говорить было лень.

— Вот и все, — Дален первый заметил вышедшего из капища последнего парня.

Вперед вышел один из младших волхвов и повел всех нас из священной рощи.

Мне же пришлось рукой придерживать кинжал, подаренный богом, и быстро соображать, где его припрятать: потерять такую вещь вовсе не хотелось, явно оружие непростое. И, отстав от своей компании, а после уйдя с тропы, я присмотрел раскидистую березу возле кромки леса, в ее корнях и оставил кинжал, прикрыв травой. Надеюсь, никто не найдет, а завтра и заберу.

Выйдя из священной рощи вслед за толпой, я узрел начавшееся празднество.

Горели большие костры, на которых жарили мясо. На других в больших котлах готовили разные каши. Каши, судя по запаху, были разные, в том числе сладкие, на меду с орехами.

А еще стояли бочки с напитками: сбитнем, хмельным медом, сурьей[1] и различные кисели, а также другие настои на меду и травах.

Где-то здесь должны быть и мои родители. Видел отца в толпе возле храма.

Возле ближайших бочек топталось с десятков человек, что-то живо обсуждающих. Решил присоединиться к ним, заодно и накатить маленько.

— Чего там, что столько народа? — я обратился к одному из знакомых парней.

— Вино, греческое! — и он поднял палец вверх.

Пойдет. Дождавшись своей очереди, зачерпнув из бочки полковша, из которого и употреблял народ, приступил к дегустации. Вино было красным и немного кислило, жидкость приятно холодила и наполняла мою утробу.

Ух, хорошо, но крепости все же немного не хватало, на мой вкус. Главное, чтобы и с этого не развезло, организм все же юн и к алкоголю не приучен.

Дальше же мой путь лежал в поисках родичей и близких друзей.

А праздник набирал обороты: послышались звуки дудочки, а после к ней присоединилась пара барабанов, задавая своими ударами ритм.

А вон и батенька гуляет, одетый в белую рубаху с вышивкой, с аккуратно

подстриженной бородой и ножом за поясом, а рядом с ним неспешной походкой прогуливаются его жены.

Да, батенька у меня еще тот самец и многоженец. Моя мама с интересным, как по мне, именем Зорана. Которая и родила ему наследника, то бишь меня, была второй супругой отца, а вот первая жена, Смиляна, родила ему дочь, а мне младшую сестру.

Одеты они также в праздничные платья, а на головах у них убрус[2]: все-таки замужние дамы, и волосы надо прятать. На головном уборе — украшение в виде височных колец. Красавицы.

Интересная история была с моим рождением, а точнее, со второй женитьбой отца. Моя мама считалась невестой его друга, но он погиб. И спустя год после его смерти отец взял ее второй женой.

А ведь поначалу были шепотки, что я не его сын, а сын его почившего друга. Отец все эти шепотки пресек, но мне, конечно, доброхоты донесли: а как же иначе, в деревне живем. Но после того, как я подрос, стало видно, что я все же его сын: вылитый отец, да и дар к силе ветра все же о чем-то говорил.

С первой супругой отношения были разные, я бы не назвал ее плохой. Но то ли она ревновала, то ли еще что, не она ведь родила отцу наследника.

А главное, отец мог среди своих жен поддерживать порядок. Да-да, они почти не ссорились и не ругались, что удивительно. Ведь если они начинали это делать, батюшка мог им пару оплеух прописать, а то и выдрать вожами или еще чем, что под руку попадет. Даже если нервы ему начинали мотать так, чисто по-женски, у отца это понимания не находило, патриархат и домострой.

Но это не значит, что в некоторых вопросах они не могли отстаивать свое мнение, даже, бывало, и объединялись против отца при решении некоторых вопросов и оплеухи или наказания не помогали. Дамочки с характером.

— Тятенька, — окликнул я их, когда догнал. И поклонился: уважение, значит.

— Яромир, — отец окинул меня взглядом с прищуром, — я и не сомневался в тебе, — и, немного промолчав, добавил: — Только наслышан о твоих выходках, — и покачал головой.

И придавил меня взглядом своих голубых глаз.

Я же виновато опустил глаза. Ох, чую не избежать мне завтра порки.

— Иди отдыхай, заслужил все же, — смягчился он.

Подняв глаза, несмело улыбнулся: вызывал у меня батя все же внутренний мандраж, да и уважал я его.

А все же ростом с ним уже сравнялся, прикинул я, осталось еще и в плечах догнать, а то как пальма.

— Яромирушка, сынок, совсем уже добрым мужем стал, — мама мне улыбнулась и провела по руке. Чувствую, дома меня за обнимает.

— И вправду возмужал, уже и не мальчишка во все, — присоединилась первая жена, Смиляна, и даже рассмеялась собственной шутке. Отец и мать поддержали ее чистым и добрым смехом.

— Благодарствую на добром слове, — я поклонился и поспешил убежать подальше, пока отец не передумал.

Вот только далеко уйти не смог. Возле костров начали водить хороводы и меня, ухватив за руки, туда втащили, да я и не сопротивлялся.

Веселье началось, у-у-ух. Закружимся.

[1] Сурья — один из малоизвестных старинных славянских напитков — «заговорённое» молоко с травами, сухими ягодами и пшеничной шелухой, запаренное в печи и подбродившее.

[2] Убрус — старинный традиционный славянский головной убор девушек и замужних женщин, относящийся к типу полотенчатых головных уборов. Как правило белого цвета, из тонкого полотна домашнего тканья, иногда украшенного вышивкой.

Солнышко пригрело, хорошо-то как. Приоткрыв глаза, я потянулся и зевнул, красота, лепота.

Так, а где я?

А, точно, на сеновал к прадедушке спать завалился. Эх, хорошо погуляли. А главное никакого похмелья, хотя вчера активно накачивался хмельным.

Хорошо быть молодым и здоровым. Хотя сколько я вчера выпил? Пару ковшов того, пару ковшов сего, и я уже пьяненький, много ли мне надо, непривычному к алкоголю.

Потянувшись еще раз, я размялся.

Возле сеновала стоял кувшин с молоком и стопка чистой одежды. Обо мне даже позаботились. Сделал первый глоток, прохладное, видать, из погреба. Как же я соскучился по нему. А молоко было козье, жирноватое оно на мой вкус, с другой стороны, попил, заодно и поел.

Скинул свою одежду, которая очень долго мне служила, но обветшала уже. Казалось, дерни немного — она и порвётся. Надев новую рубаху, которая была мне по колени, и от которой пахло свежестью. Она была из серой ткани, по рукавами и вороту шла вышивка, различных солярных знаков, в основном изображающих солнце в той или иной интерпретации.

А позже накинул на себя портки и подпоясался, эх, посмотреть бы на себя. Хотя и без этого уверен, что я просто красавчик. Мамина радость и папина гордость.

Выйдя с сеновала и пройдясь по тропинке, оказался во внутреннем дворе дома Рознега. Столкнувшись в проходе с холопкой Мирославой, хотя она уже давно скорее управляющая хозяйством Рознега и почти член семьи, но все-таки в статусе холопки.

— О, Яромирушка, соколик, встал уже, — она с хитринкой на меня посмотрела.

— Ага, а где тятя?

— Так он по утру уже отбыл, тебя хотели поднять, но Рознег сказал, чтобы тебя не трогали, поговорить с тобой хотел.

— Понятно, а сам он где?

— Здесь где-то шастает. Ты поди пока, присядь, — Мирослава кивнула на навес, под которым стояли стол и пара пеньков, заменяющих табуретки, — а я пойду его поищу.

Умывшись из бочки, которая стояла рядом с навесом, и устроившись по удобней на пеньке я приготовился к ожиданию.

О чем хотел поговорить предок, и так понятно, о Триглаве. Вот только что ему стоит говорить, а что нет?

Да и самому хотелось бы узнать, что Триглав сказал прадеду. А то у Родича был вид весьма пришибленный после общения, хотя это и понятно, такая встреча. Это уже я ко всяким чудесам и несуразицам привычен.

А все-таки ситуация со службой, которую он мне поручил, нерадостная, конечно.

Мысли текли вяло, и я прикидывал те или иные варианты. Выходило все весьма поскудно, хотя я это еще вчера понял, деваться мне некуда.

И что бы исполнить службу, которую мне поручили, придётся расстараться и покрутиться. А для этого мне необходима личная сила, люди, на которых я могу опереться, и деньги, много денег.

Еще и вопрос веры — однозначно, надо будет что-то решать. Так вера у нас весьма разобщённая, каждый волхв по своему пониманию толкует, да, есть общие моменты. Однако в разных племенах чтут разных богов, и каждый считает своего бога главными над всеми, что не придает сплоченности. Да даже в одном племени, где чтут одного бога, в разных селениях могут делать это по-разному и богу приписывать разные черты.

Да и племена, вроде в одном союзе находятся, периодически воюют и налеты друг на друга устраивают. А союзов племен основных три. Союз Поморян, к которым я и отношусь. Союз Лютичей — это второй конгломерат, и союз Ободритов третий, а еще и Руян на особице стоит.

И в каждый союз входит несколько разных племен и называются эти союзы по самому сильному и большому племени.

Никакой централизации как таковой нет, хотя есть зачатки в виде главных городов или культурных и духовных центров в каждом союзе свой.

Болото, как есть болото.

Так что нужна еще идея, которая сможет хоть как-то объединить людей, а не каждый сам по себе, та же вера, ее преобразование, в принципе, может помочь в этом деле.

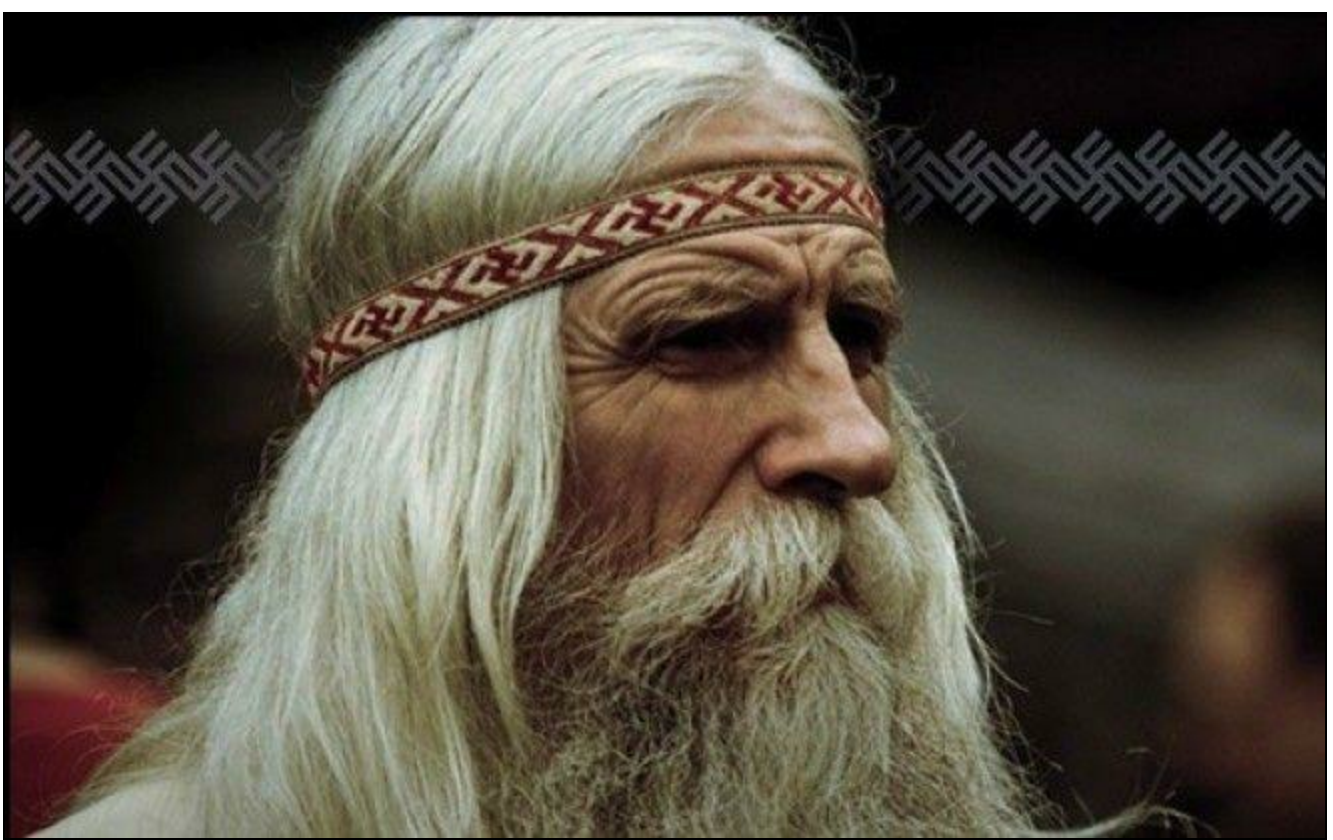
Свой город занять как я думал, это тоже не просто выйдет. А после еще и людишек под свою руку окрестных взять, чтобы казна пополнялась, дань или налоги, пошлины с торговли, неважно. А с землями под град, ну, силой можно выгрызть, желательно, чтобы там торговые пути пересекались, и будет он расти тогда. Если раньше по шапке не дают такому резвому.

Для людей требуется устроенный быт и еда, чтобы голодными не сидели. Безопасность, чтобы могли работать и жить и от каждой тени в леса не бежать, а это армия или дружина, причем хорошо обученная и экипированная, а также верная. Вопрос здоровья, а точнее, медицины остро тоже стоит. Чтобы дети во младенчестве не мерли, чтобы не умирали от простуды или еще чего зазря.

Вот когда все это будет, тогда и можно будет делать более серьезные дела и на что-то влиять, когда за моей спиной будет сила. Хоть князем назваться можно будет. Вот к этому и надо мне стремиться.

Расслышав шаги, я поднял голову, ко мне направлялся мой прадед Рознег, одетый в чистую рубаху, такую же, как у меня, за его поясом был нож, а сам он опирался на длинный посох.

Борода его была седа, а на голове красовался обруч из ткани с вышитыми оберегами от злых духов и иных напастей. Взгляд был весьма цепким и пронзительным, да, добрым и все понимающим дедушкой я бы его не назвал. Скорее старый воин, прошедший не одну битву, а не жрец богов. Весь в морщинах, но еще достаточно крепкий, несмотря на свой возраст. Явно дар помогает и поддерживает.

— Здравствуй, Яромир, — он присел на пенек через стол от меня.

Поднявшись, я ему поклонился:

— Здравствуй, дедушка, и благодарю за приют и заботу.

— А как о своем родиче не позаботиться? — он хитро и цепко на меня взглянул. А после продолжил: — Есть нам, что обсудить с тобой.

Я просто кивнул.

Он молча поднялся из-за стола и подошел к стене, возле которой были полки с разными предметами. Сняв с полки три глиняные чашки, он поставил их предо мной.

В одной из них была какая-то красная жидкость, а во второй соль. В третьей же что-то состоящее из мелких крупинок серого цвета, только что это было, я не смог понять.

Подвинув ко мне чашу с жидкостью, дед произнес:

— Пей.

Взгляд его был весьма суров, но после общения с Триглавом как-то не особо и пугал.

Взяв в руки чашу, я ее повертел, а после сделал глоток и чуть не выплюнул. Это была кровь. Дед рукой зажал мой рот, не давая выплюнуть.

— Глотай, я сказал.

Я подчинился. А после мы сидели в тишине, я не знал, что сказать, а он меня разглядывал. И, придя к каким-то выводам, немного расслабился.

— Руку дай, — и протянул ко мне свою старческую ладонь.

Я положил рядом, и он начал ее рассматривать, резко достав нож, приложил его к ладони, и я дернулся. Думая, что он сейчас меня полоснет.

— Тише, тише.

Лезвие было на ладони, а дед все так же в меня вглядывался.

А после резко полоснул по коже, брызнула кровь, наполняя мою ладонь. И я вновь дернулся, вот только не смог вырвать руку из его цепкой хватки. Он разглядывал мою кровь и даже поводил по ней пальцем, а после, взяв щепотку соли, кинул ее на рану.

Я терпел, из меня не вырвалось не звука. Я поднял голову и попытался поймать взгляд родича, но ему было все равно, он рассматривал мою кровь. Потом взял шепотку из новой чаши и тоже сыпанул на мою рану. Я ни чего не почувствовал.

А потом накрыл мою ладонь своей, я почувствовал чужую силу, его дар жизни, он лечил меня своей магией. После того как отнял ладонь, на моей руке не осталось ран, только засохшая кровь, соль и еще что-то.

— Почто, деда? — вырвалось из меня.

— Надо было проверить, а теперь сказывай.

Проверить ему надо было, хотя можно понять, что он проверял. Что я остался собою, что не подселился ко мне дух или еще что. А то, что я с Трибогом общался? А хотя, может, дед этого и опасался. Судя по его словам, других объяснений не будет.

Что именно рассказывать, и так ясно, только собравшись, я открыл рот.

— А начни, пожалуй, с испытаний, на которых вы духов встретили, — и тут он хмыкнул, — о которых твой дружок-неслух уже всем растрепал.

Это он, видимо, о Гостивите так.

— Значится, я Лан, Гостивит и Дален вошли в лес, перед этим испросив разрешения у духов лесных, как учили.

* * *

Уже несколько минут прошло, как я закончил рассказ о своих похождениях.

И вот сижу в полной тишине рядом со старшим родичем, и это выглядит странно и пугающе.

Он не шевелится, взгляд стеклянный, уперся в непонятную точку, и у старика шевелятся губы, словно он ведет с кем-то незримый и неслышимый диалог.

Он неожиданно вздрогнул и повел плечами, взгляд проясняется и становится осмысленным.

— Значит, службу затребовал Трибог, в сохранении родов наших и веры, а ежели не исполнишь службу, то в наказание все члены нашего рода будут бродить бесплотными тенями до конца времен. Сурово и жестоко. И надо это ему, чтобы его сын смог возродиться?

Под взглядом деда я кивнул.

— Видимо, грозит опасность родам нашим, — сделал вывод Рознег.

— Знамо ли тебе об этом? — и родич впился в мое лицо своим взглядом.

Ответил я не сразу, а в голове бегали разные мысли.

— Нет.

— Лжешь, я вижу, рассказывай.

— Есть знание, деда, — я немного замялся, подбирая слова.

Собравшись с мыслями, я продолжил.

— Знания или опасения, но не мои, а словно кто-то вложил их в мою голову.

— Кто-то, скажешь тоже, Трибог и вложил, — прадед покивал своим мыслям.

— От христиан идет опасность нашей вере, а родам нашим от соседей близких и дальних, словно станет это не наша земля, а нас и вовсе нет и потомков тоже нет, — я обвел все окружающее пространство рукой.

Родич хмыкнул и заговорил:

— То опасности ведомые, не раз мы с ними сталкивались. Но вот то, что Трибог на это обратил внимание, — это не просто — и он покрутил рукой в воздухе, словно не мог подобрать слов.

Не много помолчав, он продолжил.

— Видимо, все сложнее, чем мне кажется. Ты сказал, что Трибог тебе кинжал даровал, где он?

— Так возле священной рощи спрятал, не на праздник же нести, — я пожал плечами.

— Неси давай, а то неровен час не в те руки попадет, — прадед аж голос повысил.

Метнувшись к священной роще, я после пары минут поиска достал его из-под примятой травы.

В темпе обратно и немного запыхавшись, положил его перед старшим родичем.

Рознег сначала протянул к нему руки, но в нескольких миллиметрах от кинжала его ладони замерли. Достав с полки небольшую шкурку, через нее и взял в руки кинжал, избегая прямого соприкосновения.

Он долго присматривался к кинжалу, чуть ли не принюхивался к нему и водил пальцем над рисунком.

— Непростой тебе, Дар Триглав сделал, ой непростой это кинжал.

А я-то думал, это ножичек, чтобы колбаску пластать. Хотя чего я иронизирую, дед дело говорит.

— Думается мне, что это оружие никому, кроме тебя, в руки не дастся, или тому, в ком есть родная тебе кровь. Да и с ранами от него неизвестно, что будет простому смертному.

Дед так и не решился достать клинок из ножен, хотя по нему было видно, что хотелось.

— Надо на Щецин[1] идти и с другими волхвами совет держать, а может, и вовсе в Ретру[2] с оракулом говорить, — дед нахмурился, взгляд был его задумчив.

— Деда, а что тебе Триглав сказал? — все-таки было интересно.

— Поддерживать тебя и всю помощь, какую могу оказывать.

О как, ну неплохо так-то. А вот насчет Щецина и Ретры у меня сомнения, что туда идти надо и все раскрывать, большие сомнения. И, как деду, об этом сказать впрямую, думаю, не стоит, хотя.

— И в Ретре, и в Щецине есть люди свои лучшие[3], которым до нас дела нет, да и кто мы для них, для тех волхвов и князей.

Прадед промолчал и с интересом на меня поглядывал.

— Думается мне, что не стоит этого делать. Вдруг поймут неправильно или не поверят. Пустобрехами выглядеть не хочется. Кроме нашего слова и кинжала, Триглавом дареного, ничего и нет. А если и поймут правильно, то могут и вовсе малый отряд дать, да и отправить подальше, где я голову и сложу. А то и вовсе ежели интересам их помешаем, не посмотрят на богов.

— Да как же воле богов противиться? — дед возмутился и внимательно на меня посмотрел.

— Так им боги ничего не говорили, — и я пожал плечами.

Рознег покачал головой.

— Ох, и на Деяна похож, сына моего и твоего деда, он тоже любил издали заходить и так и эдак, да и повадки схожи.

Кажется, мне об этом говорили после испытания, только совсем о других чертах

характера.

— Ладно, подумаю. А пока давай по снедаем.

— Мирослава, Мирослава, — начал кричать дед.

— Чего орешь, слышу я, чего тебе?

— У, какая стала, распустилась, видать, много воли я тебе дал. Поснедать неси нам.

— Сейчас, принесу.

— Деда?

— Чегось тебе, отрок?

— Смотри, деда, давно спросить хочу, вот ты даром или силой обладаешь, как и я, — и пустил силу жизни в ладонь, — вот у тебя было трое детей, кто-нибудь владел подобной силой?

Старик посуровел лицом, а после тихо заговорил:

— Пятеро у меня детей было. Выжило трое. Деян — твой дед, Голуба и Окомир, а двое еще младенчиками умерли. Нет, никто силами не владел из них.

Значит, прямые потомки силой не обладали, понятно.

— А среди внуков владел кто силами такими? — Дед задумался, что-то вспоминая.

— Про отца и дядьку своего Беляя ты и сам знаешь, могут ветер пользоваться, а еще Велибор, сын Окомира, как и мы, может раны затворять, кажись и все, больше не было.

О как, а внуков у деда, и я начал загибать пальцы, вспоминая всех родичей, одиннадцать, вроде никого не упустил, и из одиннадцати трое владели даром.

— А из правнуков только я и сын Беляя владеем даром?

— Э не, дочка Весты, Лияна, ветром комаров гоняет.

Тоже трое, и только я один имею сдвоенный дар, дар жизни и ветра.

— Слушай, а откуда дар ветра у нас в роду, ты же раны можешь затворять.

— Так жена моя, Мира, могла мошкарку гонять, я думаю, оттуда и передалось.

Получается, прямые наследники Даром не обладали, но среди внуков и правнуком сила появлялась. Выходит, что если родители являются оба одаренными, то дети могут быть бездарными.

А отсюда вывод, что одаренность родителей на появление дара у детей, на прямую не влияет. Однако если в роду были одаренные, то шанс рождения ребенка с даром увеличивается, хотя, чтобы выводы делать, статистики маловато. Все равно интересно получается.

— Деда? — задумчиво протянул я.

— Ну чего тебе еще? Да и где Мирославу носит.

— Деда, а почему я про твоих родителей и твоих родичей ничего не знаю?

Старик весь напрягся и стал походить на громовую тучу, еще чуть, и молнии начнет взглядом метать.

— А нечего про это знать, не твоего умишка это дело, былъем там все поросло.

— Деда, ты чего? Интересно знать о своих прародителях, да и, может, это важно, не зря же нас Триглав выбрал.

Дед смотрел на меня злым взглядом и играл желваками. А до меня начало доходить, что не стоило лезть в это дело.

Вдруг Рознег весь как будто сдулся и перестал напоминать грозного старца, стал самым обычным стариком, уставшим от жизни. В глазах у него плескалась застарелая боль.

— Был у Велетов великий князь Мелигаст, — начал старик.

— Это у каких Велетов[4]? — я не мог сообразить.

— Будешь перебивать, не стану сказывать, у тех, которые еще вильцами прозываются, а немцы и другие соседи лютичами кличут. Так вот, было у того Мелигаста два сына, а еще и брат был Челадраг.

— Изменить хотел тот князь много и укрепить свою власть, дабы легче было противостоять врагам, саксонцам, немцам, ободритам[5] да и другим. Вот только не приняли новшеств тех, не по покону, да и погубили того князя. А за место него князем стал его брат Челадраг, старший сын Мелигаста от болезни помер, — дед грустно хмыкнул.

— А вот младший княжич пропал. Его вывез дружинник, друг князя, в те места от куда сам родом. И звали того княжича Рознег.

Дед отвел взгляд и смотрел вдаль.

— Так погоди, деда, тебя так же звать, тогда получается, это ты младший княжич и сын великого князя.

Дед грустно хмыкнул.

— Был когда-то, много лет назад, а сейчас я Рознег волхв Триглава, — сказал, словно припечатал, мой старший родич.

Ну ни черта себе Санта-Барбара в глубине веков, это же получается, что рода мы не худородного, а самого княжеского. Вот тебе и поговорили с дедушкой, одна новость хлеще другой.

— Деда, а об этом знает кто еще? — здесь не до шуток. Власть — дело такое.

— Может, и помнит кто, мне почем знать, — и старик пожал плечами.

Каждый из нас думал о своем, а Мирослава тем временем расставляла еду на столе.

Да, есть что поснедать: вареное мясо, каша из крапивы и сбитень еще горячий.

Насыщались в тишине.

После того как поели, дед неожиданно проговорил:

— Вышата.

— Что?

— Того дружинника звали Вышата, он растил меня словно сына, и был мне вместо отца. Никому об этом, — и дед погрозил мне кулаком.

— Хорошо, — я кивнул.

— Сейчас, погодь. — И дед уплелся в дом, чтобы спустя пару минут вернуться, держа в руках боевой пояс. Длинный кожаный ремень на заклепках, с петлями для ножен и большой металлической бляхой, закрывающей низ живота.

— На-ка примерь.

Он сел как в литой, и, прикрепив к нему кинжал, я выпрямился.

А дед фыркнул и оглядел меня.

— А теперь все, беги, а то тятка тебя заждался, — и засмеялся.

Правда, я не понял, что здесь смешного.

* * *

Вот моя деревня, вот мой дом родной. В голове крутился детский стишок, я же заходил в ворота родного дома.

Отец под навесом чего-то ковырялся. А больше во дворе и не видно никого.

Мать с со Смиляной, наверно, в доме, да и сестренка рядом крутится. А холопы на работах. Двенадцать холопов есть у нас, живут они отдельно, на обособленном, так сказать, участке, и свои небольшие дома имеют.

Отец, меня заметив, махнул рукой. Подойдя поближе, я заметил, что он осматривал конскую упряжь.

— Вот и дома, сынок, как с прадедом все обсудили?

Поклонившись отцу.

— Здравь будь, тятенька, да, все обсудили.

— Это хорошо, и погулял ты вчера славно и испытание прошел, но в том я не сомневался, — отец с прищуром посмотрел.

Я аж весь возгордился, но что-то папка уж слишком мягко стелет.

— Молодец, спору нет, вот только я наслышан о твоей дерзости наставнику и не только ему.

Донесли ироды, в мозг я вас всех любил и не раз, что б вам черти продыху не давали. Отрицать? Хуже будет, уж Яромир знает.

— Не со злого умысла, — я опустил голову.

— Да, а с какого? — отец с интересом на меня взглянул.

— Не хотел Иловая лечить.

— Так и не лечил бы, дерзить не стоило. Наставник поставлен учить, а ты норов показывать, да и не только ему. Ум короток и дерзости много слишком. Сказывали мне, как обстояло с Иловаем и на берегу, после испытания. Взрослым себя почувствовал, а вел себя неразумно. А ну снимай рубаху, да портки и к столбу становись. Выбивать будем дерзость твою, а то позоришь меня, — голос его был суров и грозен, никакой жалости.

М-да, правы были парни, ох выпорют.

— А может, не надо, тятенька?

— А как ты хотел, сынок, давай-давай. Дерзить, значит, можешь, а как по заслугам получить, значиться, не надо.

Я же шёл к столбу, у которого обычно отец коня на привязи держал. А за мной шел папа, любимый и единственный, поигрывая вожжами. Из дома высыпали родные женщины и с жалостью на меня поглядывали, да и холопы появились во дворе.

А как же, хозяйского сына пороть будут, у некоторых из них была жалость в глазах, у других предвкушение и радость.

Но они быстро прятали взгляд, ведь матушка на них внимательно взглянула и, думаю, запомнила их выражения лиц, так что им тоже перепадёт от нее. Да и я пупсиков запомнил, кому по нраву пришлось мое наказание.

По пути подобрал кусок ветки, потолще. А то отец несильно будет сдерживаться, рука у него тяжелая.

Ветку в зубы, рубаху в сторону, оголяя спину. Пояс, подаренный дедом, туда же, и вот портки летят вниз, оголяя мою задницу и ноги. Вцепившись в столб, я стоял прямо, а в голове была мысль, только не по яйцам, только не по колокольчикам, а то прилетит еще случайно.

Свист и удар по спине, РАЗ. А-а-а-а, сука, хрен собачий.

Боль разливается по всему телу. Ноги чуть не подкосились, только на руках и удержался. Чувствую, как по спине льётся кровь, шкуру снял с первого удара.

Свист, удар. Два. Держись, Яромир, князем будешь.

Папка бьет от души, но не со всей дури, а то, чую, иначе после первого удара рухнул бы.

Свист, удар, три. Под моими пальцами начинает проминаться древесина. А зубы вот-вот перекусят ветку.

Четыре, и еще одна полоса от удара у меня на спине. Боль, спина горит. Мысли идут с трудом. Только бы не упасть. Стоять.

Пять, удар боль.

СТОЯТЬ.

Шесть, и удар приходит на задницу, как издевательство.

— Будя с тебя.

Отец разворачивается и идет обратно. Не обращая на меня внимания.

А я все так же стою, вцепившись в столб. Руки свело, а ноги не держат.

[1] Щецин один из главных городов поморян, где располагался большой храм Триглава.

[2] Ретра, — храмный город в землях лютичей, духовный центр один из наиболее почитаемых, после его уничтожения на первое место вышла Аркона.

[3] Лучшие.

[4] Велеты или вильцы самоназвание одного из славянских племен более известных как лютичи.

[5] Ободриты — славянское племя.

Лежа возле костра, лениво ковыряюсь прутиком в углях, в пол уха слушая треп Гостивита.

После отцовского воспитания подняться смог только на второй день, все-таки сила жизни — это нечто. А вот Гостивит и Дален, после того как их отцы по потчивали, дней пять, в лежку лежали, и далеко не факт, что мне меньше досталось.

А потом все завертелось, рабочие будни. Подготовка к зиме, проверка амбаров и кормов, ухаживание за скотиной и рыбалка, в общем, дел хватало. И это несмотря работу по хозяйству холопов.

От рассвета до заката мы работаем, ребята.

В редкие часы отдыха отец меня тренировал в бое с копьем и топором, в том числе и разным уловкам, которые он освоил за свою жизнь. До этого он меня тоже обучал, но сейчас серьезней, что ли, бил не жалел. Иной через шлем так прилетало, что потом в ушах звон стоял весь день.

К Маруше еще сподобился сходить и отблагодарить за помощь, мама со Смиляной даже отрезков ткани выдали, а отец пару мешков ржи не пожалел, да и по мелочи разного скарба. Хорошо, что тятя лошадку скрепя сердце выдал, а то я бы на себе все не утащил. Приятно было ее встретить и отблагодарить.

А вот сейчас ночной выпас коней, днем-то они работают. Еще и ребята присоединились, так что у нас большая компания, даже Лана отец отпустил. Да и соседские ребята так же на выпас пришли.

Так что, помимо моих друзей, было еще шестеро парней: Кнес, Хельг, Томил и три холопа, один моей семьи Крист, по младше меня. И два холопа, принадлежащих семье Томила.

А собраться просто так и посидеть нам некогда, вот зима придет, там со временем для забав будет получше, хотя уже и невместно посиделки устраивать, мы же теперь мужи, а не дитяти, которым лишь бы поиграться. Хотя почесать языками немного все же собирались.

О, кажется, что-то интересное пошло, а не рассказы Гостивита о духах, чес слово, задолбал уже с ними, фанатик наш доморощенный, может, стоит его Рознегу в помощники сосватать, пусть мучается, я сладко зевнул и вслушался.

— А вы слышали, что Добрыне пришлось дом свой спалить самому, домовой спасу не давал, — раздался голос Кнеса. Сосед и знакомый по селу. Постарше нас на год, и он в прошлой године испытание проходил, весьма здоровый парень с меня ростом, но в плечах шире, добрый малый.

— Это которого? — лениво поинтересовался Томил, такой же старшак. У его семьи большие поля для засева и холопов больше, чем у нас, но лично старому Яромиру он не особо нравился, да и мне по нутру не пришелся. Пакостный и злопамятный стервец.

— Который в Логовом жил, — хмыкнул Кнес.

— Знаем, знаем, — степенно покивал Хельг. — Отец у которого то ли свей, то ли дан. Хрен разберешь, в общем, северянин. Рыбалкой в основном промышляла его семья, да к моему отцу они присоединялись, когда тот шел в набег.

— Так, вот домовой у них завелся еще в прошлой године. Поначалу вроде несильно бедокурил, то обувку по двору раскидает, то еще чего мелкого. А тут совсем продыху

перестал давать. На Марысю, жену Добрыни, чан опрокинул, когда она похлебку готовила, та чудом не обварилась. А в самого Добрыню топором запустил, обухом по голове прилетело. Это они еще как-то стерпели, да и дары ему принесли, чтобы тот успокоился.

У Добрыни сынишка был, Мыкитка, четырех годков. Так домовой его в ведре утопил. На глазах Добрыни и Марыси. Они сына своего из ведра вдвоем вытащить не могли, домовой держал. Пока тот не утоп.

— Ха, наверняка жинка Добрыни и не уследила, да на домового несет, — выдал Томил.

— Если бы, — не согласился Кнес. Марыся, как увидела это, так такой крик подняла, что все соседи сбежались, так что видаков много было.

— И чаго дальше-то было, зачем дом-то спалил? — Гостивит решил поторопить Кнеса.

— Ну Добрыня со знающими людьми поговорил, даже к волхву Рознегу ездил, к родичу Яромира. И тот сказывал, что дом, да и все остальное, сжечь надобно. Вещей из того дома брать не след. А пепелище следует с солью перепахать. Тогда домовому конец и наступит. А Добрыня и так добрым нравом не отличался, а тут еще и первенца погубили, ну он так и сделал. Извел, значит, домового.

— И куда они теперь, на зиму-то, кому они нужны такие? — ну от Томила, я иного и не ожидал.

— Вроде как к Родичам в Староград отправился, ему помогли в дорогу собраться. Возможно, по весне и вернутся, — Кнес пожал плечами.

Мда, вот такая история с домовым, ежели правда это, то не очень он и похож на доброго домашнего духа. Скорее наоборот, злыдень еще тот, с такими же шутками.

— Жестоко, — протянул я. — Вот так сына потерять.

— Так поначалу-то хорошо даже было, он помогал. А у Марыси молоко перестало скисать, да и так по мелочи. А вот как вышло, — добавил Кнес.

— А вы знаете, что после праздника и вашего испытания случилось? — начал Томил. — Мы как раз с отцом спустя два дня приезжали.

— Неа, неа, а что было? — заголосили ребята с интересом.

— Пришлому стало плохо, так его к Снежане и отволокли, не к Рознегу же, не стал бы он помогать. Так она его подлечила, а как ему полегчало, он на нее напал.

— И что, убил, что ли? — раздался голос Хельга.

— Неа, ударил сильно.

— А зачем напал-то? Она же ему помогала? — недоуменно спросил Гостивит.

— Мне откель знать, напал и напал. Может, пограбить хотел, а может, и снасильничать.

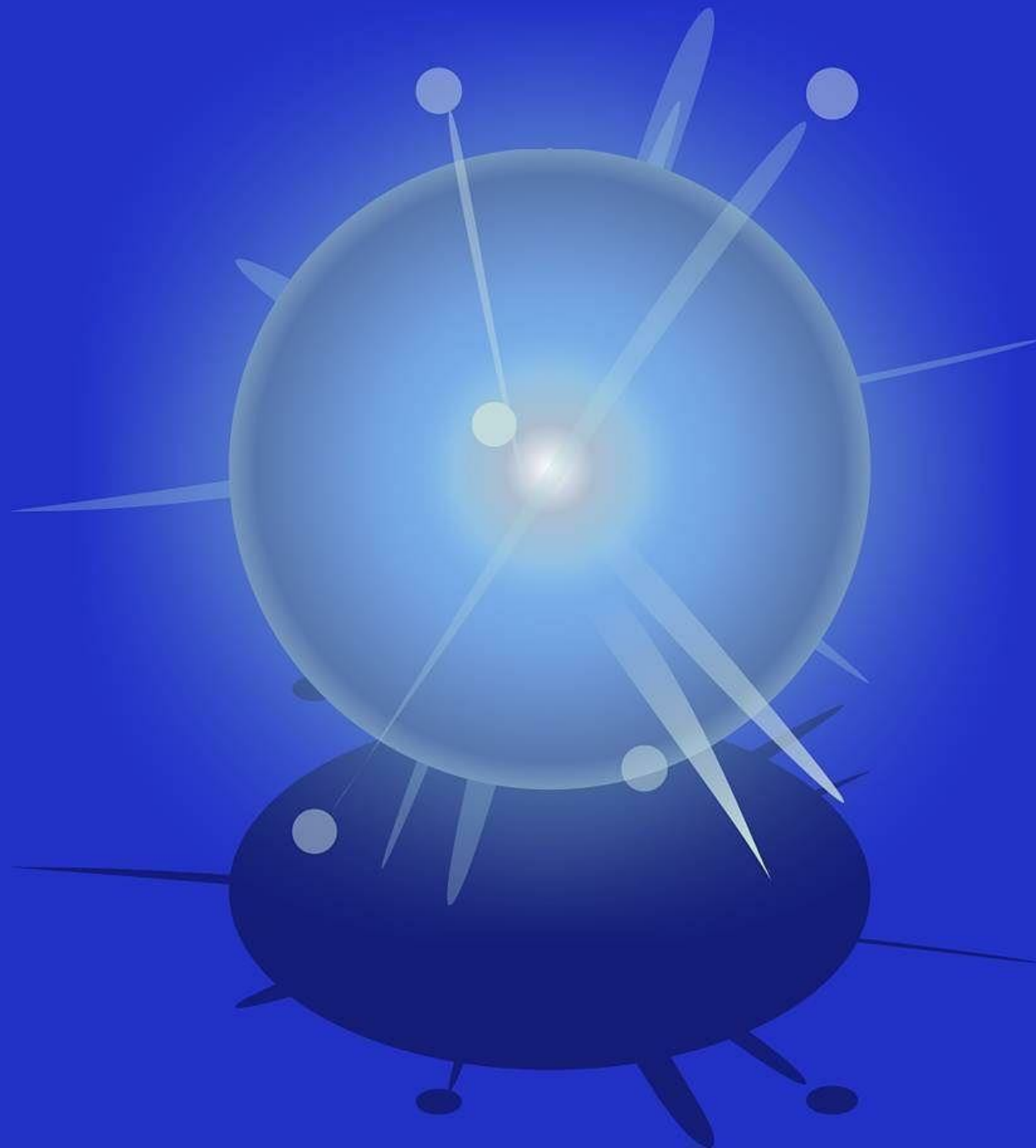
И нет, не убили Снежану, пришлого ее светлячки на смерть за жалили.

— Фу, она же старуха, — протянул Дален.

— Ну, неудивительно, с такими-то защитниками, — протянул Хельг.

— Эт да, — согласился с ним Кнес.

Светлячки у Снежаны — это местный феномен и совсем даже не насекомые, а я даже и не знаю, как это назвать. Но местные прозвали светлячки, не сильно заморачиваясь, светит и светит. Так чти светлячки, два полупрозрачных шарика размером с кулак взрослого мужчины, которые переливаются синим светом и постоянно таскаются за Снежаной, а точнее, летают рядом с ней. И ежели чем человек им не приглянется, они могут его начать тихонько жалить, пока Снежана не утихомирит. Видимо, и убить своими прикосновениями могут, как выяснилось. И жают они всем своим телом, словно эдакие летающие медузы.

— И что, что старуха, не баба, что ли, может тоже ласки хочет, — и Томил заржал над своей шуткой.

— Скажешь тоже, баба, — протянул Дален.

— Ну вот смотри, недавно возле Щецина теленок двухголовый родился, я сам видел, по весне, когда с Отцом остатки зерна сбывали, а грядт еще, что он молвит человеческим голосом, но то я сам не слышал, врать не буду. А откуда теленок человеческий голос знает, может, от семени людского и народился, тут на корову-то залезли, а ты старая, старая, — и вновь засмеялся.

— То, что теленок, али еще кто, может двухголовым родиться, али с пятой ногой, про-то

я слышал, такое бывает, но семя здесь человеческое ни при чем, да и сомнение есть, что от такого союза, — я аж хмыкнул, — вообще народиться кто может.

— Ну, не скажи, мне тятя рассказывал, что когда был молод, в Киеве был, и там медведь девицу скрал и жил с ней как с женой, и от него она понесла, медвежата у нее народились, — начал Хельг. — Кто — то из охотников прознал, да охоту на того медведя устроили, проверили сначала, что не Велес это и не его семени.

— А Велес — это Кто? — любопытствовал Гостивит.

— Велес — это лесной бог в том месте, который может медведем становиться.

— Так вот извели того медведя, да и медвежат хотели, так баба. Ну та, которая с ним в берлоге жила, на защиту медвежат встала, своих деток, значит. На охотников кидалась и рычала. Даже княгине Ольге пришлось вмешаться, не разрешила она тех медвежат извести. А они, как подросли, в людей обернулись, а мамка их в охапку и бежать подальше. Вот так. А ты говоришь, не может. — И Хельг поднял палец вверх.

— Ха. Ты же сам сказал, что, когда медвежата выросли, они в людей обернулись. А значит что? Не был тот медведь простым. Может, дух какой в него вселился, а может, и оборотнем был, раз дети его смогли обернуться, — все же не согласился я с ним.

— Да будь оборотнем, он бы охотников порвал на раз, а то бы и обернулся в человека, — высказал свое мнение Кнес. Что же он этого не сделал.

— Ты у меня, что ли, спрашиваешь? Меня там не было, да и в первый раз я об этом слышал. А ежели он обернулся бы в человека, что, думаешь, их бы пощадили, или онохотников срамом своим распугал бы.

Парни улыбнулись моей шутке.

Сейчас я вам, ребята, пару сказок дядюшки Коцея расскажу, а то начали тут, понимаешь ли. Даже хмыкнул в предвкушении.

— Вон у греков тоже всякое было, минотавр, например, — начал я рассказ.

— Греки — это которые ромеи из-под Царьграда? — Кнес проявил осведомленность.

— Ага, почти, так вот был у них, получеловек-полубык, и звался он минотавр.

— Эт как? — с интересом спросил Крист.

— Молчи, холоп, — сразу влез Томил.

— Томил, ты своими холопами командуй, а к моему не лезь, понял? — я недобро на него взглянул.

— Да ладно, Яромир, что начинаешь-то, холоп должен знать свое место.

— Без тебя разберусь, где его место.

Томил промолчал.

— Так вот, получеловек-полубык он был, голова у него бычья, а вот все, что ниже шеи, человечье.

— Вот видишь, а ты же сам говорил, что не бывает от семени человеческого, а сейчас рассказываешь, — Хельг внес свою лепту.

— Не бывает, так вот, этот минотавр родился человеком, а стал таким, после того как его бог проклял, его отец был царем, и богу не понравилось, какие дары он преподнес в храм на рождение сына. А тогда были времена, когда боги ходили среди людей свободно.

— Так и сейчас ходят, только редко. Родичи рассказывали, когда к отцу приезжали, будто зрели, как Тор с ледяным великаном бился.

Не знаю, что они там зрели, однако видел я твоих родичей, они не просыхали от браги. — мелькнуло у меня в голове.

— Возможно, — я пожал плечами и не стал спорить.

— А еще у греков водились сатиры, получеловек-полукозел, до пояса человек, а ниже козьи ноги с копытами, и на голове были рога. И еще любили женское внимание, как тот медведь, и девок крали.

— Они, как черти, про которых ты рассказывал, да, Яромир? — Гостивит подал голос.

— Не совсем, черти по замужним только, а сатирам было плевать, кого и где, лишь бы возлечь. По характеру на домового похожи, про которого Кнес сказывал. Да и водились только у греков. Но хоть они и были полуживотные-полулюди, свой род от бога вели. И изначально их прародитель к роду людскому отношения не имел.

— О как, а я и не слыхивал, про чуду таку, — Кнес почесал голову.

— Так вот, слыхивал еще, будто жили у греков еще и кентавры?

— А это были что за полулюди? — со смешком спросил Дален.

— Ты прав, дружище, — я улыбнулся. Это были полулюди-полукони, голова и торс человека, а дальше полноценный конь. Они считались отменными лучниками. А один из них был учителем знаменитого героя, Геракла, который был сыном бога Зевса. И их племя тоже от бога пошло, а не от людей, так-то.

— Мда, вот интересно. А кентавры с кем спали, ежели с бабами, то одно, а ежели с кобылицами, то другое, да и как это было? — задумчиво произнес Хельг.

— А хрен его знает, как-то не интересовался, — со смешком ответил я. Да и не думал об этом.

— Баба с конем или конь с бабой, — заржал Томил. Парни поддержали его смехом.

— О, Яромир, ты сказал, что они луком хорошо владели, да и ты вроде им управляешься? — когда смех стих, начал Томил.

— Есть немного, — я согласился с парнем.

— Так вот, в Волине по весне лучники соревновались, слыхивали, небось.

— Это да, да, да, — заголосили парни.

— Так вот, было там несколько лучников, которые поразили всех. Один смог выпустить стрелу на шестьсот шагов. Другой с трехсот смог в тряпку попасть. Правда, говорят, у него и лук непростой был. Там еще топор закрепили, острый, что волос рассекал. Закрепили его, и лучники стреляли в само острие, так, что стрелы расщеплялись при попадании на две половинки. Это ж у-у-ух. — А потом грустно добавил: — Жаль, сам такое не видал. Только слышал. Им подарили по коню в полной сбруе, а кони были чистые звери, красавцы. Да еще и по кольчуге.

— Мастера, однозначно, я же просто неплохо стреляю, до хорошей стрельбы мне далеко, а до такой еще дальше.

Если честно, я был впечатлен таким уровнем стрельбы и мастерством, прямо настоящие снайперы.

— Да и дары знатные, — завистливо проговорил Хельг.

— А, да по лету Лютичи с Ободритами опять схлестнулись, — начал Кнес.

— А на этот раз что? — лениво поинтересовался Томил.

— Так это у них же христиане свою, как ее там, ццеркав поставили ну у Лютичей, да и десятину берут. А ободриты при них, значится, вот и начали безобразничать, свои порядки наводить. Так Лютичи и не стерпели, в копья их и взяли, заодно и христиан.

— Ну, этих вечно мир не берет, дай только другому пакость сделать, — проворчал Хельг.

— Что есть, то есть, а я вот все хочу узнать, откуда у Снежаны этикие светлячки взялись, а то и не слышал даже, — решил поинтересоваться у ребят.

— Она не из наших, вроде пришлая, — начал Хельг.

— Вот, что ты мелешь, коли не знаешь, — вмешался Дален.

— Из наших она, только пришла с другого села, это да, — продолжил Кнес.

— Поселок у них возле пруссов стоял, кажется, так я слышал от мамки. Ну так вот, прусы их и разорили, то ли не поделили чего, то ли в отместку, что наши набег устроили, сейчас и не упомнит никто. В общем, их похолопили, да вот только когда вели через лес, Снежана сбежать смогла. А дальше, когда она по лесу скиталась и заночевала на какой-то странной поляне, там дерево было не похожее на те, что у нас растут, у него была серебристая кора, а листья словно на дубе. Вот там она и повстречала этих светлячков, а после уже и у нас осела, — закончил Кнес.

— О, вы же все знаете, что поляки в прошлом году пару поселков и городков разграбили, и сожгли дотла, — начал Томил.

— Знамо, слышали, — подтвердил Гостивит.

— Так наш князь в этом годе по весне в отместку поход устроил. Тоже не одно селение на щит взяли, аж до самого Гнезда дошли и знатно его предместья опустошили. Вот так.

— О как, я слышал, что вроде как обсуждали это в прошлом году, но то, что пошли в поход, и не знал, — задумчиво протянул Хельг.

— Ага, полону набрали много, да и другого скарба. Эх, надеюсь, отец дозволит, тоже в походы ходить буду. А вы пойдете, али здесь пеньками сидеть будете? — мечтательно проговорил Кнес.

— Ты кого пеньком назвал, а? — взъярился Хельг. Мои предки в походы ходили, пока твои по лесам прятались.

— Че это по лесам прятались, мои предки не хуже твоих будут.

— Да охолоните, разорались, — припечатал я.

— А что он ругается? — не промолчал Хельг.

Кнес же, насупившись, промолчал.

— Это да, это не дело, хочет он в походы ходить, пусть идет, то ниче, — задумчиво проговорил Томил, — я бы тоже сходил, ух показал бы себя.

Я же лишь хмыкнул

— Спать давайте, хоть пару часов покемарить, а то уже солнышко скоро встанет.

* * *

Проснувшись с утра, споро на коней накинули арканы и двинули веселой компанией в сторону родного дома. Хорошо быть молодым и здоровым.

Коней по-быстрому привязав к столбу с Кристом. Возле дома, встретив отца, который кивнул нам на приготовленную снедь и сообщил, что необходимо в дальнем амбаре проверить пшено.

Перекусили с Кристом крынкой молока да краюхой хлеба с кусками вареной репы. Двинули в сторону дальнего амбара.

Ближе к полудню, когда закончили проверять пшено в половине сусеков, я услышал, как меня зовет сестра:

— Яромир, Яромир.

— Чего тебе, мелкая? — я выглянул из амбара на ее голос.

— Я не мелкая, — еще и ножкой притопнула, какая прелесть.

— Да, да, Варна, совсем уже взрослая, скоро и замуж заберут, чего раскричалась-то?

— Тебя там тятя кличет, сказал, что срочно.

— Ну срочно, значит, срочно, пошли. — И, подхватив сестру под локоть, поспешил на подворье.

Отец с задумчивым видом расхаживал.

Увидев меня, он встал и сложил руки на груди, в нетерпении притоптывая ногой.

— Яромир, собирайся.

— Далеко ли?

Отец хмыкнул.

— Сначала к Рознегу, а потом и в Щецин с ним пойдете.

Я вздрогнул.

— Зачем это? — прекрасно всё осознавая.

— А я откель знаю, я у него не спрашивал. Только сам узнал, Ратибор заходил, вот и передал, у него как раз стража закончилась, вот дед с ним весточку и передал. Раз Рознег сказал, что идешь, значит, так надо, и неча спорить. Чтобы вел себя достойно, — и отец показал мне кулак.

Мне казалось мы поняли друг друга с Рознегом.

Дед, ну какого черта?

Стоя у борта ладьи, на самом носу, я смотрел на проплывающий мимо град Волин. Рукой же крутил оберег *грозовик*, висящий на шее. Да, хороший подарок отец сделал. Свой детский оберег, конечно, пришлось снять. Перед тем как отдать, он мне сказал, что хотел подарить сразу после испытания, как вернусь домой. Я еле сдержался, чтобы не засмеяться, но улыбка все равно вылезла, и вместо подарка он меня выпорол. Но все равно приятно, забота, она такая.

Сам оберег висел на перекрученных кожаных шнурках и был выполнен из серебра, эдакий медальон. Считается, что символ грозовик может защищать от природных катаклизмов и стихий. Также с помощью данного символа получают поддержку и защиту бога, сказывают, что ведающие люди с его помощью могут управлять погодой. И тем, кто обладает даром повелевать ветром, он подходит больше всего.

 silver-win.livemaster.ru

За поясом же, помимо кинжала, которым одарил меня бог Триглав, в петле висел боевой топор, так же подарок отца. Так что одарил меня батюшка на славу, а в моем мешке, в котором я припрятал кошель, есть несколько монет. Тоже батя выдал, чтобы себе в граде прикупил чего, а также гостинца матери, сестре и Смиляне, дабы порадовать женщин.

Оглянувшись на свернутый парус, я задумался, интересно, а дядька Колояр позволит мне разогнать ладью своим даром? Отец так делал, сам видел. Может, спросить, хотя я бы не разрешил, мало ли, вдруг мачту сломаю порывом или парус порву. Так что нет, спрашивать не буду.

Кинув взгляд на ладью, а все-таки она хороша. Чуть меньше средней, двадцать шагов в длину и пять в ширину, если забить ее, то человек шестьдесят войдет, но дядька предпочитает экипаж около тридцати, и место для товара есть, и развернуться можно. Как раз то, что надо для торговых дел, в Византию али в другие края можно спокойно. И по реке пройти, и по морю. Да и экипаж позволит отбиться, ежели что, а у дядьки две такие ладьи, так что дело спорится.

Окинув море взглядом, я увидел, как вторая ладья потихоньку отстает и заворачивает к Волину.

Еще бы она с нами пошла, в Волине пошлина ниже, чем в Щецине, так что я уверен, что весь дорогой товар там. В Волине берут всего десятину, Щецине вся треть выходит, пошлина и жертва в храм, что достаточно накладно. К тому же торговать будут в Волине через Зорена,

еще одного моего дядьку, что ходит помощником у одного из купцов. К тому же Зорен и Колояр родные братья, и обмана там точно не будет. И сейчас на ладье, которая движется в Волин, заправляют сыны Колояра: старший Горисвет и младший Володар, — которые приходится мне двоюродными братьями. Ох и наслушался на стоянках я от них хвастовства об их походе в Царьград и о чудесах сего града, да и о стране. Прямо не простые люди мои родичи, а древние герои, которых сама Мать Сыра Земля еле держит. В общем, было забавно слушать.

— Впервые Волин видишь, а Яромир? — ко мне подошел мой дядька Колояр.

— Ага, — я просто кивнул, рассматривая город, расположенный на острове в устье реки Одры[1].

Его высокие деревянные стены и башни так и тянулись вверх.

— А вон там подальше, за Волином, стоит крепость Йомсбург, отсюда, наверно, и не видно, там располагаются Йомсбургские витязи[2], эту крепость заложил датский конунг Харальд синезубый.

— Ох, сильнющие там витязи, я тебе скажу, никого не боятся и никогда не отступают, до конца бьются, и неважно, каков конец, победа или смерть.

— Дядь, расскажи, а? — что-то такое я слышал о Йомсбурге в бытность еще Кашеем.

— Хм, — дядька задумался и начал теребить свою бороду. — Коли хочешь, расскажу.

И облокотившись о борт начал рассказ:

— История сей крепости начинается, после того как конунг данов Харальд Синезубый взял Волин на меч и повелел ежегодно платить дань. А для надзора и воздвиг крепость Йомсбург. Но лишь при ярле Палнатоке она стала знаменита своими витязями, поговаривают, что он лично убил датского конунга Харальда Синезубого. Так вот сейчас воспитанник Палнатоке, сын Харальда является конунгом датским, Свейн Вилобородый. Поговаривают, что это была месть Палнатоки Харальду за убийство своего деда Ярла Оттара, когда Харальд вторгся в Готланд[3], но я в это не особо верю, ведь Свейн родился в поместье Полнатоки, после того как Харальд приезжал к нему в гости.

— Свейн и сослал сюда Полнатоки. Который установил в крепости весьма суровые правила. Или, как их еще называют, йомские законы.

Немного переведя дыхание, дядя продолжил:

— Ни один человек не может стать членом дружины, если он старше пятидесяти и моложе восемнадцати лет, члены этой дружины должны быть в возрасте между этими годами. Когда кто-то захочет к ним присоединиться, кровное родство в расчет не принимается. Ни один человек не имеет права убежать от какого бы то ни было противника, даже если тот столь же доблестен и хорошо вооружен, как и он. Каждый дружинник обязан мстить за другого, как за своего брата. Никто не может сказать слова страха или испугаться, как бы плохо ни сложилась ситуация. Любую ценность, без различия, маленькую или большую, которую они добудут в походе, обязательно отнести к знамени, и кто этого не сделает, должен быть изгнан. И никто не имеет права устраивать свары. Если придут какие-либо вести, никто не должен торопиться повторять их всем и каждому, лишь Палнатоки объявляет вести.

Ни один из них не должен держать женщину в их городе, и никто не должен отлучаться из города дольше, чем на три дня. И если в их ряды вступал человек, убивший отца или брата, или другого родственника того, кто был членом их дружины, или его самого, когда это становилось известно после его принятия в ряды здешней дружины, Пальнатоки имел

право последнего решающего слова, как и при любом другом разногласии, возникающем среди них.

— Суровые, но не такие и глупые, если подумать, — я согласился с дядей.

— Это да, Пальнатоки умер, и сейчас ярлом там Сигвальди. Сейчас там забавная история происходит, — дядя хмыкнул. И продолжил.

— Так вот над Волином сейчас поставлен Богуслав, сын нашего князя Ратибора. И к нему как-то приезжали его сестры, Астрид и Гуннхильда, и когда Сигвальди увидел Астрид, потерял голову от любви. Поговаривают, что он спать не мог и чуть ли не смерти искал, бросаясь в самую сечу. В итоге он к ней посватался, а она не отказала, лишь сказал, что согласится, после того как с Волина будет снята уплата дани конунгу Дании, она выйдет за Сигвальди замуж. И дядюшка расхохотался во все горло.

— Так вот, Сигвальди уже третью годину пытается измыслить, как это сделать, ведь Свейн никогда на это не пойдет, ему с Волина перепадают хорошие деньги.

Мне же вся эта история казалось чем-то знакомым и родным, нет, не про попытку женитьбы.

Чешуя, как жар горя, тридцать три богатыря, с ними дядька Черномор, мимо острова Буяна, царства славного Салтана, а что, похоже, классика как-никак, не отсюда ли наш поэт черпал вдохновение. А что, остров Буян заменить на Руян, где, как сказывают, и есть Алатырь-камень, и все. Естественно, мне это знакомым показалось. Вырос на сказках, как-никак.

А вот эти скандинавские взаимоотношения кто кого любил, кто кого убил, кто кому брат, а кто кому кровник, заставляют мозг кипеть в прямом смысле, и это, к сожалению, важно, так что придётся в этом разбираться когда-нибудь. Думаю, что у нас все то же самое, о многом я еще не знаю, хотя что говорить, стоит вспомнить историю своего рода, хватает скелетов в шкафу. Да еще и имена дочерей князя явно не местные, не славянские. А в прочем мать и жена князя Ратибора, могла быть из свеев или данов, вот и назвала так дочек.

— Ладно вроде отдохнули, — и дядька хлопнул ладонями. — Смена, — он проорал во все горло.

Я с частью отдохнувшей командой полез за весла. Четыре весла с каждой стороны, и на каждом по два человека, идем против течения, так что приходится прикладывать силы, но ничего, я привычен и раз, и два, и три.

* * *

Потягивая горячий взвар, я лежал на шкуре, руки все же побаливали, несмотря на мой дар к силе жизни.

Обычно на ночной стоянке я время проводил со своими братьями, слушая их байки о путешествии, но в этот раз я остался без привычной компании и сижу возле костра с дядей и прадедушкой.

— Вроде все тебе поведал, — дядя развел руками. А, точно, совсем забыл. Возвращаясь обратно, у Куапа остановились, представляешь, старостой стал в своем селе, как это у него получилось, даже и не скажу, не поймешь этих пруссов.

— Так сговориться с ним удалось, что по концу зимы, к нему людишек отправлю, да и выкуплю солнечный камень[4], и цену удалось сбить. Раньше-то у него свей один выкупал,

что на торг в Новгород ходил, но тут не задалось, не пришел, да и вестей, по словам Куапа, никаких, вот и предложил мне выкупить. Часть уже добытого показал, хороший камень, крупный.

— Это хорошо, — и прадед погладил свою бороду.

— Конечно, как люди от него вернутся, отправлюсь в Волин, сам же знаешь, там мастеров для этого дела хватает, а после и в Царьград отправлюсь, думаю, хороший прибыток выйти должен. А остальном я уже и поведал тебе.

— Ну да, ну да, — покивал дед.

Меня же начало рубить в сон, и последние слова я еле слышал, закутавшись в шкуру.

* * *

Ближе к полудню мы прибыли в Щеттин, причал был забит ладьями и дракарами, в том числе и торговыми, большими, пузатыми, нагруженными товаром. Кто-то грузился, кто-то разгружался, но народу было, как по мне, многовато, такого скопления здесь я еще не видел, каждый был при деле.

— О, видимо, торг закончился недавно, — задумчиво протянул дядя.

— А часто проводят эти торги? — с любопытством протянул я.

— Раз в две седмицы, много ржи и пшена здесь продают. Соленую сельдь также вниз по

Одору сплавляют, хватает торговли. А купцов здесь всяких бывает свеи и даны, да и, франки всякие, да и немцы и саксонцы, греки опять же.

В городе есть свой торг мелкий, для горожан, но большие здесь проходят.

Отовсюду был гомон и на разные языки, мне показалось, что я даже услышал английскую речь или что-то на нее похоже.

До самого града от причала было метров семьсот, сам город был окружен высокой деревянной стеной метров шести, на мой взгляд, ворота были нараспашку, и рядом с ними чуть вперед выпирали квадратные воротные башни, над самими же воротами находился небольшой балкон с навесом, в котором виднелось несколько стражей, да и возле самих ворот на лавках расположились стражи града в кольчугах со щитами и оружием, кто с копьем, кто с мечом или топором, с десятков этих воинов я насчитал.

Чуть дальше в разных концах укреплений виднелись строения, то ли дома местных, которые живут за стенами, то ли склады с товарами.

— Рознег, я в корчме у Путяты встану, ты знаешь дорогу.

— Добре, держи свою образину, — и прадед протянул мне связанного гоблина вместе с моим мешком.

Да, родич решил показать его волхвам в главном храме, новая опасность на землях, это и была формальная причина поездки. Настоящая была, как я понял, надежда, что Триглав снизойдет к нам в главном храме и другие жрецы узреют его. А после можно будет и речь вести. Но насчет этого были у меня сомнения. И надежда, если бог Триглав не снизойдет, то и разговора никакого не состоится, по крайней мере Рознег дал понять, что с разговорами о явлении бога первым не полезет.

Пока я размышлял, дед усвистал подальше от основного причала, в сторону, где стояли небольшие лодки.

И спустя пару минут я услышал, как он меня зовет.

— Ну что ты копаешься, шевелись быстрее.

Возле причала уже ждал небольшой челн[5], загрузившись в него, мы двинулись вниз по течению и спустя минут двадцать высадились у нового причала. Дед рассчитался небольшой монеткой, и мы выгрузились.

Впереди виднелись три холма, окруженных дубовым лесом, на вершинах располагались храмы богов.

— Ну вот, Яромир, мы и прибыли, вон там, — дед указал на самый большой холм, — находится большой храм Триглава, а вон там, — он по очереди указал на другие холмы, — храмы Яровита и Поревита. В этих дубовых рощах бродит священный черный конь Триглава, но об этом ты и сам слышал.

Мне в глаза бросились войны, что прогуливались поблизости, некоторых людей, направляющихся в храмы, они останавливали и о чем-то беседовали. «Вероятно, храмовые витязи, что охраняют покой богов», — мелькнула у меня мысль. Они с подозрением смотрели на нас, а больше на гоблина, которого я тащил.

У двоих из них пояса были украшены серебряными знаками Триглава, как у моих отца и дяди, раньше я не придавал этому значения. Сначала казалось, что у всех так, но вот сейчас я вспомнил, что нет.

— Деда, а почему у тех двоих пояса серебром украшены, как у отца и дяди?

— Дар богов у них есть, вот и украшают, — дед обернулся и посмотрел на витязей. — Любой, кто обладает даром от бога, как отец твой и дядя, и состоит в храмовой дружине,

должен украшать свои пояса серебряными символами Триглава.

— То есть остальные не обязаны это делать, и какие у них дары?

— Нет, другие не обязаны, только храмовые витязи. Эти вои мне не знакомы, думаю, что это Избыслав и Горимысл. Один из них может ночью словно днем видеть, а другой любой говор понимать, даже и не зная его. Есть еще Вырвидуб, он один против десятка выйти может и одолеть, и Вук, который правду ото лжи отличает.

Ну ни хрена себе, неплохо. А я думал, есть только дары к магии, или это отдельные самородки, среди людей всегда разные таланты были.

Мы же шли к священной роще, что окружала холмы, дорожка была утоптана и уложена большими плоскими камнями.

Зайдя под сень деревьев, мы продолжили свой путь, наша дорога привела к роднику, который бил меж корней огромного дуба. Он был обложен деревянными брусочками, на которых были вырезаны различные обереги. Рядом с дубом стоял огромный камень высотой под два метра с выбитыми на нем символами.

— Это священный родник, Яромир, тот, кто из него выпьет, тому не смогут духи из подземного царства зло причинить, и в укреплении духа телесного его вода также помогает. Присядь рядом и обожди, я скоро.

И дед обошел дуб, я же выглянул и увидел, что тропинка за дубом разветвляется, одна введет вверх к храму Триглава, одна поворачивает налево к храму Яровита, а другая, соответственно, направо к храму Поревита.

— Ну вот тебе и кабздец пришел, маленький злобный зеленый гоблин, — я обратился к своему пленнику, сам же подошел к камню и подтащил за собой гоблина.

Разглядывая символы, выбитые на камне, подумал, что они чем-то напоминают руны, некоторые из них были мне знакомы, я их видел в храме Триглава у нас в городе. А так если абстрагироваться, то прям указательный камень. Агась, витязь на распутье.

Прям как в сказке.

Как прямо ехати — живу не бывати: Нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному.

Направу ехати — женатому быти,

Налеву — богатым быти.

Ну-с я взглянул на мощный дуб, который не обхвачу руками. Цепь повесить и кота закинуть, русалка сама появится.

А родник тогда что? Я даже на минуту задумался, проговаривая слова старшего родича.

Точно родник с живой водой.

Сам же родник бежал буквально метр и снова нырял под землю, словно ухал в подземное царство.

Немного помялся и все же решил не упускать возможность испить *живой водицы*.

Опустившись на четвереньки, я прильнул к воде, словно зверь, и начал пить, губы и рот обожгло не просто холодной водицей, а ледяной. Так что было даже больно, и больше семи глотков я и не смог сделать.

— Ух, — я вытер мокрое лицо рукавом.

Отойдя от дуба, я присел в корнях другого дерева, рядом же разместился мой военный трофей.

— Ну что ж, подождем.

Ожидание заняло весьма долгое время, я аж измаялся весь. И думы разные думал, как и переживать начал, не наговорил ли прадед Рознег лишнего.

И когда в голову пошли совсем нехорошие мысли, из-за дуба вышло два храмовых витязя в кольчугах и с мечами за поясами.

— Яромир? — ко мне обратился один и, посмотрев на гоблина, чему-то покивал.

— Да, — и я поднялся с земли, отряхиваясь.

— Пойдем, — и он кивнул на тропу.

Не дожидаясь меня, они развернулись и пошли.

Поднимаясь вслед за витязями по тропе, отметил, что вверх идти было удобно, но часто попадались корни деревьев, так что приходилось все же двигаться аккуратно и поглядывать под ноги. Стражи, остановившись возле очередной развилки, забрали у меня гоблина, сами же кивнули на тропу, уходящую на вершину холма.

Забравшись, я оглянулся, вид был чудесный, и город, и реку было видно прекрасно.

Сам же я находился возле храма. Он представлял собой деревянную изгородь трёхметровой высоты с арками, которые были завешены тканью синего цвета.

На самой же изгороди были изображения людей и богов, животных и растений, казалось, что они словно живые и в любую минуту могут сойти на землю. Немного полюбовавшись, я отодвинул ткань и шагнул вперед.

На небольшом помосте, стоящем на столбах, которые были задрапированы черной тканью, разместился идол Триглава. У его ног, почти закрывая помост, лежали груды сокровищ.

Чего там только не было и монеты серебряные, и золотые. И блюда разные, и кувшины, доспехи и оружие, и ткани — все это лежало вперемешку.

В этом храме идол был другим нежели в нашем. И не кривя перед собой, наш вариант мне нравился больше, нежели этот.

Сам же идол был о трех головах, на шее было три головы, которые смотрели в разные стороны.

Прям не бог, а змей Горыныч какой-то. На лицо чуть не вылезла усмешка, еле успел сдержать. А глаза у идола на все трех головах были задрапированы тканью, казалось, что золотой, она сверкала на солнце.

Это-то понятно зачем, ведь Триглав неусыпно следит за всеми тремя царствами: Правью, Явью и Навью. И его истинный взгляд способен сломать преграды между мирами. Но, по правде, в прошлый раз я этого не заметил, мелькнула крамольная мысль.

В храме людей хватало, возле идола на коленях стояла пара человек, другие, как и я, просто стояли вдали, смотря на идола бога Триглава.

Чуть дальше за мной находился прадед с каким-то волхвом, одеты они были оба в белые одежды, подпоясаны красными поясами. Прадед зло на меня взглянул и указал головой на идола.

Сделав пару шагов в сторону идола, я услышал зычный голос, который вещал:

*Главу перед Триглавом склоните!
Великую славу Ему воспевати,
И роду всему — вечно бьющий родник...
Он есть и Прави, и Яви и Нави страж!
Ведь храните он нас.
Песни поем мыво славу Ему.*

Склонив голову и простояв в поклоне, пока волхв не закончит, я наконец выпрямился. И ничего не произошло, Триглав не явился, я даже кинжал, подаренный им, погладил, мало ли. Прождав пару мгновений, волхвы развернулись и вышли из храма.

Я последовал за ними, обойдя храм, мы по тропинке начали спускаться вниз и вышли на площадку, которая была то ли вырезана, то ли выдолблена в теле холма, на ней располагалась крытая беседка.

Старец присел на лавку, а дед остался стоять рядом и подозвал жестом, а после и усадил напротив него за стол.

На столе расположились костяшки в виде пластинок.

— Яромир, уважаемый Зоран согласился тебе погадать, у него к этому талант большой, но он им пользуется редко, цени, — и Рознег погрозил мне кулаком.

Лично мне это гадание всегда казалось чистой воды мошенничеством. Так что и отношение к такому соответствующее. Одним словом, не верю.

— Дай ладони, — и Зоран протянул ко мне свои руки.

В ответ я положил руки, он их осмотрел, что-то выискивая, а после перевернул и положил на костяшки, начав шептать еле слышно, до меня доносились только отдельные слова и звуки. После начал перемешивать пластинки моими руками, а когда закончил, положил свою руку мне на голову и вновь зашептал.

— Теперь переверни одну.

Моя рука начала порхать на пластинками, можно выбрать, конечно, любую, но я решил подумать. И перевернул одну, чем-то мне переглянувшуюся.

На ней было изображена какая-то руна.

Рознег же резко схватился за грудь и тяжело задыхался.

— Смерть, — услышал я его слова.

[1] Река Одра, она же Одер.

[2] Имеется ввиду Йомсвикинги и соответственно сага о них.

[3] Готланд — остров в балтийском море.

[4] Янтарь

[5] Челн небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева

Глава 12

— Смерть, — протянул прадед.

Волхв лишь невозмутимо пожал плечами. Меня же захватил азарт, ну интересно же, даже если я и Фома неверующий.

— Тяни следующую, — прокаркал старец.

Как по мне, он был помладше деда, но вот выглядел уже старой развалиной, весь сгорбленный, этакий сухой старичок с седыми волосами и бородой.

Я же перевернул новую руну.

— Путь, дорога, — озвучил прадед.

И волхв отложил ее к первой.

Переворачиваю третью, эта руна мне знакома, жизнь. Она была изображена на маленьком идоле, богини Живы. Богини жизни и плодородия, мама его хранила и ежедневно проводила ритуалы, возносила богине хвалу.

— Жизнь, — продолжал озвучивать руны прадед.

Тяну следящую.

— Испытание, проверка.

Моя рука тянется к одной, но меняю решение и переворачиваю другую.

— Дух.

— Следующая. Шестая, руна.

— Борьба, война, — шепчет родич.

— Последняя, — произносит старый волхв, и я переворачиваю.

— Судьба, рок.

Волхв выкладывают дорожку рун.

— Вот, что вышло: *смерть, путь, жизнь, испытание, дух, война, судьба*

. — Интересно, и руна смерти, и руна жизнь, — внимательно на меня посмотрел старый волхв. — Они идут с тобой по одной дорожке, словно тебе решать, кому жить, а кому умереть.

— Это да, — протянул дед, впившись взглядом в дорожку рун.

— Ох, утомился я, Рознег, уже немолод, пойду отдыхать, — сложив руны, волхв удалился.

— И что это значит? А то я что-то не понял, прадедущка, — задумчиво протянул я.

— Смерть путь к жизни, испытание духа и борьба с судьбой, все же ясно.

Ну да, смерть, так я ее прошел, теперь вот жив и здоров, испытание духа, так тоже, можно сказать, было, война с судьбой. Хех.

А так, если вдуматься, общие фразы и понятия, любой сталкивается со смертью. А в этом времени так тем более.

И любой взрослый мужчина это случайно выживший мальчик, хотя сейчас это и женского пола касается. Путь жизни, так тоже все люди идут дорогой жизни. Испытание духа, так каждого жизнь испытывает. Борьба с судьбой, опять общие фразы. Или здесь такими словами не разбрасываться?

— Да, трудно тебе придётся, Яромирушка, — и родич погладил меня. Я аж воздухом чуть не поперхнулся. За прадедом ласки и нежности замечено не было, вот перетянуть чем, чтобы не баловались или глупости не творили в его понимании это да. И плевать кого, родича взрослого али ребенка.

— Ты здесь погодь, внучок, я сейчас, — и дед вновь оставил меня одного. А спустя десяток минут он вернулся, облаченный в свою походную одежду, с небольшой котомкой в руках. Ну да, не по городу же разгуливать в священных одеяниях.

— Ладно пойдем, нечего рассиживать, ты вроде на торг хотел гостинцев прикупить?

— Ага.

Мы с пустились с холма и вышли из священной рощи.

— Деда, а что с гоблином-то сделают, куда его увели?

— Да ничего твоему чудищу не сделают, осмотрят, потом князю покажут, поговорят с ним о новой напасти, а после в клетку посадят, да будет в Щецине жить, народ дивить, так все об этом и узнают.

Тоже неплохо, кормить будут проглота.

Дальнейшей путь прошел в тишине, я наблюдал за здешней жизнью, как идут подводы от Щецина, кто-то был груженный и вез товар, кто-то пустой и радовался, что все распродал.

Пройдя мимо стражи, которая на нас и не обратила внимания, а что, мы же не с товаром

идем, мы зашли через другие ворота, не которые были близ причала, их в городе было всего четыре, на каждую сторону света.

Рознег меня спокойно вел по улочкам, как будто это его родной город, сразу видно, не раз здесь бывал. И вот мы вышли на городской торг, м-да если это малый торг, то тогда большой это что?

Гомон людской так и бил в уши, ряды с товарами, купцами и покупателями, чего здесь только не было. Запахи смешались и летали в воздухе, аромат южных специй перемешивался в воздухе с запахом дегтя, печенных пирогов и людского пота, аж продохнуть в первые мгновения было трудно.

А товара разного было много и крупы на разновес, в том числе и сарацинское зерно[1], и коричневая каша, она же гречневая, и оливковое масло в кувшинах, а также пряности, стоящие в мешках. Ткани разные шелковые, а с ними по соседству меха, кузнечные изделия и оружие разное. Гуси, орудие в плетеных корзинах, козы и овцы, лошади и люди на привязи.

От гвоздя до раба, здесь продавалось все.

— Ну, куда побежал-то? — и дед положил мне руку на плечо, так и шли мимо рядов.

— Что ты купить-то хотел?

— Ну, маме и Смиляне, думаю, по отрезу ткани, а сестре даже и не знаю, может, украшение какое из меди, а может, и игрушку какую, на большее монет, отцом даденых, и не хватит, поди.

— Достойно, — согласился прадед и погладил бороду.

Возле одного из прилавков я увидел мужчину, стоящего на бочке и зазывавшего покупателей:

— Подходи, честной народ. И парни, и девицы. И молодцы, и молодницы. И купцы, и купчихи. И гуляки праздные. Покажу я вам товар, из Персии да Византии. И Любека и Парижу.

Я аж улыбнулся, очень уж напомнило мне крылатую фразу «Подходи, не скупись, покупай живопись».

Спустя час блуждания удалось сторговать два отреза ткани по пять динариев[2]. Не шелковые ткани, конечно, но тоже достойные и еще выкрашенные в оранжевый цвет, бледноватый, но за такие деньги вполне неплохо.

А вот сестренки очень долго не мог определиться с подарком, пока не наткнулся на прилавок с деревянными шкатулками и фигурками.

Где продавцом и заодно мастером выступал одноногий не особо опрятный и разговорчивой мужик со шрамом на лбу и парой отсутствующих зубов. Не знаю, какой он по характеру, да и сомневаюсь, что увечье хорошего настроения добавляло. Но мастером он был отменным.

На шкатулке был вырезан лес, из которого словно выплывала молодая девушка. И все так живо, словно настоящее, или смотришь на полноценную картину в художественной галерее.

А фигуркой в придачу взял деревянного коня, его грива и хвост были вырезаны весьма аккуратно и виднелся каждый волос, казалось, отведи взгляд — и конь заржет и унесётся вдаль, вот это мастерство. И вся эта красота мне обошлась в четыре динария, а на оставшиеся три я взял сушеных фруктов, привезенных из Византии, кураги с черносливом, немного вышло, но шкатулку заполнить хватило.

— Что все купил? — спросил дед с ехидцей.

— Ага, — я все продолжал рассматривать фигурку коня.

— А себе что ничего не взял, али не приглянулось ничего?

— Так денег нет, деда, вот гостинцев же набрал.

— А о себе чего не подумал?

— А мне-то что, я вон в каком граде побывал, в священной роще был, а они нет, вот и пусть порадуются. Так что и не надо мне ничего, все есть, — и я погладил боевой топорик.

— Ой ли, неужто все есть? — усмехнулся прадед и улыбнулся в бороду. — А так, ежели мог, чего бы взял? — продолжал подначивать меня дед.

А действительно, чего? Кинжал есть, топор тоже есть. Кольчугу бы какую, так я думаю, у отца припасена для меня, а здесь дорого брать, точно денег не хватит. Книжку бы какую, но тоже, пожалуй, не стоит, ни германской, ни франкской, ни тем более греческой письменности я не разумею, да и кириллицу вряд ли сейчас встретить можно. Если только.

— Ну, ежели выбор был бы, то стрел деда, боевых, а то у тяти не допросишься, а с луком я вроде лажу.

— Стрелы, говоришь, ну пойдем, посмотрим тебе стрелы.

И мы вновь пошли по рынку.

На одном из прилавков, где продавалось оружие, мы обнаружили колчаны, набитые стрелами.

— Какой бы хотел? — крутя в руках один из них, спросил прадед.

Многие колчаны были с тиснением на коже, где простые узоры, а где-то полноценные картинки, мне приглянулся тот, на котором было изображение медведя, вставшего на задние лапы, в большинстве они были похожи, толстые стежки грубыми нитками, ежели перетрётся, можно и своими руками исправить.

— Вот этот, — и я указал на понравившийся мне.

Перед этим пересчитав и осмотрев стрелы, которые были в колчане, их оказалось восемнадцать, он не полностью был забит, так что можно еще не сколько сунуть, а стрелы хороши, наконечники выполнены из хорошего железа, древки ровненькие и перья одно к одному.

В общем, весьма качественный товар. А еще к ним можно было и наруч кожаный взять, но мне и мамка такой сможет сделать легко, как и колчан, вот только не такой красивый, да и стрел там уж точно не будет.

— Что хочешь за сие? — прадед обратился к продавцу. Низкому и толстому дану. Который, судя по всему, обосновался в городе и неплохо научился балакать на нашем языке.

— За этот чудесный колчан, выполненный из кожи молодого ягненка, с прекрасным медведем, сделанный мастерами в предместьях Рима, со стрелами, которые не будут знать промаха, оперением могучего сокола, отчего стрела будет лететь, словно ветер, в руках даже самого неумелого лучника, а в руках умелого пробивать любой доспех.

— Да, — с усмешкой проговорил родич.

— О, для такого товара совсем немного, я вижу, вы знаете толк и умеете выбирать, раз подошли к моему товару, а среди всех выбрали его. Всего три злотых, этот колчан со стрелами стоит того.

Дед же всю засмеялся, оглашая рынок смехом, а под конец аж закашлялся и начал бить себя по груди.

— Ух и насмешил меня, — вытер слезу выступившую у него, и продолжил, — а что, значит, поближе не было мест, откуда привезти-то можно было, путь-то того, неблизкий,

через франков, а там и немцев, а там еще и ободриты с лютичами, да еще и по морю, видать, а там и ваши, бывает, озоруют, ты того, не продешевил?

— О, так разбираетесь, ну, если откровенно, то приукрасил, да, — согласился торговец. — А так сей колчан был сделан в мастерских Парижа, наконечники его выкованы в его знаменитых кузнях, а древки делали древоделы, посмотри, какие они ровные, так и просится, чтобы такую стрелу на тетиву положили.

— Ты еще скажи, что они сами стрелять будут, — дед вновь хмыкнул.

А после нахмурился и выдал:

— Один златой даю, — и, видя возмущенное выражение торговца и шесть динариев, — байки про Париж вон девкам рассказывать будешь, а я уже стар для всего этого.

— Да как так можно, нет, это совсем не можно, вот два золотых и пять денариев можно, это же сами посмотрите, — и торговец вновь начинает трясти товар, — вы такой нигде не найдете дешевле, да еще и такой хороший.

— А что не пять-то золотых просишь, тоже мне, из Парижу привез, а может он и вовсе под Волином сделан, есть там мастера, рассказываешь мне тут. Можно не можно. Один золотый и восемь динариев.

— Да ну, — торговец протянул задумчиво, — ты где такую цену-то видел да за такой товар, здесь одни стрелы чего стоят. Но, так и быть, за два золотых отдам, — торговец грустно махнул рукой.

— Ишь, чего у думал, два золотых ему, совсем уже напридумывал, золотый и девять серебряных, а иначе забирай, у другого куплю, мало их здесь, что ли?

— Немало, — согласился торговец. — Но таких, не найдешь ни у кого. Ладно, золотый и десять динариев и забирай, только смотри, чтоб золотый не новоделом каким был, а так согласный я.

— Ну, добре тогда. — Отсчитав монеты торговцу и получив заветный колчан, я его сразу прицепил на пояс, пусть болтается там, руки свободны, и идти не мешает.

— Все, внучок, пойдем в таверну, отдохнем, а то устал уж, — покряхтел прадед.

— Деда, может, пойдем по городу пройдемся, посмотрим, а?

— Да что на него смотреть, насмотришься еще. Колояр сегодня явно не управится, вот завтра и посмотрим.

— Деда, давай все же посмотрим, что в таверне-то сидеть, вон до площади пройдемся да в таверну потом.

Дед скривился и грустно вздохнул.

— Ну, пойдем, пойдем, раз не терпится тебе, — подтолкнул он меня в спину, и мы направились по улочкам града Щецина.

Я глазел на дома и людей которые встречались нам по пути. А еще заметил, что не было ужасных запахов, которые, казалось, должны заполнять город. Нет, неприятные запахи были, бесспорно, но не было так худо, как казалось в моих измышлениях.

Подходя к площади, мы ступили на деревянную мостовую, вся улица была уложена досками, словно деревянный пол. Что у меня вызвало достаточно удивления, не ожидал.

А вот на самой площади хватало людей.

На площади расположилась небольшая сцена посередине, возвышавшаяся на полметра, которую окружал разномастный народ, в том числе городская стража. Рядом со сценой стояла еще площадка чуть повыше, на которой было деревянное кресло, которое занимал мужчина, вальяжно развалившись во что-то всматриваясь на сцене.

И все это происходило возле каменного трехэтажного терема, огороженного каменным забором.

А еще рядом с площадкой было два столба, посредине которых висел здоровый бронзовый колокол.

— О, походу, на судилище попали, — дед задумчиво проговорил.

— И что, сам князь судит да рядит?

— Э не, похоже, посадник за всем смотрит, обычно-то судит кто другой из назначенных для этого дела, но бывает и посадник выходит, а бывает и сам князь, когда в городе бывает.

Протолкавшись сквозь толпу, увидел, как стражи уводят вырывающегося мужчину.

Я же принялся рассматривать посадника. На шее его висела толстая золотая цепь с медальоном, на котором изображался Триглав, через одно плечо был перекинут ярко-красный плащ на византийский манер, скреплённый золотой фибулой. В светло-синей рубахе, штанах выделанного шелка и красных кожаных сапогах, в руках он крутил одноручный меч, украшенный яхонтовыми камнями.

Избитого и связанного человека стража выволокла на площадку. И стоящий рядом с посадником человек в богатых одеждах и с длинной черной бородой, заговорил:

— Сие тать и разбойник, убил вдовицу Валаву и торгового гостя Гнешко, что остановился у нее на постой, в том видоки есть, — его голос звучал мощно и раскатисто, подобно грому.

Один из мужей взобрался на площадку и поклонился посаднику.

— Я это значит, возле Валавы живу, утром глянь, а он из ее подворья выходит, — и указал пальцем на избитого мужчину. В руках нож кровавый держал, рубаха в крови, а за плечом мешок держит, значит.

— Ну я сыновей да холопа свово кликнул, ну и скрутили да на правеж, вот, значит.

— Так он что, среди белого дня таким выходил? — начал допытываться ближник.

— Та нет, рассвета еще не было, заря еще не началась, но светать начало, вот и.

— А что же тебе по ночам-то не спится, на чужие подворья заглядываешься.

— Так, это, значит, зуб у меня неймет, так неймет, — и мужик покачал головой, словно показывая, как у него зуб неймет. — Аж глаз сомкнуть неумоготу. Вот и повадился по подворью прохаживаться, иной раз полегчает, так я и спать иду. Вот и в тот раз так же было, только все равно легче не стало, я аж занемог.

Ближник взглянул на посадника, тот едва заметно кивнул.

— А в мешке-то что было? — продолжил ближник.

— То мне неведомо, мы и не заглядывали, так его, скрученного стражником, с мешком и отдали. В дом-то заглянули ну, прежде чем его вести, так там Валава мертвая и Гнешко были, вот, значит, ну, их вся улица-то и видела, — мужчина закивал.

— Мешок тот где? А ну быстро несите, — дал указания стражникам ближник. — Тот или не тот?

Свидетель посмотрел со всех сторон, даже пальцем в него потыкал.

— Вроде тот, похож.

Стоящий ближе всего стражник вытащил нож и вспорол горло мешка, а после вытряхнул все.

В мешке было какое-то тряпье, пояс с вышивкой, два ножа и мощна с монетами. Страж нагнулся и развязал.

— Серебро.

— А ведом ли тебе убийца? — обратился ближник к видоку.

— Так, конечно, ведом, это горбун Тимир, он за вдовицей все бегал, а она все его воротила, ни в какую, в прошлой године он ее подстерег да на сеновал отволок ссильничать хотел, о том многие слыхивали. Так Валава в сене топор нащупала да до крови его и отходила, ну, горбуна этого, Тимира.

Толпа загомонила, слышались смешки и подтверждения, что, дескать, да, слыхали, было дело.

— Что-то на горбуна он не похож, — посадник с любопытством взглянул на связанного.

— Так вдовица вроде горб-то того, топором и стесала во гневе, а он убег, думали помер, а нет, жив паскудник.

— Видать, прознал, что к Валаве торговец Гнешко наведалься, вот и пришел в ночи-то.

Народ зароптал.

— Тихо, — поднял посадник руку.

— Что ж, здесь все ясно, и горбун Тимир повинен в убийстве вдовицы Валавы и торгового гостя Гнешко. Кто еще слово молвит, али родичи их?

Прождав пару мгновений, он продолжил:

— За злодеяния свои горбун Тимир повинен смерти и будет лишен живота своего на рассвете завтрашнего дня, говорю я, Nikeй, поставленный великим князем Ратибором.

Приговоренный, как услышал, весь завошкаться, и его хрип было слышно даже через кляп.

— А ежели появятся родичи вдовицы Валавы или торговца Гнешко, то сию рухлядь они разделят поровну меж собою.

Посадник махнул рукой, и стража подхватила приговоренного и утащила.

— Следующий, — крикнул ближник.

И на помост выволокли молодого парня, лет двадцати, на мой взгляд, бородат, но борода еще куцая, скорее пушок отросший. Простая рубаха, подпоясанная кожаным поясом, весь растрепанный и помятый, но не избитый, как предыдущий, руки, связанные, впереди.

— Милонег, что живет близ Щецина, в драке одним ударом убил охотника Волчий хвост, что прибыл с семьей на торг. То видаки видели. Кто видел сие?

И на помост поднялись пара мужчин.

— То мы видели, спор у них зашел, да Милонег его ударил в голову, а Волчий хвост замертво свалился, что за спор был, да из-за чего, того мы не слышали, в том богом нашим клянемся.

— Есть, что тебе сказать? — ближник обратился к обвиняемому.

Тот бухнулся на колени как стоял.

— В том моя вина в смерти его, не мыслил я убийства, из-за гнева свою ударил, не хотел я его убивать, он упал и не дышит, мертвый. Я только ударил, не было умысла убивать, вы уж простите меня, люди добрые, — и парень поклонился, видно было, что он говорит искренне и переживает, по крайней мере, на лице было раскаянье.

— Казнил бы я тебя и вся недолга, но пусть судьбу твою, родичи убитого решают, — и посадник махнул рукой.

На помост поднялась молодая девчонка чуть старше меня, с заплетенной косой и в простом платье, за руки она вела мальчишку лет семи, сурово на всех смотрящего, и девчонку лет пяти в рубашонке, которая выглядела как чистая кукла. Небольшая коса переплетена лентами, как и у старшей сестры, а глазки голубые и с любопытством на всех

поглядывают.

— Какая Вира будет, кровью его и жизнью возьмёшь, али златом да серебром? — посадник Никей обратился к поднявшейся девушке.

Она молчала и смотрела на убийцу отца, а он стоял на коленях с опущенной головой, не смея поднять на нее взгляд.

— Нету у меня теперь тятеньки, а мама умерла, когда Злата явилась на свет, — и погладила младшую сестренку, — не осталось у нас более родичей.

И, склонив голову, внимательно вглядывалась в Милонегу.

— Пусть родичем нам станет, вместо брата старшего.

— Эх, молодец девка, не дура, — раздался рядом голос Рознега. — Куда уж они без кормильца, кровью возьмет так помрут, а златом не лучше выйдет, а так кормилец будет, эх, молодец какая, так, может, и выживут.

Милонег поднял голову и кивнул, прошептал:

— Я согласен, буду вам за брата старшего.

— Ну, тогда в Храм идите и перед Ликом Триглава клянитесь, — и махнул рукой, а после вновь принял скучающее выражение.

— Есть, кто слово хочет молвить перед посадником нашим да людьми добрыми?

— Я хочу, — раздался крик из толпы. И на помост выбрался мужик в обносках, весь обросший, борода нечесаная и торчавшая в разные стороны с седыми прядями. На ногах какие-то обмотки вместо нормальной обуви, а за поясом рукоять ножа. Была в нем болезненная худоба, видно, что пришлось голодать и пришлось ему трудно. Сколько ему лет, а шут его знает, не угадаешь, может, под сорок, а может, и под все пятьдесят.

— Ну, молви, раз взялся, — начал ближник.

— Прозываюсь я Говша, и была у меня семья и дети, пока на наш поселок, что ниже по Одеру, лютичи не напали годин с десять назад.

— Слышали, знамо дело было, — раздался крик из толпы.

— И было у меня два сына, вместе с ними на ладье ходили в разные земли. Годины две назад от земли свеев отошли, недалече еще. И на нас напали и порубили там всех, и мне досталось, да в воду скинули, мертвым посчитали.

По толпе пошел ропот.

— И вот я вновь прибываю в родные края и узнаю в Волине, что убийца и грабитель здесь в Щечине на торгу, Будимир, вот он убийца, — и она указала на мужчину в толпе.

— Поклеп, лжа, неправда, напраслину возводишь, пес, — закричал указанный Будимир, его лицо скривилось во гневе.

Одет он был в рубаху с накинутой на ней безрукавкой, на груди покоилась искусно выделенная золотая цепь, а борода черна и аккуратно подстрижена.

Взобравшись на помост, Будимир поклонился посаднику и людям.

— Ты почто мое честное имя позоришь, а? — мужик аж покраснелся весь.

— Молчи, — обратился к нему посадник.

— Есть ли у тебя видаки, Говша, и где же ты все эти лета пропадал?

— Все мои видаки и дети мои на дне морском, один я остался, а добирался я до родных краев так долго из-за того, что в холопы меня свеи повязали, две години в холопах у них проходил, пока не убег, и вот я здесь, — он развел руками в стороны.

— Хм, ясно, — и посадник провел рукой по бороде, — а у тебя, Будимир, есть ли видоки, что такого не было?

Будимир приосанился и разгладил бороду, с презрением и злостью взглянул на Богшу.

— Конечно, любой из моих людей подтвердит, что это лжа и поклеп, — и указал на компанию из семи мужчин, что подошли к помосту, часть из них была в кольчугах оружные со щитами.

— Вот оно как, твоих людей, — со смешком произнес посадник, — так какие они тогда видаки, ежели они твои люди.

Вновь махнул рукой в сторону Будимира, который уже собрался спорить.

— Ни у одного из вас нет видаков, а слова Говши тяжелы, что же делать? — и посадник задумчиво начал крутить меч в руках.

— Божий суд, посадник, мы можем выйти на божий суд, — выкрикнул Говша, а по толпе пошла шепотки.

— Божий суд, значит, — медленно проговорил посадник и обвел взглядом людей.

— А впрочем, это да, это можно.

— Я согласный выйти с этим псом на божий суд, — и Будимир ткнул пальцем в Говшу.

— Ну, что ж, тогда. — развел руки посадник в стороны.

А тем временем Будимиру уже подали топор и щит, а Богша вытащил из-за пояса нож, хотя, по мне, это даже не нож, а обрезок какой-то.

Дело в том, что если посадник сейчас объявит божий суд, то каждый биться будет тем, что имеет при себе, и Богше придётся биться своим обрезком ножа против топора и щита. А это совсем не дело, это прям убийство будет.

Вытащив из-за пояса подаренный отцом боевой топор, я поцеловал топорище, его холодный металл обжог мне губы, и, размахнувшись, кинул к ногам Говши, пусть у него будет шанс на месть, симпатичен он был мне своим упорством и смелостью, не побоялся и с ножом выйти.

Дед же взглянул на меня с неодобрением, еще бы, если Говша проиграет, топор мне не вернут, его явно Будимир приберет, а от отца мне вновь достанется за утерю оружия.

Чуть в стороне раздалось хеканье и к ногам Говша упал щит, повернув в сторону, я увидел, что это сделал могучий варяг, может, он как раз из тех йомс-викингов, о которых и рассказывал дядя. А викинг, увидев мой взгляд, подмигнул и оскалился во все зубы, я же ему просто кивнул. Еще бы, на одного бойца, можно сказать, ставим.

А Говша поднял щит и топор, покрутив его в руках, обернулся и склонил голову, благодаря нас. Будимир же, скривившись, посмотрел в нашу сторону, ну да, не будешь ты безоружного рубить.

— Ну что же, какой суд богов без волхва, так что зовите волхва, — крикнул посадник.

— Я волхв Триглава, — и прадед поднял руку вверх и направился в сторону посадника, таща меня вслед за собой.

Поднявшись на одну ступеньку на помост к посаднику, родич дождался от него кивка и заговорил:

— Говша и Будимир, вы сейчас будете биться перед ликом богов, на суде богов, и победу возьмет тот, за кем правда, а не сила, это говорю вам я, волхв бога Триглава Рознег, бейтесь во славу богов.

— Да состоится суд богов перед ликом людей, да победит тот, за кем правда, это говорю я, посадник Щецина, Никей, бейтесь, — и посадник махнул рукой.

Говша же всего трясло от бешенства, мне казалось, что он сразу полетит в атаку на своего кровника. Но нет, он удержался, они начали по шагку сближаться, выставив вперед

щиты. И встретились в центре.

Будимир держал топор поднятым возле головы, Говша же, наоборот, его припустил вниз к краю щита, и он находился на уровне живота.

Обмен ударами, и каждый вовремя подставил щит, у Говши был в руках мой топор, который напоминал больше всего чекан, легкий и для быстрых ударов, у Будимира топор был явно потяжелей, чем-то похожий на датский, с которыми любили ходить викинги.

Таким легко не помашешь, в отличие от моего, который весил грамм пятьсот.

Будимир бьет, вкладывая силы, Говша уходит правее, немного открывая бок, и Будимир со всего маху бьет щитом, цепляя плечо Говши.

Походу, неплохо задел, Говша кривится, а у Будимира играет улыбка на устах, он даже что-то говорит, но из-за шума толпы ни черта не слышно.

Вновь сходятся в бою, и Будимир бьет параллельно земле, отмахиваясь от приблизившегося Говши. И топор уходит чуть в сторону. Вот только Говша пошел на сближение, я бы сказал, даже в клинч, он ловит под топорище орудие Будимира, блокируя его и оставляя в стороне. А сам, приблизившись, ударил щитом как бы в сторону, так, что щит Будимира откидывает, и кажется, что он раскинул руки, топор в одной стороне, щит в другой. И Говша воспользовался этим, сделав шаг назад, и, не тратя времени, не разворачивая чекан, бьет со всего маха обухом, где есть выступ в виде заостренного

bubamara2610.livemaster.ru

И бьет в голову, Будимир не успевает защититься, только откидывает голову назад, но небольшой шаг вперед от Говши, и его удар проламывает висок. У Будимира слабеют ноги, он падает на колени, он мертв, я это чувствую. Всем своим даром я чувствую случившуюся смерть. А Говша так и застыл соляным столбом, в левой руке щит, а в правой окровавленный топор.

— Пред ликом богов суд состоялся, правда за Говшей, — произносит прадед.

— Пред ликом людей свершился суд, правда за Говшей, все то видели, — произносит посадник Никей.

— Деда, — трогаю за рукав Рознега.

— Чегось тебе еще?

— Давай Говшу с собой возьмем? — и я вопросительно смотрю на него.

— Зачем он тебе?

— Воин справный, вон как за правду-то встал, нам такой пригодится, да и идти ему, видимо, некуда, а у нас местечко найдётся.

— Хм, он чужак, — прадед задумчиво посмотрел на стоящего Говша и начал поглаживать бороду, — ну, ежели пойдет отчего бы и не позвать в гости, он птица вольная, захочет уйдет, захочет новое гнездо совет.

Я же глянул на помост, Говша так и стоял соляным столбом, а вот к Будимиру начали подходить его люди, еще чутка, ухватят за ноги и утащат.

Выскочил на помост и шикнул на них. На что они разразились бранью в мою сторону, плевать. Откинув в сторону Говши щит и топор Будимира, я начал раздевать его. Стянул безрукавку и золотую цепь с каким-то медальоном, следующий идет пояс с ножом и сапоги, все летит в сторону Говши, это его по праву.

Теперь пусть забирают своего. На помост также поднялся варяг, который дал свой щит,

аккуратно подхватил свой щит и даже помахал рукой перед глазами Говши. Никакой реакции, он тяжело вздохнул и ушел.

Я же подошел к победителю и внимательно на него всмотрелся, взгляд потухший, видно было, он не в себе. Еще бы, наверняка последнее время жил мезтью, грезил ей, засыпал с ней и просыпался, а теперь все, он отомстил, ни семьи, ни сыновей одна, пустота. Видел я такое, перегорел, но ничего, это проходит. Мы это поправим, да и его подлечим.

[1] Рис.

[2] Динарий серебряная монета, ходящая в Священной Римской империи. Один золотой, (Солид, Безант, Везант,) равнялась 12 серебряным монетам.

За два солида можно было приобрести корову. За эти же деньги можно было приобрести щит и копье.

В родном селении я прошел мимо больших ворот и толкнув калитку, оказался во дворе родного дома, наконец-то.

Двор оказался пуст, ни отца, ни родительниц, так это и понятно, никто меня не встречает, все при деле, все при работе.

Пройдя чуть вперед, я услышал всхлипы и плач за одним из сараев.

— О, и что это за диво, что плачешь, маленькая, кто же тебя обидел? — скрестив руки на груди, обратился к сестричке, которая сидела на скамейке, уткнувшись в колени, и лила слезы. Она резко подняла голову, я даже заметил, как у нее меняется выражение лица.

— Братик, братик, — раскинув руки, в мою сторону ломанулось неумытое чудовище.

И, уткнувшись меня и обняв, начала хлюпать носом.

— Ну, ну, чего разрыдалась рева? — я начал поглаживать ее по голове.

— Братик, братик, спаси, ты сможешь, уа-а-а, а-а-а-а, ты сильный, ты как прадедушка, ты сможешь вылечить, уа-а-а-а, — и вновь слезы из глаз, которая она размазывала.

После слов сестренки я весь напрягся.

— С отцом что случилось? — я внимательно посмотрел на сестричку.

— Нее, — и вновь растирает сопли и слезы по лицу.

— С матерями все хорошо?

— Да, спаси его, братик, а-а-а ты сможешь, — и снова в сопли.

— Да что же ты за плакса такая, сказывай нормально, что случилось-то? Кого спасти?

— Крист, он... Он меня от волка спас, а сам умирает, а-а-а. А мне тятя со двора одной запретил уходить, а вдруг Крист умер уже, а-а...

— А сам отец где?

— Отец, они со вчера еще ушли на охоту, вдруг еще волки есть рядом.

— Хм, понятно. Получается, на тебя напал волк, а Крист тебя спас, и он ранен. Где же ты волка нашла-то?

— Я его не находила, он сам нас нашел. В лес пошли по грибы и ягоды, я на край поляны отошла, а волк из леса. Я ничего и не успела, а он как прыгнет. Я думала, все, а там Крист, а-а-а, — и сестренка опять разревелась. Они сцепились, у него нож был, и он волка убил, но сам умирает, братик, спаси его, ты сможешь, я знаю.

— Я постараюсь, ведь он спас мою маленькую сестренку. И вытер рукавом ее мокрое лицо.

— А маменьки где?

— За домом, плетут меня прогнали, сказали, что я мешаюсь, а от моих слез все нитки испортятся, вот.

— Ты здесь посиди, я пока до них схожу.

И, сделав шаг от нее, точно с этой истерикой забыл.

Порывшись в мешке, я достал приготовленные для сестры гостинцы, деревянную шкатулку, в которую и положил статуэтку коня, а сверху еще и наполнил сухофруктами.

— Это тебе, — я протянул подарок сестренке.

— Благодарю, братик, — она открыла шкатулку и подняла глаза, — но ты все равно спаси Криста, — и, шмыгнув носом, добавила: — Только спаси, и мне ничего больше не надо и я не буду безобразничать, правда-правда, братик.

И в этих детских зеленых глазенках было столько надежды и веры в меня, словно я одним прикосновением смогу его излечить.

— Я же говорил, что постараюсь, — и, чмокнув в щечку, отправился к родительнице.

Пройдясь по подворью и обойдя дом, обнаружил маму вместе со Смиляной возле уличного очага, где, как и сказала сестренка, они пряли пряжу из льня.

— Здравствуйте.

— О, Яромирушка вернулся, — мама отложила прялку и подскочила с лавки, обняла меня и поцеловала.

— А мы гадали, когда ты вернешься, у нас здесь волк объявился, чуть Варну в лесу не задрал, да холоп ее оттолкнул, вот его волк и подрал, но он его убить смог. Ужас.

Смиляна, после того как поздоровалась со мной, на рассказе мамы сжала губы.

— Слышал, Варна уже рассказала все.

— На подворье сидит? — подала голос Смиляна.

— Да, там ее встретил.

— Вот, вам гостинцы из Щецина привез, — и отдал им отрезки ткани.

— Спасибо, сынок, мама меня вновь поцеловала, — пользуется, пока отец не видит.

— Для вас и выбирал. — Женщины развернули ткань и начали ее осматривать.

— А отец скоро вернётся?

— Они вчера ушли, как окрестности обойдут, так и вернётся, думаю, что к обеду должен.

— Понятно, мы с Варной тогда в холопскую ходим, Криста глянем. Варна переживает.

— Да, что этому холопу сделается-то? Покусал волк, ничего страшного, — и Смиляна махнула рукой.

— Конечно, сынок, ходите, — кивнула родительница.

Отходя, я был несколько удивлен, знал, что для Смиляны большинство людей делятся на несколько категорий, семья и все остальные, но чтобы настолько прохладное отношение, я бы даже сказал, пренебрежительное к человеку, который спас твоего ребенка, нет, я этого совсем не понимаю. Да статус холопа, ну и что? Он закрыл ее своим телом и сейчас при смерти, должна же быть благодарность, но её нет.

Вернувшись к сестре, я поинтересовался, а заботится ли кто о раненом?

— Тятенька Неждане вроде велел за Кристом смотреть.

— Понятно, ну, пойдем посмотрим, как твой заступник себя чувствует.

Взяв за руку сестренку, мы двинулись.

Холопская фактически поселок в поселке, и почти у каждой семьи так. Непритязательные домики, стоящие рядом с другими хозяйственными постройками.

Подойдя к домику Криста, Нежданы я рядом не обнаружил, да и вообще никого, хотя по пути я видел наших работников.

— И где же Неждана, что-то не видно? Она же должна следить, или Крист вовсе не здесь?

— Она, она, я слышала, как тятенька ей говорил присмотреть.

Распахнул дверь, и мне в нос ударил запах крови, пота и мочи.

Увидев Криста, только и смог выдать:

— Ну, ни хрена себе.

Он лежал на лавке, ничем не укрытый, такое ощущение, что его как положили, так он и лежал, в окровавленной одежде, которая уже покрылась корочкой и присохла к ранам.

— Крист, — рванула сестренка.

— Куда, — спустя шаг я успел ее ухватить за плечо и дернуть немного назад. Не хватало, чтобы она его растормошила, ему и так пришлось несладко.

— Отпусти меня, отпусти, — сестрёнка начала вырываться из моих рук и всячески лягаться, не слушая моих слов.

Подхватив ее, вытащил из домика и захлопнул дверь.

— Ты что творишь, егоза мелкая, ты его добить хочешь, не ты ли просила его спасти, а? — раздражение так и плескалось у меня. Ты видишь, он ни жив ни мертв, дух еле в теле держится, иди подергай его, чтобы раны открылись!

Сестра замерла и даже не знала, что сказать, а спустя мгновение у нее вновь полились слезы.

— А-а-а-а, братик, прости, прости, спаси его, братик.

— Цыц, — я прикрикнул на нее.

— Сейчас идешь до дому, приносишь кувшин прохладной колодезной воды и небольшую чистую тряпочку. Ну, что замерла, — и я подтолкнул ее.

Дождавшись, когда сестра унесётся, я вновь открыл дверь и взглянул на Криста.

— Ну, Неждана, ну, тварь и скотина, — с раздражением зарядил кулаком по двери.

Никакой заботы о Кристе я не видел, его просто бросили умирать. Распну сучку.

Продышавшись, я успокоился и шагнул внутрь. Нащупал пульс у Криста, уже хорошо, жив. Весь бок ему разворотили, и рука разорвана. Досталось бедолаге.

Положив ему руки на грудь, я пустил силу жизни, помещение озарил зелёный свет, направил в Криста свою силу, его тело начало жадно ее впитывать, словно губка.

— Хватит пока, дружок, — потратил десятую часть своего резерва, — надеюсь, этого достаточно, чтобы ты продержался.

Подёргав ткань одежды, присохла и хорошо присохла. Надо будет сначала мыть, возможно, размокнет и будет легче снимать, да и раны чистить надо явно.

— Братик, вот, — в помещение ворвалась вихрем сестренка.

— Молодец, давай сюда.

Из кувшина сам глотнул водицы, хороша. Тряпка чистая, на первый взгляд пойдет, достав нож, вспорол ее, а дальше надорвал, и в моей руке оказался небольшой лоскуток.

— Так, теперь иди сюда.

И я приоткрыл немного рот Криста.

— Вот так держи, ага.

Аккуратно наклонив кувшин, я тихонько, начал пытаться поить раненого, глотает, это хорошо, и лоскут не понадобился, а то мне казалось, придётся тряпку мочить и через нее уже поить Криста, словно соской, как маленьких детей.

— Все, хватит пока ему.

— Пойдем на улицу, — я подхватил мелкую, а то она вновь застыла возле холопа и, словно боясь, провела пальчиком по его бледному лицу.

— Все пусти меня, — и сестренка стукнула меня кулачком. — Там тятенька вернулся, я видела, он в ворота заходил.

— О, это хорошо, сестренка, очень хорошо.

Неожиданно из-за угла на нас вывернула Неждана.

— Ба, вот это встреча, а мы и не ждали, уж и не чаяли с Варной тебя здесь встретить, а вот ты здесь красивая, — голос был нарочито весел.

Неждана стояла и пучила на нас глаза.

Я же оглядел ее прищуренными от злости глазами. Молодая девушка лет двадцати, в простом платье, шикарная коса цвета зрелой пшеницы. А мои кулаки то сжимались, то разжималось от злости.

— Я, это...

— Тебе что было сказано, смотреть за Кристом, тебя где носило? — голос стал на тон ниже, еще и стих.

— По хозяйству, а что ему сделается, он все равно не жилец, — и пожала плечами, словно ничего не произошло.

И вновь этот взгляд с ухмылкой, который она спрятала. А ведь ты тогда на меня так же смотрела, радуясь и видя, как отец меня наказывает, а я ведь тебе ничего не сделал плохого.

— Не жилец, вот оно как, — я словно прошипел эту фразу, ярость и злоба уже били в голову, прямо в темечко, и меня всего трясло.

Эта была последняя капля, довела поскуда!

— Тварь, ты кем себя возомнила? — крик вырвался из меня, и ладонь с оттяжкой летит в голову, сбивая на землю.

— Не жилец, не жилец, — я хватаю ее за волосы и тяну за собой к домику, к раскрытому проему, в котором во мраке виден раненый Крист, который просто умирал, брошенный в одиночестве.

Неждана же давай завывать белугой:

— А-а-а-а.

А от ее крика ярость словно еще больше распалась, как я ни пытался ее сдерживать, нет, это была уже не ярость, а ненависть к этой суке.

Схватив ее второй рукой, я поднимаю.

— Тебе что было сказано, следить за ним, а ты что, паскуда?

Она начала вырывать у меня из рук:

— А-а-а, пусти.

— Раз отец тебя пару раз драл, хозяйкой себя здесь возомнила, а?

И, не выдержав, я приложил ее головой, точнее, лицом о не ошкуренные доски. Из разбитого носа и появившихся ран хлынула кровь.

— Может, и мне сладенького от тебя перепадет, а, Неждана?

— Братик, — я еле услышал голос сестры.

— Пошла вон, холопка, — и отбросил ее от себя. — И лучше мне на глаза не попадайся, тварь. Какая же она тварь.

— Все хорошо, Варна, все хорошо, подай ту тряпицу.

— Довела, довела все-таки до белого каления.

Я же прикрыл глаза, успокаиваясь и пытаюсь прогнать злобу, что меня одолела.

— Вот держи.

— Спасибо, сестренка.

Приняв протянутую ткань, я обтер руки.

— А правда, что отец с Нежданой? — раздался вопрос неожиданный вопрос.

— Не, то по глупости да по злости сказано, забудь и не трепись, почему зря, хорошо? — я серьезно на нее взглянул.

Сестрѐнка, только насупившись, кивнула.

— Пойдем до отца, после того как я сним поговорю, ты останешься в доме и не мешаешь. А я буду лечить Криста, и ты вечером его увидишь, придётся сильно поработать и не хочется отвлекаться, добро?

— Ты его вылечишь, братик, я не буду мешать, правда.

— А о Неждане надо было мамкам просто сказать да тятеньке, ух бы они ее наказали, — сестра высказала свое мнение о происшествии.

— Возможно, сестричка, не смог сдержаться.

Она лишь хмыкнула.

— Если бы не ты, я сама бы ей зенки выцарапала, ишь что удумала. Крист не жилец, вот белебенья[1]. Он обязательно выздоровеет. — И сестра сжала свои кулачки.

Мда вот не завидую теперь Неждане, устроит ей сестра веселую жизнь.

Ну и черт с ней, сама виновата, дура.

— Конечно, ведь о нем моя сестра заботится, — я ухмыльнулся. Хотя если вспомнить каким взглядом сестра смотрела на Криста, то, похоже, она влюбилась.

Ладно, с этим потом разберемся, с любовью этой.

Вернувшись на наше подворье, отца застали за концом трапезы.

— Сын, сказали мне, что ты вернулся, — и он протер рукой усы. — Сказывай, как сходили, что видел?

— В Щечине с прадедушкой были, в храме Триглава были, по торгу прошлись, мне прадедушка тул со стрелами подарил, на судилище были, там состоялся суд богов. Победителем вышел Говша, прадедушка Рознег к нам в гости его зазвал, тому идти некуда было, все родичи полегли.

Отец нахмурился немного и свел брови.

— Справный вой?

— Справный, — я кивнул.

— Показывай, что там за тул такой.

Сходив до своих мешков, которые так и не разобрал, принес отцу показать подарок. Осмотрев его и стрелы, он выдал свое заключение:

— Справный, справный. А о том, что у нас случилось, думаю, прослышал уже, — и он кивнул на сестренку.

— Да, отче, слышал, как охота на волков прошла?

— Да какая охота, — он махнул рукой, — порыскали по лесам, да и все, не было иных следов, кроме того волка. Видать, одиночка или изгой, то ли от голода, то ли от чего еще напал. Да и с матерым Крист бы не справился, тем более тем ножичком. Которым только воробьем пугать.

— Тятя, смотрел я Криста, он может не выжить.

— Ха-ха, лекарем, что ли, заделался али травницей, выживет не выживет.

— Может, и выживет, только вот что я подумал, отец, — и взглянул в его глаза. — Ежели не выживет, не дело, чтобы он холопом ушел, пусть вольным уйдет.

— Вольным, говоришь, — взгляд отца был пристальный. Я же не отводил свой.

Он хмыкнул и ударил ладонями по коленям.

— Дело, сын, говоришь, надобно его отблагодарить, пусть то воля будет, достоин. Обожди, — и отец, поднявшись, ушел в дом.

Сестра тут же ко мне подбежала.

— Неужто тятенька Кристу волю даст?

— Видимо, Варна, даст, будет твой спаситель вольным, словно ветер.

Сестра нахмурилась, а ее лобик сморщился.

— Тогда еже ли он вольным будет, он уйдет, да? — в ее голосе я различил нотки грусти.

— Куда он от нас денется-то, — и я подмигнул.

А спустя пару минут появился отец, неся в руках боевой нож в простых ножных ножнах с деревянной рукоятью.

— Пошли, — только и сказал отец. Я направился вслед за ним, и, чуть отставая, шла Варна.

— А ты куда это направилась, тебе что было сказано, ни шагу с подворья.

— Тятенька, — протянула просящим тонким голоском сестрица, — я же с вами, вместе.

— На подворье шагай, без тебя справимся уж как-нибудь.

Сестрица огорченно повернула назад, хоть плакать не начала, и то хорошо. Проводив ее взглядом, я устремился догонять отца, который широкими шагами шел в холопскую.

Открыв дверь в дом где лежал раненный, отец немного постоял, взглядываясь в Криста, а после шагнул за порог.

Я же взглянул на Криста, живой и дышит ровно, это хорошо, а то были опасения, что Неждана что-нибудь вытворит эдакое.

— Я Велерад, вольный человек, владеющий холопом Кристом, — начал говорить отец, — дарую ему свободу от холопства, отныне он вольный человек, сказано то при видеке, сыне моем Яромире. — За поступок же его и смелость дарую ему нож, пусть он ему служит и в мире, и на войне.

Отец аккуратно положил нож на грудь Криста.

Выйдя из дома, отец вздохнул.

— А Неждана где? Ей было сказано смотреть за ним, — и отец кивнул в сторону раненого.

— Не справилась она с твоим наказом, — я пожал плечами.

— Вот оно как, — отец задумчиво протянул: — Выпорю.

— Я уже ее наказал, отец.

— Хм, ну что ж, тогда надо кого кликнуть, пусть за Кристом присмотрят, да пойдем, дела еще есть.

— Отец, я разберусь, да и сам немного за Кристом присмотрю, попробую помочь, — и, подняв ладонь, выдал немного силы жизни.

Отец хмыкнул с одобрением. А после положил на мгновение руку на плечо и молча отправился в сторону дома.

Развернувшись, я шагнул в избу.

— Ну что ж, настало время волшебства, — уперев руки в боки, я рассматривал раненого.

Сильно пострадала левая рука и немного правая, также раны имелись на боку и на ноге. О степени повреждений судить не могу, рассмотреть тяжело в полутёмном доме. Да еще и запекшаяся кровь, и разорванная одежда.

Крист был без сознания, а, прикоснувшись к нему, я почувствовал, что у него был жар. Его еще и трясло всего.

За прошедшее время я надеюсь, хоть парочка процентиков моей силы восстановилась.

Положив обе руки на грудь, я пустил свою силу, не сильно усердствуя, одна десятая, как я чувствую, и хватит, не стоит все и сразу.

Выйдя на улицу, я свистнул, надеюсь, сейчас прибежит парочка помощников, одному

несподручно будет.

И действительно, спустя пару минут подошли двое наших холопов.

Первым пришел Дорге, мужик уже в возрасте с седой бородой, он старший над холопами и фактически член семьи, несмотря на статус холопа, и именовал я его не иначе как дядюшка Дорге, работающий и незлобивый по характеру. Он был семейным, а его жена и дети тоже считались нашими холопами.

Другим же был Хотен, его отец выкупил за мешок зерна, когда тому еще и десяти зим не было, сейчас же молодой и здоровый мужчина слегка за двадцать.

— О, а я думал, кто здесь озорует, а это ты, Яромирушка, — старик по-доброму мне улыбнулся.

— Да, это я, дядюшка Дорге.

— А у нас видишь какое несчастье, — он кивнул на Криста и горестно вздохнул, — хорошо, что с сестренкой твоей все в порядке.

— Это да, но я здесь для того, чтобы помочь Криту.

— Хорошо, коли так, а он точно жив? — Хотен стоял к порогу и принохивался. — Кажись, мертвечиной пахнет.

Дорге быстро метнулся в дом к Криту, а после оттуда раздался его голос:

— Я те дам, орясина, мертвечиной ему тут пахнет, думай хоть маленько, что говоришь.

— Ну так это, того, — смутился Хотен.

— Жив, Крест, жив, но, судя по всему плох и действительно может умереть, — мужики это не сестра, здесь кривить душой нечего. — Вот и попытаемся его спасти.

— А чего делать-то надобно? — Дорге почесал свою бороду.

— Хм, — на задумался, чтобы правильно сформулировать то, что мне надо.

— В общем, нужен длинный стол, чтобы можно было положить на него Криста на улице, где-то я видел такой. Очаг разведите, воды теплой и ткани почище. Так, еще мази бы лечебной, если не найдете, к Матушке моей пойдите, у нее должна быть.

— Ну, про стол я понял, про который ты говоришь, а мазь моя варила, видел, так что есть. Сейчас все сделаем, да и ткань найдем.

А спустя пару минут притащили стол, грязный и замызганный, но подходящий.

— Пойдет, воду несите и тряпку, все это смыть.

Получив необходимое, я заставил Хотена помыть стол.

Зайдя с ним в дом и подняв лавку, на которой был Крест, мы его аккуратно переложили перенесли переложили на стол.

Дождавшись, когда мне принесут котелок с теплой водой и тканью, я начал оmyвать раны Криста, кровь сохлась в том числе и на его одежде прилипнув к телу, где удалось смыть, а где то пришлось накрывать тканью и поливать водой в надежде что хоть частично отмокнет.

Рвать присохшую к телу одежду было страшно, а вдруг раны откроются, я же не врач. Так что предварительно я срезал все, что смог, и даже ножом поскоблил, но все же в некоторых местах пришлось срывать, и, естественно, раны открылись, и брызнула кровь. Если на ноге и правой руке были видны следы укусов и раны не казались страшными, то вот бок был разорван и шмат мяса висел на тонкой полоске кожи. Левая рука пострадала сильно, она была разворочена клыками волка и напоминала фарш.

Взяв нож, я отрезал мясо, висящее на боку Криста. Рана открытая, плохо. Зажившая, возможно туда попала грязь или еще чего по хуже, и что мне с ней делать, антисептиков нет,

прижечь, может, стоит.

Я смотрел на открытую рану, прижигать надо. Все же мало ли какая зараза попала. Шут его знает, как правильно или неправильно, я тяжело вздохнул. На левой руке и на ноге точно придётся прижигать, в раны раскаленное лезвие совать, я по-другому их прочистить от заразы и не смогу. А ежели не прижигать, а так мазью намазать, неизвестно, поможет ли в таком случае моя сила, или раны заживут, а внутри гнить начнет, что хуже только будет, не буду рисковать.

А вот с руки левой точно плоть срезать придётся, много и на живую. Я в этом месиве ни черта не разберусь. В голове крутилась какая-то мысль про антисептики, а ухватиться сразу за неё и не смог.

Точно, старый дедовский способ, моча. Придется ей воспользоваться, и с боком тоже, прежде чем залечивать раны. Да не совсем эстетично, за то практично. Хотя можно же и другим средством, точно, точно, здесь оно всяко должно быть.

— Дорге, дядюшка Дорге, — я закричал.

— Аюшки, — и он выглянул из-за избы.

— Не надо лечебной мази пока что, деготь надо березовый, и еще нож нужен с узким лезвием, шириной в палец или в полтора.

— Деготь-то есть, а вот нож такой, даже и не знаю.

— Может, лезвие где сточилось или выправили, вот и получился такой.

— Мда, — только он и молвил и, почесывая затылок, ушел.

Спустя пару минут Хотен принес котелок, исходящий паром, внутри которого была ткань.

Прекрасно, конечно, только на кой он это все приволок.

— Хотен, ткань сейчас достань и повесь сушиться, гляди только, чтобы она на землю не свалилась или не замаралась.

— Сделаем, — и он вновь утащил котелок, я лишь улыбнулся.

Дождавшись, когда Дорге принесет туесок с дегтем, я на него посмотрел, хотя в нем ничего не понимаю. Деготь и деготь, воняет, тянется, словно клейкая масса, надеюсь, подойдет.

Нож же, который мне также поднесли, подходил, лезвие длиной сантиметров девять, у основания ширина сантиметра два, которое сужается к концу, было видно, что он точеный-переточеный не один десяток раз.

Промыв и накалив, я вернулся к раненому.

— Дядюшка Дорге, держи Криста.

Выдохнув и собравшись с силами, я ввел нож в рану от клыка, которая уходила в тело на пару сантиметров, и сразу ощутил запах паленого мяса. А Криста свела судорога, у меня же затряслись руки. Это не гоблина дубиной по башке месить, я переживал, волновался, искренне хотел спасти Криста и не оставить калеккой.

Нож в сторону, на рану кладу руку и пускаю силу жизни, а сверху залить дёгтем.

И так с каждой раной от длинных клыков, после второй у меня перестали трястись руки, и я смог сосредоточиться. Остальные же раны прочистил горячим ножом, а там, где мне казалось, есть нагноение, я прижигал.

Следом пошла рана на боку. Я срезал кровавую корку недрогнувшей рукой, а потом силой жизни закрыл кровотечение, и так же сверху ложил деготь.

А вот с рукой я не спешил, примеряясь, как и что делать, не хотелось срезать какие-

нибудь жилы или еще что важное.

Перетянул тканью плечо, чтобы снизить кровотоки и Крист не истек кровью, пока я его лечу, хотя внутри мне казалось все это каким-то зверством, и хорошо, что он без сознания, а то я бы даже и не знаю тогда, что делал.

Выдохнув и прикрыв глаза, я вновь про себя проговорил, что спасаю ему жизнь как могу, как умею и что, кроме меня, больше некому.

После первого надреза искалеченной руки капли крови брызнули на траву, и у меня ушли все сомнения, надо быстро и четко все сделать. Нож так и мелькал в моей руке, чистя раны и обрезаая ошметки рваных мышц. Спустя несколько минут, хотя мне казалось, что это длится вечность. Я был весь в поту, а рубаху в прямом смысле слова можно было выжимать.

Так что, стянув ее, я сполоснулся в едва теплой воде и смыл кровь со своих рук, а другой котелок просто опрокинул на себя.

Холопы же смотрели на меня с удивлением, а в глазах дядюшки Дорге еще и читалось уважение, или мне просто хотелось его там увидеть.

А что самое главное, после всех моих измывательств Крист был жив, он дышал. И в моем источнике сил плескалось чуть больше трети, и это хорошо.

Положив руки на Криста, а именно на грудь и на больную руку, я в который раз воспользовался своей силой, оставив в источнике чуть больше десятой части, ведь мне с утра опять лечить больного.

Переложив вновь его в избу, а перед уходом напоив, отправился домой, сил у меня оставалось немного, так что я просто рухнул на кровать и забылся богатырским сном.

Утром же, еще не до конца продрав глаза, я рванул в холопскую проверить Криста.

Возле его дома на откуда-то притащенной лавочке меня встретила сестра, которая спокойно сидела, крутя в руках подаренного ей деревянного коняшку.

— А ты что здесь делаешь? Тебе что вчера отец сказал?

— Он разрешил к Кристу сходить.

— Ну, сиди тогда, раз разрешил.

Возле лежанки Криста стоял наполненный кувшин. Хотя я прекрасно помню, что вчера всю воду из него потратил.

— Эта я его поила, — раздался голос сестры.

Откинув покрывало, я обратил внимание, что штаны Криста отсутствовали, а его гениталии были укрыты отдельно, да и видно было, что его протирали.

— Это тоже ты? — я кивнул на больного.

— Неа, холопки, — и Варна грустно вздохнула.

Приложив руку к Кристу, я понял, что жар спал. Надеюсь, это хороший признак.

— Ухаживать, я погляжу, за ним взялась.

— А как же.

— Тогда Дорге найди, пусть гуся зарубит да бульон сварит не сильно соленый, этим бульоном поить его будешь, мясо не давать, он жевать не сможет, а бульон можно. Поняла? — я оглянулся на сестру.

— Хорошо, — только и кивнула она, сразу убежав.

Ощувив внутри себя источник, я понял, что сила частично восстановилась за ночь. Если полностью источник восстанавливается за двое суток, то в среднем за двенадцать часов восстанавливается двадцать пять процентов, и вчера где-то у меня одна десятая оставалась, по ощущениям и по подсчетам, должно быть где-то процентов тридцать пять, может,

больше.

Так что вновь наложил на Криста руки, и сила жизни растеклась по его телу, по примерным прикидкам, потратил одну пятую от наполненного моего источника или двадцать процентов.

Проверив раны под повязкой, толку-то, один деготь и видно, маркий он, эх, весь перепачкался, пока снимал. Так что сверху нанес просто новый слой.

Надо будет для левой руки Криста накладку какую изготовить или лубок, а то очнётся, явно будет пытаться руками махать, а этого не хотелось бы.

Вернувшись на наше подворье, я увидел, что отец проверяет кольчугу, рядом с ним находилась другая его сбоя. Понятно, скоро отбудет нести храмовую стражу.

На следующий день ближе к обеду очнулся Крист, о чем известила меня радостная Варна, у нее в глазах плескалась радость, ухватив за руку, она потащила меня к больному. Расхваливая мои лекарские таланты. Крист был бледен и слаб, еще бы, чего еще ожидать. Остальное мое лечение свелось к тому, что я наполнял утром и вечером его силой жизни, да раны смазывал поначалу дегтем, а после лечебной мазью на травах.

Сообщил ему новость, что он отныне не холоп, а вольный муж.

Мне казалось, он обрадуется. Вот только я ошибся.

— Мне теперь уйти надо будет, да, Яромир? — в голосе его была грусть и тоска, словно мы его выгоняем.

— С чего ты взял такое, дурашка, захочешь уйдешь, захочешь останешься, то твое дело, ты теперь сам за себя решаешь. Никто тебя не гонит. Останешься, дом справим да с хозяйством поможем, а может, и вовсе у нас будешь работать.

— Правда? — в его голосе была надежда. И я понимал отчего. Вот только как к этим, вероятно, зарождающимся отношениям с Варной относиться пока не решил.

Отец же убыл через два дня, как Крист очнулся. Я же остался хозяином, так сказать.

А дальше пошло все по накатанной, единственное, что портило настроение, дожди зарядили. Но выдавались и солнечные деньки.

Крист начал уже вставать и ходить, но все же слаб, правой рукой вполне уверенно двигал, а вот левая еще до конца не зажила, пальцами шевелить может, и хорошо, а вот сгибать больно, ну, это и понятно, заживет, разрабатывать надо.

После обхода хозяйства ближе к обеду направился к Кристу, хоть и с утра там был, но Варна все время там крутится и за ним ухаживает. Крист хоть парень и с головой, но мало ли.

Подходя к холопской, я услышал голос мамы, повернув за угол, увидел гостя, которого совсем не ожидал застать.

Хотя казалось, мы только недавно с ним виделись.

[1] Белебенья — пустоцвет.

14 Глава

Рознег о чем-то беседовал с Кристом, а рядом стояла мама и Смиляна, на лавке тихонько сидела Варна.

— Прадедушка Рознег, будь здоров, — и склонил перед ним голову, уважение надо показывать и чтить старшего родича.

— А вот и Яромир пожаловал, наслышан о твоих делах, наслышан, — и покивал.

У меня же забегали мысли, что я опять успел натворить.

— М? — только и вырвалось из меня.

— Отец сказывал, как ты спасителя Варны, почти из мертвых поднял, а я и не верил.

Фух, понятно, а то я уже и не знал, о чем думать.

— Да и Варну, не мешало посмотреть, вот и приехал, да и разговор к тебе есть, с отцом уже говорено.

Женщины, же молчали, чутко впитывая слова Рознего.

— А вы что уши развесили, али других дел нет, идите от седова, — дед свел брови, а его тон иначе как приказной нельзя было трактовать.

Мама со Смиляной переглянулись и подхватили Варну, отправились в сторону дома, даже Крист попытался сбежать не уверенной походкой.

— Болезный ты то куда, присядь, — и дед улыбнулся в бороду, — это бабам не след слушать мужских разговоров.

Крист же присел на лавку и пытался делать вид, что его нет.

— Посмотрел я парня, молодец спору нет, вырвал его из рук Марены[1]. Я то думал, что ты так балуешься, не серьезно в общем, — и дед махнул рукой показывая свое отношение. Будешь как и отец, мух ветром гонять.

Дед задумался, а я не перебивал его.

— В общем с Велерадом поговорили, к Снежане пойдешь умения набираться, да и я кой чего покажу, полезно это будет.

— А чего к Снежане деда? Не уж то ты меня умением своим без нее не научишь.

— Тьфу ты, вот вроде и испытания прошел и в Щецине со мной был, а словно дите не разумное. Коли придет беда, то силы одной без умения мало, — и начал давить меня своим взглядом, — думаю понял уже, тяжело было, Криста лечить?

— Тяжко дедушка, понимания нет, так измысливал только.

— Вот, — и дед поднял указательный палец, — измысливал он, да и не всегда сила помочь может, всякое бывает. А случись так, что несколько таких раненых будет, на всех силы твоей хватит?

Я же задумался.

— Нет, да и не хватило бы, точно не хватило, одного то еле вытянул, а о нескольких и говорить нечего.

— Вот и я о том, же сила наша это хорошо, но иногда ее одной мало, это я с тобой мудростью делюсь, я только силой и могу работать, умение конечно есть, но иной раз и его мало. Вот и пойдешь к Снежане в ученики умения наберешься, это полезно роду нашему, а то я стар уже и помереть могу.

— Хорошо, я понял. — и склонив голову в согласии.

— Беги тогда собирайся, бабам сказать можешь, а то начнут сейчас куда? Зачем? Нос свой совать. А я пока Криста осмотрю еще раз да подлечу.

* * *

Я смотрел на удаляющуюся спину деда, тяжело вздохнув повернул голову.

Снежана подставив свое старческое морщинистое лицо под лучи заходящего солнца, сидела на пеньке и отдыхала, словно нет меня на ее подворье.

Ее жилище располагалось не в граде, а отдельно на опушке леса, по дальше от людей и оно было огорожено, не знаю кто это сделал, но он постарался на славу. Частокол был двух метровым, толстые заостренные бревна, и ни одной щели. Частокол конечно по ниже чем в граде, но тоже весьма славно.

— И что же мне делать с тобой милоч? — она взглянула на меня одним приоткрытым глазом, цвет ее очей давно выцвел и его уже было не определить.

Старушка, маленькая и сухая, вся с горбившая от не посильной ноши прожитых лет. А вокруг нее летали два создания, которые просто и не замысловато прозвали в народе светлячки, не большие шары, чуть больше моего кулака, мерно пульсирующие и светящиеся голубым светом.

Я же пожал плечами.

— Не знаю, о чем вы с родичем Рознегом сговорились, мне он сказывал, что на учебу.

— Сговорились ишь ты. Разве с этим трухлявым пнем сговоришься нормально, словно князь какой указание дает. Важна птица, то же мне.

И бабулька попыталась изобразить эту важну птицу, расставила руки в стороны и попыталась им махать.

У меня не произвольно вылезла улыбка, это смотрелось забавно и в тоже время мило.

— Уйдите, разлетались, — она махнула рукой отгоняя светлячков от своего лица.

— Ох, горе ты мое, ладно был бы ты девкой тут ясно и понятно чему и как учить, не одна у меня была ученица, но ты то муж, эхх. И бабулька горестно вздохнула и о чем-то задумалась.

Мне же надоело стоять словно вкопанному, так что я уместился на ближайшем пеньке, а их во дворе стояло не сколько.

— Ну будь ты девкой все же было легче, ты не девка случаем? — и Снежана с хитрецей на меня посмотрела.

— Нет я муж.

— Ха, муж, то же мне, а докажешь чем?

Надо мной что издеваются что ли, похоже так и есть. Ну бабуля я же тоже шутки шутить умею.

И я начла расстёгивать ремень, а после и завязки на штанах, бабуля наблюдала с хитринкой.

— Ты это что удумал то милоч?

— Как, что не верите же мне, вот портки снимаю, щас все покажу.

— Уууу, бесстыдник, — и Снежана погрозила мне клюкой. Срамота, эх что я там не видела то, ладно пошуткавали и будя, — в глазах у старушки бегали бесенята, да и лицо разгладилось от едва видимой улыбки. А потом ее лицо стало серьезным и она продолжила

словно размышляя в слух.

— Заговором на болезни тебя учить, так они все к женской силе идут, да божьей Макоши да Живе, мужу они будут бесполезны, а мужских я и не ведаю, эх, ну что же тут поделаешь — и Снежана всплеснула руками, — подумаю над этим. Ладно пойдем балагур покажу где спать будешь.

Снежана с кряхтением поднялась опираясь на свою клюку и маленькими бодрыми шажочками за топала в сторону одного из домов.

Открыв одну из дверей и указала на помещение.

— Здесь значиться гостевать будешь, обычно здесь спят те кто у меня на излечении задерживаются, теперь и ты будешь, а ежели кто-такой появиться значиться вдвоем и будете, за одно и присмотришь, балагур.

— Ежели, что надо будет скажешь мне или вон лучше у родича своего возьмешь. За одно завтра к нему сходи да корма себе возьми, а то я такого лба и не прокормлю, я женщина уже старая. Все отдыхай и махнула мне рукой, пошамкав в другую сторону, а светлячки летели покачиваясь в воздухе из стороны в сторону рядом сопровождая старушку Снежану, словно два веселых песика. Но готовые при любой угрозе встать на защиту лекарки.

Отвернувшись от Снежаны, я шагнул за порог.

— Мда. Чистенько конечно, но не хоромы, не хоромы. Даже не изба.

Халупа как она есть, а впрочем пойдет. Одна единственная комната посередине каменный очаг, который топиться по черному, а дым выходит через духовое окно, ну это нормально.

Эх что-то я разпревередничался, а ведь буквально не давно и вовсе по чистым небом спал в шалаше.

В помещении было две широкие скамьи вместо кроватей и пару сундуков вот и все убранство.

Подняв крышку сундука, в нем лежали какое-то барахло, во второй же был пуст туда я и сложил вещи. Предварительно достав не большое одеяльца и укрывшись, завалился спать.

* * *

Утро красит нежным светом.

Эх моя спина, я пытался разогнуться хрустя спиной и делая зарядку. На этой чертовой лавке за ночь спина затекла, не согнуться нормально не разогнуться. Надо бы у деда шкуру какую-нибудь взять, на лавку стелить, а то себя древним стариком ощущаю.

Размявшись не много выпустил силу жизни в свое тело заставив себя подлечить, ух хорошо то как.

По жевать бы чего, но насчет еды вчера было Снежаной все сказано, так что объедать старушку будет действительно не красиво.

Найдя Снежану предупредил, что до прадеда пошел и напавился в город, благо идти минут двадцать.

По дороге мимо пашен и леса, в ворота на которых стоял один вооруженный воин, но не из храмовой стражи. Здороваясь со встречными людьми, пройдя площадь города, вот я и возле подворья старшего родича.

— Яромир, — меня окликнула Мирослава, — ищешь чего?

— Да, Рознега.

— Так он по зорьке в Храм ушел обряд в честь Триглава проводит, он сказывал ты можешь прийти и что в учениках у Снежаны теперича.

— Понятно, — прадед видать на долго там, что сидеть дожидаться теперь его?

— Может надобно тебе чего? — Мирослава улыбнулась, мне по-доброму.

— По жевать бы чего, да кормов каких, а то как вчера Снежана сказала, такого лба она не прокормит и шкура может есть какая, а то спать не возможно, — я решил прямо сказать, что мне потребно, а Мирослава сама решит что может дать, а что и родичу моему передать.

— Сейчас на ложу по снестать иди присаживайся.

И через пол часа я был на кормлен и напоен и жизнь была хороша.

А рядом возле ног покоилась снесь в мешках а по верху большая шкура.

Собравшись уже возвращаться назад, в подворье вошел Говша, неся за плечом сеть с не большим уловом. Приживается здесь, это хорошо.

Он уже не выглядел исхудавшим и заморенным, отъелся, и Рознег всяко подлечил. Да и взгляд уже не пустой и без жизненный.

— Здрав будь, Говша.

— О Яромир и ты будь здоров, к Рознегу поди пришел?

— Ага, я у местной лекарки теперь в учениках. Ты как, обживаешься?

— Да хорошо тут, как родного приняли, словно дома — и у Говши начал дергаться глаз, словно нервный тик, а может это он и есть.

— А ты ехать не хотел, — я постарался улыбнуться по-доброму

— Было дело, чего уж там, — и он смутился.

— Говша у меня просьба есть, я помню как ты на божьем суде бился, сможешь мне пару ухваток показать, да может еще чему научить?

— А что не показать то, конечно покажу, щиты только у Рознега спрошу.

— Добро, — и подхватив пожитки я отправился на место своей учебы.

Возвращаясь прежней дорогой вдоль кромки леса я наслаждался тишиной и красками осени. На деревьях висели желтые и красные листья, а под ногами шуршала пожухлая трава. А этот запах, этот аромат увядающей природы, готовый отойти ко сну, в преддверии наступающей зимы.

Мне он всегда казался чем-то выдающимся, чем то особенным в той жизни, но и сейчас я поймал это прекрасное мгновение. Я остановился и замер, боясь его спугнуть, я наслаждался.

У каждого времени года есть свой чарующий аромат, но только аромат осени вызывал у меня такие трепетные чувства.

Скоро пойдут дожди и воздух будет влажный и тяжелый, запах осени словно усилиться, словно сама природа прощается до весны, ведь она скоро уснет и застынет под белым одеялом из снега и льда.

— Долго что-то тебя носило, я уж надеялась что и не вернешься, все думала отучился, не пошла в прок тебе моя учеба. — услышал я голос Снежаны стоящий возле дома и опираясь на свою клюку, она улыбалась, а возле нее порхали ее светлячки.

Снежана улыбнулась, а после добавила: Расторопней надо. Пошевеливайся давай, да начнем.

— Эх вредная бабулька, но с юмором этого не отнять, — горестно вздохнув я закинул вещи в избу.

Снежана вновь сидела на пенечке и грелась.

— Чего там тебе из снеди дали, в избу занесешь ко мне, придётся и на тебя готовить, а то будешь каждый день так бегать, то какая учеба будет то? Пошли есть для тебя задание. И поднявшись на правилась за избу, где располагался летний очаг а при нем стол.

Подойдя к столу на котором стояла глиняная миска, в которой лежали высушенные травы.

— Вот значиться, — и она указала на миску. Здесь травы их тебе надо разобрать, ромашка к ромашке, солодка к солодке, шалфей к шалфею.

— Э, — я осмотрел травы более подробно, сухие и похожие друг на друга, лишь изредка можно было различить ту же ромашку. Так они же здесь почти все одинаковые как я это сделаю?

— Руками, руками. Все делай, — и оставив меня у шлепала.

Вот только светлячки остались кружиться рядом словно присматриваясь ко мне и желая познакомиться по ближе.

На ладонь сел один из светлячков. Легкий, мне казалось они не весомые раз парят, но вес все же есть хоть и не большой, грамм сто, может больше. Его прикосновения приятно холодило кожу, а шарик начал потихоньку мерцать словно общался со мной.

Захотев его погладить другой рукой, только я начал ее подносить как шарик перестал мерцать и словно вздрогнул и между ним и моей ладонью проскочила искра, на поминающую маленькую молнию.

У меня онемела ладонь, а он вспорхнул и от летел от меня на другой край стола. Где к нему присоединился его товарищ и они начали оба мерцать.

— Вот черт, — ладонь и пальцы я не чувствовал словно, в кололи обезболивающее.

Пустив в руку силу жизни, онемение начало проходить.

— Так вот как вы жалите, значит.

Светляки заинтересовались моей силой и подлетели ближе, не рискуя вновь садиться на руку.

Усилив исходящий поток силы жизни, я все же поднес руку поближе. И спустя пару секунд они устремились в поток моей силы, они словно нырнули в него. И начали поглощать кусочки моей силы, словно впитывая.

Хм, мне казалось, что им это приятно и нравится. Убрав поток силы, светлячки начали тыкаться в мою ладонь, словно требуя еще. В этот момент я понял, что у них есть какой-то свой разум, словно у собак, а может даже и умней будут.

— Хех, колобки летающее, ладно потом еще добавлю. Все не мешайте, и я махнул рукой отгоняя их, хоть в этот раз не ужалили и то хорошо.

Ну с начнем. я облокотившись на стол и подвинул к себе миску заполненную различными травами.

Я ощущал себя золушкой которую заставили перебирать фасоль и горох, только это сделала не злая мачеха, а вредная бабуля. Ладно учеба есть и учеба и как же мне их отличить, я пошарили рукой в миске, и вытащил первую попавшуюся травку, хм а это мысль.

После обеда пришла Снежана, ее шумная походка давала о ней знать, за долго до самого появления.

— Как справился, — в ее голосе была насмешка, но я бы не сказал, что злая, скорее выражала сомнение в моих способностях, справиться с ее заданием.

— Вроде, как.

— Ну ка, ну ка. Хм, а ты не полный остолоп, каким мне показался.

Я же лишь пожал плечами.

— Не полный, но все равно остолоп. Ты за чем череду с лапчаткой вместе сложил, остолоп он и есть, остолоп, — и старушка горестно вздохнула и грозно посмотрела.

— А так молодец, в травах же ты не разбираешься? — и с прищуром на меня посмотрела, словно подозревая в обмане.

— Нее, куда там, разве что ромашку от шиповника отличу. По запаху разобрал, они пахнут по разному, вот и разобрал по кучкам.

— Ладно пойдем, а потом началась учеба. Летели дни, сливались недели, проходили празднества, но все как-то мимо меня.

Виды лекарственных трав, как их собирать и когда, как их подготавливать и сушить. Ааааа, у меня голова кругом шла. А так же их применение, какие-то так сказать взаимоусиливаются, а если другие смешать у них вообще может отсутствовать эффект. А не которые при не правильной приготовлении вообще в отраву превратиться. Разницу между отварами и настоями. В том числе их варка, а так же создание порошков и мазей, а еще экстрактов. Хотя Снежана применяла другой термин. А еще пациенты, я так про себя их называл, у кого жар, у кого перелом, а у кого-то запор, у другого наоборот. Отвары Снежаны и моя сила жизни творила чудеса. Хорошо хоть, что по-настоящему тяжелых пациентов не было.

По началу я просто наблюдал, что делала Снежана, а после как она заканчивала и человек уходил, она объясняла мне, что и как делала, а потом и меня начала подключать видя, что я ни чего не испорчу.

А еще роженицы отдельная песнь, воды наноси баню протопи и держи всегда теплой в любое время дня и ночи, а баня-то по черному топилась, дым коромыслом.

Потом уйди и не мешай, присутствовать нельзя, ну это и понятно, хорошо хоть в лес не уходят рожать. Считается, что во время родов грань между мирами истончается, так что роды это целый обряд. Благо после того как роженица уснет, мне Снежана тихонько давала младенчика, что бы я на него силой жизни воздействовал. По идее нельзя, я все же чужой, но Снежана так делала, и на новорожденном это сказывалась хорошо.

Расплачивались пациенты, кто чем горазд, кто тканью, кто деньгою, а кто и снедью. Часто к Снежане еще приходили помогать по хозяйству, родичи тех людей которым она помогла или с города кто из вольных людей сам приходил, иногда просто холопа отправляли оказать старой лекарки помощь по хозяйству.

У Снежаны как я узнал было пять учениц, сейчас они все в других местах своим делом промышляют. Ежели со Снежаной что случиться, кто-то из них приедет сюда и займет ее место.

Рознег действительно тоже кой чему научил, как с помощью силы жизни человека в сон погружать, дабы он боли не чувствовал, до меня не сразу дошло как это делать, так что родич ругался и остолбеней[2] называл. Нужный это навык, погрузил в сон и ни какой анестезии не надо. Хотя Снежана свою анестезию использует, отвар конопляный делает, да такой что пациента сразу уносит в далекие дали и делай с ним, что хочешь.

Дед еще обещал научить как с помощью силы, раны смотреть внутренние, али кости где сломанные, я не сразу понял о чем это. Но похоже будет у меня аналог рентгена, главное освоить его науку.

Свободное время было хоть и не много, проводил в основном в тренировках, лист в

потоках ветра гонял, эту силу тоже надо развивать, вот и занимался.

Да и Говша ухватки показывал, и бои с ним потешные устраивали, опыт нужен чем больше таких поединков тем больше шансов, что в настоящем бое не оплошаю, так что занимался.

* * *

Сидя на лавке, в тусклом свете лучины, лезвие ножа ходит по деревянной заготовке, на пол летят мелкие щепки. Еще пару вечеров и фигурка воробья будет готова. Осмотрев внимательно еще раз, хм а получается не плохо. А что мне еще по вечерам делать, Снежана спит, мне скучно вот и ковыряю.

За дверью я услышал какие-то звуки, и прислушался. Точно кричат. Не уж-то приперся кто, на ночь глядя или случилось чего. Все-таки ночь на дворе.

Эх, отложив в сторону заготовку, придётся идти смотреть, не Снежане же идти. Да и не пойдет она ни куда. Зная, что и я могу разобраться. Нацепив пояс, в петлю топор, мало-ли кто может шастать. На плечи шкуру накинув, движение рукой и порыв ветра сорвавшийся с моей руки гасит огонь лучины.

Открыв дверь шагнул на улицу, морозец сразу начал пощипывать кожу, а изо рта валить пар, под ногами скрипит снег, да вот такая она зима, ведь сейчас месяц грудень[3].

А из-за ворот раздавался крик и ругань. Подойдя я заглянул в щелку, люди как они есть.

— Чего надо. Кого там принесло?

— Открывай ворота. Собака. — раздавался из-за околицы хриплый, не много простуженный голос.

Вот это поворот, я аж охренел от такого обращения.

— Ты эт кому? — вырвалось у меня.

— Тебе, — голос был нагл.

Он там, что белены объелся, али грибов каких отведал. Я те щас покажу собаку, ты у меня жабой квакать научишься.

С плеч летит шкура, а по телу проноситься поток силы жизни наполняя меня. Снять шеколду и калитка отлетает в сторону.

[1] Богиня смерти, стуж и зимы.

[2] Дурак.

[3] Декабрь.

Взгляд выхватывает стоящего за воротами бородатого мужика, который щерится наглой улыбкой.

А мой кулак уже летит в это мерзкое рыло. Тело напитано силой жизни, удар должен выйти на славу. В глазах у мужика успеваешь мелькнуть удивление, и он отлетает в сугроб после встречи с моим кулаком, а с его головы сносит шапку. Беглый взгляд, оценка обстановки, передо мной стоят двое мужиков и держат носилки, даже не пытаюсь дернуться в мою сторону. Плевать на них, не лезут — и хорошо.

— Убью холопа, на смерть запорю собаку, как посмел? — мужик еще не до конца оклемался, но приподнялся на локте и всю дерет горло. Он меня что, за холопа принял, вот дурачок какой.

Прыжок в его сторону, и, как заправский футболист пинает мяч, так и я бью с ноги ему в голову, хорошего удара, к сожалению, не вышло, он откинул немного голову, и я смазал. Его отбрасывает назад, и мягкая белая перина из снега принимает его в объятья. Добавляю ему еще раз с ноги в живот и ставлю ногу на грудь.

— Ты на кого брехать вздумал, шавка, кого убить да запороть собрался, ущербный, — злость я выплеснул, и на ее месте осталась холодная ярость. Ну вякни только что-то, давай.

— Яромир, — я услышал голос Снежаны, что стояла в воротах, а над ней, словно два летающих фонарика, парили светлячки, окутывая округу своим синим светом. А на улице и так все видно, звезды горят, ярко отражаясь в белом снеге.

— Иди в прорубь нырни, да успокой свой гнев. А то убьешь ненароком, ты почто его так?

— Он меня собакой назвал, да запороть обещал, насмерть.

— Понятно, — Снежана протянула со смешком, — оставь этого сдергоумка[1].

— А вы чего встали, а? Чего у вас там? — Снежана обратилась к застывшим мужикам.

— Вот значит, — и они развернули носилки с телом, Снежана откинула шкуры, и я увидел мертвенно бледное лицо Валуга.

Вот и свиделись наставничек.

— Хм, ладно, заносите, Яромир покажет куда, а потом этого во дворе где бросьте, — лекарка указала на поверженного мной противника, который был без сознания, — неча за оградой оставлять. Яромир, проследи.

Отвернувшись, она направилась в свой дом.

Чую, ночь будет длинной.

Разместили Валуга на лавке у меня в избе.

Я вернулся за побитым мужиком, он все еще был без сознания, видать, крепко ему вдарил, перетащив его на подворье и оставив возле ворот.

А мужики сопровождали меня словно тени, шли они почти бесшумно, лишь иногда скрип снега выдавал их.

Охотники, что ли?

Зайдя в избу, первым делом вновь поджог лучину.

— Здравствуй, Яромир, — раздался слабый голос наставника.

— И ты будь здоров, наставник Валуй, не думал, что так с тобой свидимся.

— Не наставник я тебе более, да я тоже не думал, видишь, как вышло, — и он слабо

улыбнулся.

— Но были же мои наставником. Что случилось-то?

— Глупость, Яромир, глупость, надо было сразу, думал, так пройдет, не прошло, — его голос звучал все тише, а в конце он слабо закашлялся.

— Все, отдыхай, все будет хорошо. Снежана настоящие чудеса творит, да и я помогу.

В этот момент в избу вошла старушка, и в избе сразу стало светло, мерное сияние светлячков разогнало полумрак.

— Ну, рассказывайте, — и Снежана посмотрела на молчавших мужиков.

Я тоже к ним пригляделся, охотники, точно, одежда их выдавала и движения, значит, не ошибся. Оба с растрепанными бородами, лица обветрены, у одного борода была вся седая да лицо в морщинах. Так что про себя я их назвал молодой и старый.

— Медведь-шатун завелся, в лесу мужика задрал, вот, — старый переступил с ноги на ногу и продолжил: — Рожон на медведя поставили, да приманку, он вроде и застрял. Тут и колоть его начали с разных сторон. Рожон Валуй держал.

Старый охотник затих, и подхватил рассказ молодой:

— Да только медведь соскочить смог, Валуй отпрыгнул, но медведь его зацепить успел. А там и мы медведя добились. Вроде медведь всего лишь кусок мяса содрал. Так мы мазью намазали, да замотали, вот и все.

Валуй ходить даже начал на следующий день, а потом занемог, мы посмотрели, гной сочиться начал. Вот и прибыли сюда, сутки в пути без роздыха.

— А ты Тихомиру в морду, устали и спешили, вот он и разошелся, — вздохнув и с неудовольствием взглянул на меня молодой.

Мне даже неудобно стало под их взглядами, ведь действительно мужики сутки на ногах, товарища несли, спасали.

— Ясно все, — подвела итог Снежана. — Несите вашего Тихомира в избу, а то околет, поди, лечи потом его.

Охотники отправились за побитым, а мы со Снежаной аккуратно начали разворачивать Валую, он был завернут в шкуры хоть и неаккуратно, но со всем старанием.

И как только мы с этим закончили, в нос ударил запах немытого, потного тела и подгнивающего мяса. Часть ноги ниже колена, голень имела черно-синюшный оттенок, а из раны сочился гной, мертвая плоть, она же гангрена.

— Твою-то душу, — у меня вырвалось сквозь зубы.

А Снежана села на лавку, горестно вздохнула и всплеснула руками.

— Остолопы, как есть остолопы.

Затащив своего товарища, охотники аккуратно положили его на свободную лавку.

— Вы остолопы, — лекарка сразу поставила вердикт умственным способностям охотников, — сразу надо было идти сюда, дотянули.

— И что делать-то?

— Ногу ему рубить надо, может, жив тогда останется, — припечатала Снежана.

От Валую донесся полувсхлип, полустон, я слышал, как скрипят его зубы, и увидел, как по лицу бежит слеза.

— Чего встал, кали топор, я сказала, — Снежана обратилась уже ко мне.

— Снежана, — я начал говорить.

— Чего, Снежана, кали, я сказала.

— Снежана, а если попробовать спасти ногу?

— Да как же спасти-то. Че-то здесь богов не вижу, да и у тебя живой воды не найдётся, — она вновь сплеснула руками, показывая свое отношение к моим словам.

— Не найдётся, — я согласился с ее словами, — зато есть это, — я пустил силу жизни в руку, и зеленый свет засиял над моей ладонью.

— А ежели не сдюжишь, сил не хватит, помрет он, — Снежана грозно на меня уставилась, словно на врага.

— Прадеда позову, сдюжим вместе, да и ты не будешь в сторонке стоять. Справимся втроем, он будет жить и ходить. А ежели не выйдет, то сделаем, как ты и говоришь.

Свалился на мою голову ученичок, такое под силу только богам.

— Богам, — я кивнул, соглашаясь с ней, — и они сделают это нашими руками.

— Тьфу, мелишь тут всякое, да как у тебя язык повернулся сказать такое, окаянный.

— А разве я неправ? Разве худого хочу? — я тяжело вздохнул, меня начал утомлять этот спор.

— А делай как знаешь, — и Снежана махнула рукой, признавая мое право на попытку.

— Яромир, — в тишине раздался тяжелый хрип Валую.

Я наклонился к нему и он продолжил:

— Спаси ногу, мне без нее никак, я не смогу, удавлюсь. Я у тебя до самой смерти в должниках ходить буду. Спаси или дай умереть.

Вот же ж задница.

— Постараемся спасти.

— Снежана, — я обернулся к учительнице.

— Чего тебе, обормот? — старушка была не в настроении.

— Начнем с настоя твоего, из конопли.

— Так ты ж его усыпи, и вся недолга.

— Усыплю, только давай его лучше напоим.

— Ишь, приказы раздает, прям как Рознег, важна птица, — а после переключилась на охотников: — А вы тут чего расселись, быстро очаг разжечь уличный, да воды нагреть нам не с руки будет этим заниматься. Пошли, пошли, — Снежана замахала руками.

Я вышел вслед за ними на улицу, охладиться и собраться с мыслями.

А ведь я хотел Валую в морду дать за то, что он мне пальцы сломал в тренировочном бою, обиделся я на него тогда сильно.

А сейчас от меня зависит его жизнь, превратности судьбы. И, видя его состояние, мне было его жаль. Тем более он отчетливо понимает, каковы его шансы на благополучный исход, но все равно верит и надеется. Вера — сильная вещь.

Немного еще постояв на морозном воздухе, я основательно продрог и вернулся обратно.

Я смотрел в глаза Валую и видел в них боль и надежду. Надежду на меня, что я справлюсь. И мне было неловко от этого.

Второй раз передо мной лежит человек, словно на хирургическом столе. Только я не хирург, да и неизвестно, смогли бы хирурги спасти его ногу.

Плевать. Я смогу.

Когда я прикасался к ноге наставника, пытаюсь понять, где живая плоть, а где уже мертвая, он смотрел на меня словно с укором, лишь крепче стискивая зубы.

Силен, я уверен, что у него сейчас такая боль, что с ума сходишь и выть хочется. А как иначе, если у тебя полноги мертво, еще и гниет к тому же.

Гной и гангрена, у него явно кровь порченая, а ее не очистишь, капельницу никакую не

поставишь и антибиотик не вколешь, только надежда на магию жизни. Сейчас только на нее и надежда.

За прошедшее время и активную практику у меня вырос размер резерва с магией, не на порядок, конечно, но, как я чувствую, на добрую треть. Это хорошо, больше сил я с могу влить в Валуя.

Услышав шум на лавке, я повернул голову и увидел, как поверженный мной Тихомир принял сидячее положение, держась за голову.

Пришел в себя бедолага.

Лицо все в крови, да, неплохо я его оприходовал.

— Это ты меня, что ли? — он сверлил меня взглядом, но в драку не спешил бросаться.

— Да, — просто ответил и вновь повернулся к Валую, пытаясь прикинуть, каким образом лучше действовать.

— Давай выйдем, ежели не забоишься, — Тихомир, шатаясь, начал подниматься с лавки.

Да е-мое, мужик, ты серьезно? Вот тебе это надо? Может, я ему последние мозги выбил?

— Тихомир, — раздался еле слышимый голос Валуя.

Этот-то куда лезет. Не дав продолжить раненому:

— Оно тебе надо? Или тебе мало досталось за слова твои? Али ты думаешь, будет иначе? Тебя сейчас и Снежана клюкой забьет. Вы Валуя сюда зачем тащили? Так что иди и помоги своим друзьям и не мешай мне. Сам виноват, думать надо кому и что говоришь

— Я думал, ты холоп, — растерялся охотник.

— Не холоп я. Оттого и взъелся. Не мешай.

В этот момент в избу зашла Снежана, неся в руках питье для раненого. Над ней, как и всегда, кружили светлячки, в помещении сразу прибавилось света.

Эх, как-нибудь бы их зафиксировать, что бы они над Валуем висели и свет давали, а не за Снежаной таскались, вот здорово было бы. А то при свете лучины такую операцию проводить, это извращение.

— О, очнулся сдергоумка. Чего встал, глаза пучишь, иди морду умой, а то страшный, аж смотреть невозможно. И воды теплой принеси, не мне же ее таскать, — и замахала на него клюкой.

— Вот питье, — и поставила передо мной кружку с конопляным отваром.

— Этот сейчас, — она кивнула в сторону ушедшего Тихомира, — воды теплой натаскает. Да и я сена принесу, а то весь пол кровью зальешь.

— Хорошо. Снежана, а можешь попросить светлячков, чтобы они над Валуем летали и свет давали, а то с лучиной видно плохо.

— Ха, возьми да сам попроси, что, языка нет? — старушка с укором на меня взглянула. — Авось и послушают тебя.

Вот вредина старая.

— А они поймут?

— Это как просить будешь, — ответила мне с ехидцей в голосе старушка. — Они к тебе хорошо относятся, вы вроде даже подружились, — и погладила пальцем одного из светлячков.

Подружились? Что-то не особо заметил, или то, что они меня не жалят и дают к себе прикоснуться, она про это?

Попросить да, ну-с попробуем-с.

— Мне нужна ваша помощь, можете одарить своим светом. Я человека буду лечить, — я смотрел на парящих светлячков, вглядываясь в них.

После моих слов они начали мерцать, словно затеяли разговор, но ко мне не подлетели.

— Да кто же так просит, — Снежана покачала головой. — Ты же знаешь, им твоя сила приглянулась, так поделись чуток, вот же ж неслух.

Тоже верно. Попробуем еще раз.

Вытянув вперед руку, я пустил силу на ладонь, как бы предлагая ее светлячкам.

— Друже, одарите меня своим светом, пока раненого лечу. Худо без этого будет.

Я не только проговаривал эти слова вслух, но и мысленно думал о помощи, которую у них прошу.

Светлячки сначала медленно двинулись по воздуху в мою сторону, словно неохотно. Их мерцание почти сошло на нет. И вот они уже кружат над моей ладонью, впитывая силу жизни.

А спустя миг они начали активно мерцать. Видимо, они так действительно общаются.

Один из них ярко мигнул и полетел в сторону Снежаны. Видимо, смогли договориться.

Все-таки они меня поняли, и теперь нет ни каких сомнений в их разумности.

— Спасибо, — я обратился к нему и еще немного подкормил светлячка крохами силы.

А после повернулся к Валую, приподнял руку со светляком чуть выше и аккуратно убрал. Светлячок остался парить в воздухе.

Да будет свет.

— Ну, все, разбирайся дальше, — и Снежана покинула нас.

Напоив конопляным настоем Валую, дождавшись начала его действия, я силой жизни погрузил его в сон.

Если бы не этот настой, я и не рискнул бы делать эту операцию. Ведь моя способность погрузить в сон не наркоз. И были мысли, что Валуй сможет проснуться от боли. А так есть шансы, что под психотропным настоем он будет спать крепче и если даже проснётся, я смогу повторно погрузить его в сон. Да и место операции не совсем удобное, надо будет Валую перевернуть на живот, а то по-другому срезать плоть с его голени несподручно будет.

Эх, научиться бы отключать боль, это было бы прекрасно, и никаких сомнительных настоек не понадобилось бы. Хотя погружать в сон тоже неплохо. Просто тяжело, не в плане траты силы, а в плане ее контроля тонкий процесс.

Заслышав скрип двери, я оглянулся. Это вновь была Снежана. С охапкой сена в руках.

— Вот постели, а то все в крови будет, не отмоешь потом. Сейчас ножи эти дружки евойные принесут, да ткани, те, которые ты приготовил, как ты их называешь, бинты? Чудное слово.

Через пару минут рядом стояло ведро с горячей водой и ножи, которые прокалили на огне, остывали в глиняной чаше.

Раздев Валую и перевернув на спину, я начал его омыwać. Смывая грязь с его тела, это не заняло много времени, только непривычно мыть взрослого мужика. Так себе впечатления.

Снежана же разместилась на соседней лавке, иногда вставляя свои едкие комментарии. Старушка не делала попытки вмешаться. Показывая, что лечение полностью моя забота, помочь, пожалуйста, а за меня ничего делать не будет.

Это-то и понятно.

Вроде все есть, все готово, я еще раз осмотрелся.

Скрипнула дверь, и в помещение ввалились дружки Валуя в полном составе.

— А вы здесь чего забыли, а? — Снежана была сурова.

— Ну это, как бы? — начал самый младший из них.

— Помочь желаем, — вмешался Тихомир.

— Сами управимся, — голос Снежаны смягчился немного. — Мешаться только будете.

Огонь в очаге поддерживайте, и пусть всегда будет теплая вода, — она махнула рукой, словно их прогоняла, — все, не мешайте.

Охотники, переглянувшись, без лишних слов удалились, есть все-таки понимание, или со Снежаной спорить не захотели.

Омыв руки в теплой воде, я еще раз протер ногу. Выше колена крепко перетянул куском ткани, дабы перекрыть кровоток.

В ладони нож, и руки слегка подрагивают.

Чирк ножом, и прыснула кровь, вперемишку с гноем и еще какой-то вязкой жидкостью.

Я пластаю порченую плоть, словно мясник на скотобойне, это уже было с Кристом, и нет никакого волнения, я просто спасаю человека.

Мыслей тоже никаких лишних нет, только работа ножом. Вся лавка красная, кровь медленно капает вниз на сено. Пару раз подходила Снежана, осматривая мою работу, и слова не говорила. Молча подошла, молча посмотрела и молча ушла, все это я отмечал краем сознания, словно был в трансе.

Есть только цель очистить плоть, убрать порченное, тело должно жить. Валуи должны жить. Я старался это делать аккуратно, убирая кровь тканью, заготовленной под бинты. Убрать кровь, наметить, что срезать, и вперед. Никакой рефлексии, быстро и четко. Мясо пришлось снимать до самой кости, буквально пару миллиметров осталось здоровой и непорченной плоти. Хоть до самого колена зараза не дошла, и то хорошо, вокруг стопы тоже была живая плоть. Практически пришлось вырезать огромный кусок мяса, всю голень, не знаю, сможет ли Валуи ходить полноценно. Но работа сделана.

А теперь сила жизни, один из моих даров.

Сила разлилась по моему телу, и вот она полыхает на моих ладонях. И я вливаю всю свою силу без остатка в ногу своего наставника. Я вижу, как перестает литься кровь, закупориваются сосуды, и мне даже кажется, начинает нарастать новая плоть, всего миллиметр, не более, а может, мне это просто мерещится.

Все, я пуст.

Меня повело в сторону от слабости, которая мгновенно появилась в теле. Ноги словно перестали меня держать, и все это накладывается на бессонную ночь, полную нервной работы. Но я не падаю, меня останавливает Снежана, удержав своей тонкой старческой рукой.

— Иди присядь, дальше я сама, — и сажает меня на лавку.

На которую я обессилено рухнул. В голове туман, с трудом слежу за действиями Снежаны. Глаза так и слипаются.

У лекарки уже горшочек с мазью в руках. Наша совместная со Снежаной экспериментальная разработка. При варке мази я добавлял свою силу жизни, так еще и Снежана заговор сделала. Так что мазь творит чудеса с ранами, ускоряя их заживление на порядок.

Дождавшись, пока Снежана закончит, я нашёл в себе силы подняться и снять с ноги Валуя жгут, перекрывающий кровоток.

— Снежана, Рознега надо звать, пусть и он полечит, моих сил все же маловато еще.

— Хорошо, — и старушка сжала губы в недовольстве. Недолюбливает она моего родича.

Рухнув на лавку, я укутался шкурой и провалился в сон.

Пробуждение выдалось тяжелым, давило в висках. В избе обнаружались охотники, мирно спящие в уголочке друг на друге.

Валуу так же спал, дыхание у него было спокойное. Только похудел, это было заметно, и вид имел бледноватый.

Как выяснилось позже, с утра прибыл Рознег и наполнил Валуя своей силой. В дальнейшем так и повелось, что дед с утра лечил, а я с вечера. По моим прикидкам, в Валуя в сутки вливалось силы жизни примерно от одного до двух моих резерва, который был у меня на момент лечения Криста.

Ведь о размере резерва деда я не знал, но явно больше, чем у меня, а у меня и свой вырос.

Охотники ушли на следующий день, видя, что Валуу жив и помирать не собирается, даже поблагодарили. А мой конфликт с Тихомиром не получил продолжения, мы просто друг друга благородно игнорировали.

Валуя я рискнул разбудить только на третий день, дабы покормить нормально, а то он что-то быстро худел под воздействием силы жизни. Было предположение, что это происходит от того, что организм активно тратит свои ресурсы.

Будил я его, предварительно опоив конопляной настойкой. Все же опасался, что боль от недостающего куска плоти может свести его с ума. Но то ли боли были не такие сильные, то ли настойка их притупила, но наставника я смог нормально покормить и вновь уложить спать, таким методом я его и кормил седмицу. А после, наплевав на все, просто и без затей разбудил, нога у него болела и вызывала дискомфорт, а еще чесалась как проклятая под бинтами с мазями.

В итоге Валуу смог подняться только спустя девять дней после операции. Так, что мой дар к силе жизни настоящее чудо.

Махом руки я, конечно, не могу лечить такие раны, к сожалению. Наставнику было поначалу больно опираться на ногу, но постепенно он расхаживался, заодно и отъедался. Да так трескал, что Снежана ругаться начала на него.

Мол, здоровый лоб объедает старушку и бедного юношу, находящегося вдали от отчего дома. В общем, развлекалась и издевалась над Валуем на все деньги, так сказать.

Так что, когда Валуу окреп и смог более-менее ковылять, он предпочел скрыться в ужасе от неугомонной старушки, которая и мертвого могла достать. Не забыв уверить, что он мой должник до самой смерти.

Жизнь вошла в привычное русло.

И вновь понеслись тренировки с Говшей, ведь пока занимался лечением Валуя, пришлось от них отказаться и все время находиться рядом с раненым.

А тем временем на улице всю начало теплеть, земля сбрасывала с себя покров из снега, а с крыш слетала веселая капель. Весна близко, и уже скоро природа расцветет и наполнится красками.

Возвращаясь с тренировки от Говши, я обнаружил интересную деталь в дверях избы, в которой проживал у Снежаны.

А именно, в проеме маячила весьма симпатичная и привлекательная женская жопушка.

Видать, в помощь Снежане кого нового прислали. А девушка тем временем не обращала на меня внимания, продолжая заниматься своими делами, то ли полы мыла, то ли подметала.

В простом платье из серой небеленой такни и душегрейке, подбитой овчинной.

Из-под платья выглядывали чутка ее ноги, оголяя белую плоть. Симпатично.

Вдруг у меня ниже пояса помимо воли началось движение.

А движение, как известно, — это жизнь.

То ли девушка почувствовала мой взгляд, то ли снег под обувкой скрипнул.

Оторвавшись от своего занятия, она поднялась и оглянулась, откидывая назад свою русую косу, торчащую из-под шапки-треухи[2].

Она была молода, лет восемнадцати или около того.

А еще мила.

Круглолица и зеленоглаза.

[1] Полудурок

[2] Треух — старое название тёплой мужской шапки с наушниками и опускающимся задком.

Я всматривался в ее лицо — немного пухлые щечки с ямочками. Мило.

Под душегрейкой виднелись крупные груди. Они были словно спелые плоды, висящие на ветке, готовые упасть в любой момент. Стоило только протянуть руку.

У меня чуть не дернулась рука, ощупать эти самые плоды.

Рота, стоять, казанова хренов нашелся.

Девушка с прищуром и улыбкой на меня смотрела, так же вглядываясь в мое лицо. Молчание затягивалось.

— Здрав будь, девица, меня Яромиром прозывают. Ученик я лекарки Снежаны, — решил представиться и с вопросом на нее поглядел.

— И ты будь здоров, Яромир, а что, меня не упомнишь? — и усмехнулась.

Мозг заработал в форсированном режиме, пытаюсь вспомнить эту красу, а рука пыталась прикрыть движение, которое происходило у меня в штанах.

Блин, не помнил. Вот никак не мог вспомнить эту милую барышню, как ни вглядывался в лицо. Я бы ее запомнил, симпатичная и молодая. С хорошими формами, такие дамы запоминаются.

— Никак не упомню тебя, девица, может, ты меня с кем спутала? — я решил честно признаться.

— Ну как же, — девушка была удивлена. — На празднестве после вашего испытания и посвящения мы с тобой через костер прыгали, не упомнишь разве?

Мой мозг еще быстрее заработал, пытаюсь вспомнить эти события. Что-то такое мелькало, но алкоголь и встреча с богом затмили все в тот день.

Я лишь в смущении пожал плечами, признавая, что не помню.

Девушка грустно вздохнула, показывая печаль. А после улыбнулась.

— Божена меня зовут, в холопстве я у Возгаря, это родич Валуя. А правда, что ты его от смерти спас?

— Возгаря, а знаю, знаю, о ком ты. — Действительно знаю, по крайней мере, слышал. Добычей дегтя он занимается, да в хороших масштабах. Бочки с дегтем в Волин на продажу отправляет, а они там уж и дальше расходятся. Не бедствует, в общем, мужик.

А после ее слов о родственных связях между Валуем и ее хозяином у меня закрались подозрения. Это что, своеобразный подарок Валуя, или как это расценивать?

— Там все руку приложили к спасению Валуя, в том числе и я. — Вот здесь у меня сами по себе плечи расправились. Надеюсь, со стороны я не похож на надутого воробья.

Девушка отвела взгляд от меня, словно потупившись, и начала оглаживать и трепать свою косу. Это выглядело так, словно она со мной флиртует или заигрывает.

— А еще поговаривают, что на испытании ты встретил духов лесных, которые имели вид волков, и они вас не тронули, — она мельком взглянула на меня и вновь отвела взгляд.

Мда, чувствую, Гостивит нас на всю округу прославил, рассказывая эту историю.

— Встречал. — Я кивнул. — Только мне неизвестно, кто это был, духи али настоящие волки.

— А еще поговаривают, что ты Края на испытании спас от чудищ из лесного народца. Я видела это чудище в Устке, побитый такой и жалкий.

Да, я все-таки знаменит. Да и байка о лесном народце в народ пошла, забавно.

— И, опять же, я был там не один. Мы вместе бились плечом к плечу с друзьями. Жаль, Тишило погиб, он здорово нас выручил.

— Не кручинься[1], всякое бывает, зато вы живы.

— Это да. — попытался улыбнуться, но улыбка не лезла на лицо и наверняка вышла кривой.

— А вы чего это здесь, а? — неожиданно раздался скрипучий голос Снежаны.

— Да вот стоим, разговариваем, — решил я взять на себя удар.

— Видела я эти разговоры, хороводитесь, как волк с волчицей перед случкой, словно молодец и молодлица на Купалову ночь. — Снежана опиралась на клюку и с ехидцей нам все это выговаривала. — Тебя, Божана, зачем сюда отправили, по хозяйству помогать, так помогай. А то стоит, глазки строит моему ученичку, грудь выпятила, тьфу, срамота. А ты, Яромир, науку постигать пришел али на девок заглядываться? А ну быстро делом занялись.

— Так нет дел никаких.

— Я тебе ща найду, пойдём, — и Снежана меня поманила. — А ты чего застыла, иди давай, трудись.

И, развернувшись, почапала в сторону своей избы.

Снежана начала что-то тихо бормотать, но я все же услышал.

— Коль понравилась девка, да еще и глазки в ответ строит. Неча вокруг ходить. Схватил да на сеновал отволоку, и вся недолга. Стоят милуются, тьфу, противно, что за молодняк-то пошел, ничего не понимают. Вот в моё время, эх.

Вот старая перечница, такой момент испортила, а теперь еще и ворчит.

— Обожди, — кинула мне через плечо лекарка, заходя в дом.

Через пару минут она, кряхтя, переступила через порог.

— Вот, держи. — Протянула мне горшочек с целебной мазью. — Вот в Подолко отнеси, да Местятко передай. Не заплутаешь?

Знакомое село, знаю, где находится, только идти далековато.

— Так я пока доберусь туда да обратно, уже вечерня и наступит, — возмутился я немного, не хотелось по тающему снегу весь день таскаться.

— Вот и проветришься заодно, может, и вспомнишь, зачем тебя сюда Рознег послал.

Опять она начала эту песню, теперь пока раз десять не повторит, не успокоится.

Скривив лицо, я молча забрал горшочек и направился на выход.

Дорога до села прошла в размышлениях о способах познакомиться с Боженой поближе.

В кафешку на кофе или чашку чая не пригласишь, мороженым не угостишь. В голову ничего толкового не приходило. Хорошо, что она появилась. А то ведь весна наступила, щепка на щепку лезет. Таким макаром, я чувствую, через пару недель и на Снежану бы начал заглядываться против своей воли. Меня всего передернуло от такой мысли. Чур меня, чур.

От грустных дум меня отвлек шум. Видимо, сильно в себя ушел.

Подняв голову, я увидел, как двое отроков гонят впереди себя девчонку помладше, всячески ее оскорбляя и кидая в нее снежки.

Девчонка шла, сгорбившись, и прикрывала голову от прилетающих снарядов.

Очередной снежок сверкнул в бликах солнца и прилетел в затылок девчонке.

Та ойкнула и полетела на промерзшую землю. У нее выступила кровь на волосах.

— Вы что творите, засранцы, а ну пошли от нее, — вырвался из меня крик.

Парни рванули в сторону села, изредка на меня поглядывая. Я же поспешил к девочке,

чуть не навернувшись на скользкой дороге.

Пока добежал, она начала вставать, держась за голову. А рядом с ней лежал злополучный снежок, приглядевшись, понял, что это был полноценный кусок льда.

Уродцы малолетние.

— С тобой все хорошо? — я помог ей встать и отряхнуться.

— Да, — только и ответил мне детский, писклявый голосок. Взглянув на меня, она отвела взгляд и начала рассматривать окровавленную ладошку, которую до этого прижимала к ране на голове.

— Давай вылечу, — и я начал ее лечить. — Вот и все.

Девчушка только кивнула мне.

— Чего они к тебе приставали-то? — я стоял и рассматривал девчоночку.

На вид ей было годков восемь, маленькая соплюшка еще. Одета весьма бедно и непритязательно.

— Не знаю, они всегда так, — девчушка с задумчивым лицом стала ощупывать рану, — ой, не болит даже.

Она удивилась.

— Я же сказал, что вылечу тебя, неужто не поверила? — И, пустив свою силу в руку, я показал ей маленький зеленый огонек на ладони.

— Ой, светится-то как, да еще цветом таким, почти как звездочка, — девчонка замороженно смотрела на огонек.

Прикрыв ладонь, я подул в нее, отпуская силу жизни.

— Пойдем, провожу, чтобы больше не приставали.

Девчонка просто кивнула и зашагала за мной следом.

Пока шли по посёлку, я постарался разговорить девчушку.

— А что без шапки, на улице-то прохладно?

— Так нетути, — она пожала плечами. — У брата есть, ему нужней, он каждый день работает.

Вот оно как, выходит.

— Тогда держи, — я смахнул с себя шапку и надел на голову девчонки. — Будет тебе подарок от Яромира.

Шапка ей была великовата, и она в ней утонула по самые глаза.

— Благодарствую, — девчонка поправила свою обновку, сдвинув на затылок. — А меня Зорица зовут.

— Значит, ты сама на хозяйстве, Зорица?

— Ага, пока братец работает, я все сама делаю, и очаг топлю, и готовлю, и за скотиной смотрю.

— Хозяюшка, повезло брату с такой сестричкой.

Девчонка улыбнулась, было заметно, что похвала ей приятна, у нее даже щечки заалели от смущения.

— А вон там мой дом, благодарю, — и девчонка намылилась побежать домой.

— Зорица, постой, где Местятко живет?

— Так это дальше, на другой улице, пойдем покажу, а то плутать будешь, — не стесняясь, схватила меня за руку и поволокла вперед.

— Вот здесь, — мы остановились возле ограды.

— Благодарю тебя, Зорица, а то долго бы искал.

Девчонка улыбнулась и унеслась, держась за шапку, которая с нее спадала.

Пройдя в калитку, я осмотрелся.

— Эге-е-ей, хозяйева, хозяйева.

Спустя пару минут из избы выглянул сгорбленный и сморщенный старичок, кутающийся в шкуру.

— Чаво, чаво раскричался на всю округу, чаво тебе надо?

— Здрав будь, Местятко, — и я склонил голову.

— И ты здрав будь, добрый молодец, коль не шутишь, — прошамкал старичок беззубым ртом.

— Вот, Снежана тебе передает, — и я протянул горшочек с мазью.

— Ох, хорошо-то как, — и старик забрал у меня горшочек. — Благодарность и поклон передавай Снежане, — расплылся он в улыбке.

— Хорошо, передам обязательно, — я вышел с подворья, прикрыв за собой калитку.

А на выходе из села меня встретили три добра молодца.

Хотя для двух из них это был незаслуженный комплимент. Мелкие засранцы, которые Зорицу обижали. А кто это с ними, отец, что ли? Я присмотрелся, не похож, скорее брат старший.

— Пришлый, ты за что братьев забижаешь? — и рослый парень шагнул вперед, перегораживая мне дорогу.

Ничего себе, на меня пожаловались, что я их развлечения лишил.

Интересно выходит, они издевались над маленькой девчонкой, не способной дать отпор. А забижал их я.

Во мне начала разгораться злость.

Парню я не отвечал, продолжая спокойно идти по дороге, только на лице у меня играла улыбка.

— Ты что, немой, я кого спрашиваю? — начал заводиться он от моего спокойствия. — Я тебе уши прочищу. — И он, широко размахнувшись, попытался меня ударить.

Вот увалень.

Голову и корпус отклоняю назад, удар проносится мимо, и паренек немного заваливается.

А я рвусь вперед боком и впечатываю ему локоть в живот, а после просто откидываю от себя в снег.

Шаг, еще шаг вперед, и я хватаю за уши малолетних идиотов.

— А-а-а-а-а, отпусти, — слышу с двух сторон.

— Еще раз вы посмеете обидеть Зорицу или слово ей худое сказать, я вам уши оборву. — И я выкрутил уши двум недотёпам и приподнял вверх.

— Вы меня поняли, ушлепки, хоть раз. Вам понятно? — и я их тряхнул.

Сквозь вой боли я услышал, что им все понятно, и они так больше не будут.

— А ну отпусти братьев, живо. — О, этот в себя пришел.

Откинув воющих мальчишек в сторону, я обернулся и увидел, как их братец несётся на меня, размахивая кулачищами.

Заблокировав пару ударов, я начал бить в ответ четко в голову. Удар в переносицу, а после еще раз в челюсть и еще один. Парень сносил удары молча, только сипел и продолжал переть на меня, словно носорог.

Лишь после шестого удара по лицу он поплыл, а седьмым я его положил отдыхать.

Неплохо он удар держал, даже какое-то уважение к парню промелькнуло в мыслях.

Я костяшки сбил на руках.

Живительная сила пробежала по мне волной, заживляя.

— Бывайте, и чтобы Зорицу больше не обижали, я проверю, — и показал парням кулак.

— Она тебе кто? — набравшись смелости, спросил один из отроков.

— Не твоего ума дело, кто она мне, — и зашагал прочь по дороге.

Ежели сюда снова Снежана отправит, надо будет к Зорице забежать да гостинцев каких передать. Хорошая девчонка, хозяйюшка.

* * *

Сидя на пеньке во дворе, я крутил в руках получившуюся у меня фигурку воробья. А на плечах покоился плащ из шкуры волка. Он был абсолютно белый, без единого темного пятнышка. Мне его преподнёс в дар Валуй. Хорош подарок, прямо княжеский. На торге за такой немало бы злата отсыпали.

Жаль, с Валуем долго не удалось поболтать, его Снежана заприметила, и он предпочел сбежать, бросив меня на растерзание.

— А ты чего расселся, у нас сегодня баня должна быть, — о, вот и она, только вспомнишь.

— Я ее протопил уже, сейчас проветривать пойду, — скучающим голосом ответил Снежане, продолжая осматривать деревянного воробья.

— Сходи, сходи. Первая я пойду мыться, косточки хочу прогреть, а то разболелись, да и мерзнуть стали.

Чего это она первая решила, обычно на жар жалуется.

Закинув плащ в избу, я направился в баньку.

Банька по-черному — это совсем другое дело, и топится она по-другому.

Вместо печки обычный каменный очаг, над которым висел небольшой железный котелок для горячей воды. Иной раз, если горячей воды мало или мне ее не хватало, приходилось горячие камни кидать в ведра с водой, дабы согреть себе еще и не мыться в холодной. Да и подкладывать дрова в такую баньку сущая проблема, дым коромыслом стоит, что не продохнуть. Еще и жбан с кипятком этот висит, не опрокинуть бы его на себя и не ошпариться. А после того как она протопилась, надо дым выпускать через дверь или специальные окошечки для этого. Свет в баню как раз через такие окошечки и попадает, темновато и сумрачно, но мыться можно.

У меня дома получше сделано, такое окно располагалось над самим очагом, и дым выходил свободно.

А уж париться в такой баньке просто прекрасно, наподдашь пара иной раз так, что словно в тумане, да и жар стоит такой, что любые косточки прогреет.

Выпустив из бани дым и захлопнув дверь, я столкнулся с Боженой, которая с любопытством посматривала.

— Баньку истопил, Яромир?

— Да, сейчас Снежана помоеется, а после уже я. Так что, ты после нас можешь пойти, если хочешь.

На Божену я старался не смотреть, а то в штанах сразу начиналась своя жизнь.

— Банька — это хорошо, и помыться можно, и попариться. Яромир, может тебя попарить, а то самому ведь несподручно?

До чего у нее лукавый взгляд.

— А попарь, — ответил я, смотря в ее глаза.

Она улыбнулась и умотала.

Это она пошутила или вправду придет ко мне в баньку?

* * *

Ополоснувшись немного в бане и насладившись жаром, я залез на полоч, где меня разморило. Хорошо.

Скрипнула дверь, и я приоткрыл глаза.

Божена заходила в парную, она была в легкой льняной сорочке. Ткань мгновенно начала пропитываться влагой. Шикарный вид!

Я сразу перевернулся на живот, чтобы не смущаться. Впрочем, мне это не помогло, и казалось, я сейчас проломлю доски.

Думал, она пошутила.

Какая же она хорошенькая! Я любовался, смотря на Божену и открывшийся мне вид. Мысли наполнились фантазиями.

— Сейчас тебя так веничком отхожу, ух, — и она игриво засмеялась.

Взяв распаренный веник в руки, она начала меня им охаживать.

— Давай переворачивайся, — со смешком произнесла девица.

А-а-а-а, черт!

После события понеслись вскачь, в прямом и переносном смысле.

Вот только наши взаимоотношения с Боженой продолжились в разных уголках подворья. Снежаны и не спешили останавливаться. Мне было плевать, Валуй ее заслал или еще чего. Если бы она сама не пришла, я её точно утащил бы на сеновал.

* * *

— Ну, что, Яромирушка, позвеним железом? — Говша улыбался и держал в руках щиты.

— Конечно, ради этого и прихожу.

Взял в руки щит, а также топор, на котором была деревянная накладка, поверху которой он был обернут в ткань. Так сказать, учебный вариант, дабы не пораниться.

Я изготовился к очередному бою с Говшей. Да и он стоит уже готовый.

— А может, со мной разомнешься, а то что-то даже в гости не заходишь.

Возле ограды стоял мой двоюродный брат Могута, владеющий даром ветра.

— Давай разомнемся, — на самом деле большой радости при мысли о том, чтобы сойтись с ним в поединке, я не испытывал.

Беляй, брат отца, немного завидовал, что мой отец десятник в храмовой страже, а он нет. И это передалось Могуте, так что он всякий раз он пытался показать, что лучше меня. И я не горел желанием с ним связываться, кабы чего не вышло.

Говша отдал Могуте щит и топор, а сам отошел в сторону.

И вот мы стоим друг напротив друга.

И первый удар нанес Могута. Удар был легкий, из разряда не зевай.

Я просто отпрыгнул, пропуская его.

А дальше понеслось. Удар, подставить щит и нанести свой. Каждый из нас проверял противника. Все-таки бой учебный, а мы родичи. А не враги на поле брани.

Однако мы все же начинали увлекаться.

Удар Могуты летит по низу. Отбив щитом я начал двигаться влево. Могута не успевает отвести топор и вынужден разворачивать корпус. У меня в руках топор, но кто сказал, что им нельзя бить, словно мечом и пытаться колоть. Я так и ударил, удар пришелся в шлем Могуты. Он замотал головой, хорошо прилетело, видимо.

Он быстро пришел в себя и уже вновь готов к бою. Взмах его топора, и я отпрыгиваю, пытаюсь избежать удара. Вот только в меня прилетает порыв ветра, сорвавшийся с его руки. И я лечу на землю, а следом рядом с моей головой в землю бьет топор.

Подловил, молодец.

Вскочив на ноги, я замечаю потоки ветра, которые кружат вокруг моего двоюродного брата.

Только и я так могу.

Сила ветра мгновенно прокатывается по моему телу, и так же, как у Могуты, начинает исходить потоками. Наша сила сталкивается, порождая небольшие смерчи. Потоки ветра начали поднимать в воздух разные предметы: прошлогоднюю листву, какие-то тряпки, пыль и грязь.

Мы вновь готовы сорваться и обменяться ударами.

— А ну охолоните, вы что такое устроили? — слышен грозный крик.

Это кричал наш дядька Колояр.

Переглянувшись с Могутой, мы одновременно начали отпускать свою силу.

— Устроили тут непотребство, — он грозно на нас смотрел.

Горестно вздохнув, он жестом подозвал нас к себе.

— Яромир, несись сейчас домой к отцу и передай, чтобы он завтра прибыл, да и сам приходи, — дядька был серьезен и явно сильно опечален.

— И ты, Могута, отцу скажи об этом, и завтра к обедне приходите. Совет держать будем.

— Дядька, а что случилось-то?

— Обиду мне лютую нанесли.

— А, — только заикнулся Могуша.

— Завтра все узнаете, и заодно обсудим, как быть.

[1] Кручиниться — горевать, тосковать, переживать.

Прадедущка Рознег решил провести обряд во славу Триглава и принести ему жертву. Так, что сейчас отсутствовал, и нам приходится его ждать.

А дядька Колояр на все вопросы отмалчивался и только хмурился. Отец и Беляй вели неспешный разговор, касающийся дел стражи. А мы вместе с Могутой изнывали от скуки. А вот Володар, младший сын Колояра, нервничал, и это было заметно, он не находил себе места, часто вскакивал и пересаживался, словно в нем шла внутренняя борьба. Удивительно и странно, что старшего сына Колояра нет. Может, в этом все дело?

Скрип двери, и через порог перешагнул прадед в своем жреческом одеянии.

— Будь здоровы, родичи, — и он оглядел всех своим тяжелым старческим взглядом.

— Будь здоров, — понеслось со всех сторон.

— Смотрю, все собрались, значит, пора и слово молвить. — И он разместился за столом со старшими. И кивнул Колояру, мол, начинай уже сказывать.

Дядька вздохнул и обвел всех нечитаемым взглядом.

— Договоренность у меня была с одним старостой у пруссов о покупке янтаря, еще по осени с ним сговорились. Ладью отправлять, так товара немного, зачем людей гонять, пусть отдохнут. Так что на лодке я с пяток людей отправил, а во главе сына старшего поставил Горисвета. Они давно должны были вернуться, плевое дело, да и идти недалеко, я уже волноваться начал. Так вчера прибыл один из моих людей, побитый весь. Поспрошал я его, и выяснилось, что староста, с которым я сговорился о делах, по зиме умер. И вроде с новым старостой сын сговорился на тех же условиях. Их хорошо приняли, с лаской, — тут дядька Колояр грустно хмыкнул. И уставился на свои руки немигающим взглядом.

— Опоили их, все деньги за товар забрали, а самих избили и в холодную кинули. Похолопили! Хорошо, хоть один сбежать смог и обратно добраться. Вот такую мне обиду нанесли, сына лишили и деньги забрали, — его голос был сухим и безжизненным. — Думал, сначала денег собрать и поехать выкупить, — закончил рассказ дядюшка.

Ситуация, однако. В избе повисла тишина, каждый обдумывал слова Колояра.

— Наверяд ли бы вышло, скорей всего, и денег лишился бы и живота своего, — первым взял слово мой отец.

— Это да, они подло поступили уже, кто помешает снова так сделать? — согласился с ним Беляй.

— Прадед так же вчера и сказал, — грустно вздохнул Колояр.

— Надо людей собирать, да на выручку Горисвету идти, — и Беляй ударил кулаком по столу, озвучивая мысли, которые были у каждого из нас.

— Большое ли у них селение? — отец был более спокоен и обдумывал ситуацию.

— Домов сто, может, чуть больше, — ответил после недолго размышления Колояр.

Домов сто — это примерно от четырехсот человек до тысячи, из них половина — это мужчины, которых можно разбить на три части. Ведь одни из них еще дети, а другие старики. Так что, по прикидкам выходит, взрослого и боеспособного населения от семидесяти до двухсот человек, это если по-хорошему, может быть и больше.

— Сами не сладим, — покачал головой отец.

— Отчего же? — Беляй возмутился, а Колояр лишь грустно усмехнулся.

— Ну, сколько мы сможем взять людей с собой? Вот у меня в ладью можно пятьдесят

человек загрузить, может, и более выйдет. У Колояра две ладьи, ну, тоже можно человек по пятьдесят в каждую втиснуть. Маловато выйдет все же. А загружать их полностью тоже глупо. Ведь люди за наш род кровь будут проливать, так что место и для скарба надо оставить, да и самим за такую обиду полную виру взять хочется, не с пустыми руками оттуда уходить станем. А значит, полностью ладьи людьми забить не удастся, а три ладьи для такого дела мало будет.

Теперь понятно, почему мой отец десятник, а дядька Беляй нет.

И после слов отца все призадумались.

— Может, к Зорену стоит обратиться, думаю, сможет помочь, и в Волине наверняка найдутся люди охочие, — задумчиво проговорил Беляй.

— Можно, конечно, но долго выйдет, пока дотуда доберемся, пока сговоримся, уйма времени уйдет, — покачал головой отец.

— Не к этим же обращаться? — вновь завелся Беляй.

— К Путиславу если и обращаться, то только в последнюю очередь, да и то не след, — отмел мысли брата отец.

Путислав, отец моего закадычного друга Иловая и как раз прямой конкурент дядюшки, к нему действительно обращаться за помощью последнее дело. Да и откажет он, еще и поглумится наверняка.

И все вновь погрузились в раздумья, прикидывая, к кому можно обратиться за помощью, дабы отказа не было.

Прадед смотрел на нас, и по его лицу блуждала улыбка. Значит, уже все придумал.

— А ты что, прадедушка, думаешь? — решил я вмешаться в разговор.

— Наконец-то решили и меня спросить, хоть кто-то додумался, а то уж стал подозревать, что просто так здесь сажу, штаны протираю.

Все повернули головы в сторону прадеда.

— Родича выручить — дело правое и нужное. Жертву я Триглаву принес, он на нашей стороне, в том знаки были. А обратиться стоит к Возгарю, недавно Яромир его родича Валуя от смерти спас. У него и ладьи, и люди есть, отказа точно не будет. Все честь по чести.

— А ведь и действительно, к нему не зазорно обратиться будет, — отец хлопнул ладонями по столу.

— Спасибо за совет твой, — и мы склонили головы перед Рознегом.

Мне пришлось совместно с Колояром отправляться на переговоры к Возгарю, и они прошли на диво удачно. Прав был прадед. Нас приняли честь по чести, выслушали о беде нашей, а также о принятом решении идти и выручать родича. И о том, что можно будет неплохую добычу взять. А главное, Возгарь не стал долго думать и рассусоливать, сразу дал согласие.

Да и его можно понять, родича я спас, да так, что можно и помочь нам спасти своего. Так, что он шел с нами в поход на имеющих у него двух ладьях, они были больше, чем у дядьки, настоящие, торговые.

А дальше понеслись приготовления к походу на супостата.

Щит и топор у меня уже были. И отец выделил мне кольчугу, на мой взгляд, весьма неплохую. Юшманом, вроде такая кольчуга называется. На спине и груди были крупные металлические пластины. Весила она, на мой взгляд, не особо много, килограмм пять или семь.

Её на голое тело не наденешь, махом может всю кожу стесать. Так что у меня был еще и

поддоспешник в виде куртки, сделанной из нескольких слоев простеганного льняного полотна. И такая куртка сама по себе служила защитой, а вкупе с кольчугой было и вовсе неплохо. И подвижность тела сохранялась, и вес небольшой.

А главное, все под мой размер, видимо, уже давно было все у отца готово и ждало только своего часа. А шлем у меня был норманнский с наносником. Можно было его просто надеть на голову, но я все же попросил маму сшить мне шапочку, чтобы надевать ее под шлем, так было удобней и комфортней, чем напяливать это железное ведро сразу на голову. Еще смог забить свой колчан стрелами из отцовых запасов, так, что в колчане у меня теперь ровно двадцать пять смертоносных подарков.

О том, что мы собираемся идти в поход, стало известно наследующий день, шило в мешке не утаишь. Правда, неизвестно было, куда мы идем, но люди сами выстраивали разные теории и охотно делились сплетнями.

А после того, как сплетни разошлись широким фронтом, меня настигла кара в виду двух моих друзей, которые очень хотели отправиться с нами в поход. В итоге я пришел к мысли, что легче согласиться и поговорить с отцом на их счет, чем объяснять друзьям, почему нет.

Лишь Лан меня порадовал, не напрашиваясь, только грустно посмотрел и посоветовал мне быть осторожным и приглядывать за нашими друзьями, в особенности за Гостивитом.

Так что, спустя пару дней мы вышли в поход на пяти ладьях. Три наши семейные и две, предоставленные Возгарем. А народу вышло порядка двухсот сорока вооруженных мужей. Что было достаточной силой для взятия намеченного поселка. И на ладьях осталось вдоволь места для ценных вещичек и иного скарба, ведь уходить обратно мы собираемся не с пустыми руками.

И родича выручить и прибыль получить, весьма неплохо, а главное, в том селении был янтарь, который пользуется спросом.

Отходили мы по заре, на причал высыпала огромная толпа, провожая нас.

Ладьи выстроились в ряд, так и шли, стараясь друг от друга не отставать, шли вдоль берега. Иногда на парусе, а иногда на веслах. И вновь я смог ощутить, что такое быть гребцом, но смены были часто, и усталость не успевала накапливаться.

Да и пока шли на веслах, я, как и многие окружающие, снял доспех, оставшись в простой рубахе, а когда прохладный ветер пробирал до костей, я предпочитал кутаться в плащ. А в случае чего бронь не так долго и накинуть, это все-таки не рыцарский доспех. А ежели носить бронь, не снимая, то каждую ночевку приходилось протирать кольчугу и просушивать ее возле костра, дабы не появилась ржа, чем, собственно, некоторые и занимались вместо отдыха.

А так все было прекрасно, и бешеный ветер рвал паруса, и брызги летели в лицо. Есть в этом какая-то романтика, свой кайф и кураж, когда ладья, покачиваясь, летит по волнам.

На ночевки старались вставать в безлюдных местах и меньше привлекать к себе внимание. Как-то я даже заметил большую песчаную косу, идущую вдоль берега, и она мне показалась смутно знакомой, вот только я так и не смог вспомнить откуда.

Мы добрались за три дня, и завтра с утра собирались прибыть к точке назначения. А сегодня последняя ночевка, все проверяют сброю и точат оружие. Никто не готовит ни лестниц, ни тарана, что для меня удивительно. По оговоркам я понял, у родичей есть план, как взять это селение на меч, и они подобное неоднократно уже проворачивали, так что все отработано.

Когда завтра с утра мы пристанем, то просто и нагло пойдем брать селение. И никаких

хитростей не будет, мы не станем пробираться в ночи до ворот селения пруссов, ведь у нас есть план. Это звучало дико и меня беспокоило, а отец только отшучивался, и подначивал, не раскрывая секрета, только говорил, что я сам все должен увидеть.

Я мог, конечно, разузнать у других, но не стал портить, так сказать, себе сюрприз, да и отцу я доверяю, хоть и не лишен подозрительности, а иногда даже и паранойи.

Сон был беспокойный, я нервничал, а, судя по лицам Далена и Гостивита, был не одинок в своих переживаниях. Все молодое поколение переживало, а старшее только посмеивалось над нами.

И утром, когда солнце только показалось из-за небосклона, наши корабли пристали к берегу, игнорируя стоящий причал близ селения. И мы большой толпой начали покидать ладьи, прыгая в воду.

И вот мы стоим на берегу и готовы к штурму. А на наших глазах разбегаются пруссы, бросая все и спеша укрыться за стенами села. Кто-то из наших пытается их преследовать, но их отгоняют стрелами со стен защитники.

Из толпы выходят отец и дядька Беляй и смело идут вперед. А вокруг них начинают кружиться потоки ветра, и стрелы, пущенные в них защитниками селения, отлетают в разные стороны, не причиняя вреда.

И с каждым их шагом стихия ветра начинает бушевать все сильнее. И до нас долетают порывы ветра, заставляя пригибаться.

Рядом со мной стоит Могута, наблюдая за этим действием во все глаза.

— Смотри, Яромир, мы так же с тобой сможем, и ни одна крепость перед нами не устоит, — он кричит мне прямо в ухо, перекрикивая шум ветра.

А защитники продолжали посылать стрелы, но толку от них все меньше с каждым мгновением. А вокруг родичей крутились и переливались потоки воздуха, которые было заметно и невооруженным взглядом. И я сомневаюсь, что рядом с ними сейчас кто-то смог бы устоять на своих ногах, а не пригнувшись к земле.

Родичи же начали словно наносить удары, и с их рук срывались порывы ветра, несясь в закрытые ворота, которые с каждым ударом сотрясались все сильнее. И в какой-то момент удары отца и дяди совпали, стали синхронными. Ворота скрипели и изгибались все больше под порывами ветра, держась каким-то чудом. И вот они уже накренились, готовые сорваться, бах — прилетает очередной мощный порыв ветра. И ворота просто сносит в глубину поселения. И даже если за воротами успели собрать баррикаду, я уверен, что ее разметало, словно пушинку.

Я был удивлен и поражён мощью, которую показали мои родичи, обуздав своим даром стихию ветра. И показав всем, на что они способны.

Ко мне пришло понимание, почему отец не рассказывал о том, как они будут ломать ворота, смазал бы все впечатление.

Теперь я понимаю, к чему мне надо стремиться во владении даром воздуха.

— А-а-а, вперед, — кто-то заорал из толпы, и вся масса людей понеслась вперед. Стадному инстинкту поддался и я, ломанувшись вместе со всеми. Вот только в какой-то момент у меня в голове мелькнули мысли об отце и дяди, и мне пришлось притормозить, а позади меня напирала люди, пытаюсь побыстрее очутиться в селении.

Отец и дядя сидели на земле и тяжело дышали, словно загнанные лошади. Их одежду пропитал пот, да и бледноваты они были. Еще бы, я уверен, они сейчас использовали свой дар на полную катушку и опустошили весь свой резерв.

— Как вы? — я обратился к родичам.

— Нормально, — отец пытался продышаться, а дядька только кивнул.

Сила жизни бежит по моим рукам, и прикосновением я прогоняю волну животворящей силы по телам родичей. Им становится легче, бледность проходит, и дыхание возвращается в норму.

— Спасибо, мы отдышимся, — отец переглянулся с Беляем, — и присоединимся, иди давай.

Кивнув родичам, щит наизготовку, и я несусь вперед.

Преодолев проем ворот, я замираю, осматриваясь.

Ворота, снесенные силой отца и дяди, далеко не улетели, а впечатались в какой-то дом, оставив на его месте руины, а то, что находилось перед воротами, разметало ветром в разные стороны.

А по селению тут и там идут бои, кровь льётся рекой и насилие происходит везде.

— А-а-а, galīnsna[1], — на меня несётся какой-то бородач с копьём в руке.

Приняв удар копья на щит, ответным ударом топора я разрубил ему шею. Кровь брызнула из раны, орошая меня. И уже мертвый прусс повалился на землю к моим ногам.

Вот, я и взял в бою первую человеческую жизнь, так просто. Один удар — и он мертв.

Сердце бьётся в груди набатом, гоня по моим венам кровь все быстрее и быстрее. От адреналина в крови меня начинает трясти, выползает зверский оскал, а лицо перекашивается.

— А не хрен было моего братца трогать твари. А-а-а, — из меня вырывается животный крик, и я рвусь вперед, не могу стоять на одном месте.

Один из наших противостоит пруссам, отражая их удары. Как я понял, что он наш? Так я понимаю его, как он ругается сквозь зубы на чем свет стоит, а вот как ругаются пруссы, я совсем не понимаю. Правда, легко ведь определить, кто свой, а кто чужой.

Я сношу одного ударом щита, а во второго летит топор прямо в затылок, и одновременно наш вой всаживает ему топор в плечо. Выдрать острие, разворот корпуса, и мой топор летит в голову поднимающегося прусса, сминая его шлем.

Дальше, дальше я рвусь вперед по одной из сельских улиц, иногда приходя нашим на помощь.

Не понял, а это еще что такое?

Огненная стена перекрывает всю улицу, а перед ней с десятков наших мнутя, не зная, что делать.

Сквозь огонь видно парня, от рук которого исходит пламя, вливаясь в огненную стену.

Ни черта себе, вот это встреча, одаренный?

А за спиной одаренного, который держит огненную стену, собирается весьма немаленькая толпа пруссов.

— И что делать? Огонь с размаху не преодолеешь, стена шириной с добрый метр, да и жар от нее идет сильный. Вспыхнешь мгновенно, словно спичка.

Стоящий рядом лучник вскидывает лук, и стрела устремляется в огонь, она вспыхнула в полете, и за стену вылетел оплавленный наконечник.

А народу за стеной становиться все больше, еще пара минут, и если их станет еще больше, а парень опустит стену, они нас сомнут и ударят остальным в тыл, мы кровью умоемся.

Надо срочно что-то делать.

[1] Galīnsna — убийство, умри (прусс)

Схватив полено, я со всей дури запустил его в огненную стену, без толку. На ту сторону выкатилась только пылающая головешка.

И что же делать, как быть? Мысли заметались в голове. Попробовать залезть на дом и перебраться по крыше, только я один много не навоюю. Отступить к воротам, как вариант. Но это даст им время собраться с силами, а это плохо. Можем кровью умыться.

От близкого огня было жарковато, и пот начинал течь по телу.

— Дай лук? — я обратился к стоящему рядом лучнику, который до этого пустил стрелу.

— А в морду тебе не дать, малой? — отозвался он грубым голосом.

— Если не получится, то дашь. Есть идея, как со всем этим разобраться, но две стрелы еще надо, — я продолжал требовательно тянуть руку.

На его лице отобразилась борьба, видно было, что свое оружие давать незнакомому парню он не хочет, но идей, как преодолеть стену, у него нет.

— Стрелы потом вернешь, и мне плевать, где ты их достанешь, — с мукой на лице он протянул мне лук и дал две стрелы.

В стрелу направляю силу ветра. Так, хватит, деревяшка начала трещать, еще чуть — и взорвется щепой, бывало уже такое.

Стрелу на тетиву, прицел и выстрел. Она влетает в стену огня, и я перестаю ее чувствовать своим даром. Промах, вот черт. Но хотя бы ее преодолела, уже хорошо, а не сгорела в огне.

А если по-другому? Хм, зачем идти в лоб?

Пяток шагов назад — и снова наполняю стрелу силой ветра.

Лук смотрит в небо. Стреляю навесом. Я чувствую своей силой полет стрелы, я контролирую ее и подправляю движение.

Есть, попадание.

Огонь спадает. Одаренным был мальчишка лет тринадцати, стрела застряла у него в плече и отбросила назад. Он пытается подняться, но не мог и просто отползал в сторону.

А наши уже летят вперед. И понеслась мясорубка.

— Отдай, — и у меня вырывают лук из рук.

Подхватываю щит, в руках топор. Вперед, только вперед.

Я врываюсь в бой.

Удар — и сношу руку какому-то пруссу, который был слишком занят, чтобы смотреть по сторонам.

Битва пьянит, это не учебный бой и не поединок. События несутся галопом, и я еле успеваю под них подстраиваться.

Нас меньше, чем пруссов. Однако у нас просто дикий напор, они не ожидали, что стена огня упадет, и не были готовы к этому.

Люди не кричат, они рычат и воют словно звери.

Сзади прилетел удар в спину, и меня откидывает на стену дома. Прыжок в сторону. А в место, где я был, вонзается копьё.

Вот сука, не заметил. Жив и вроде не ранен, неужто не пробил бронь. Разворот — и ударом топора переламываю копьё. А ударом щита бью в голову противнику и ударом топора проламываю череп.

Оглянувшись, готов рваться вперед, но нет, бой на улочке закончен.

Из наших на ногах, готовых продолжать, осталось пятеро. Двое убиты и еще двое воют от боли, зажимая раны. У одного отрублена рука, у другого пробита голова, и он пытается подняться.

— Ну куда ты? — я помог мужичку с пробитой головой сесть и опереться на стену. Из рук рвётся поток силы жизни, и я заживляю его рану.

Шаг в сторону к мужику, зажимающему обрубок руки. Подхватив лежащую на земле отрубленную руку, я приближаюсь к нему. Это будет интересный опыт, я бы даже сказал, эксперимент. Интересно, смогу ли я прирастить отрубленную руку.

Я пытаюсь привлечь внимание раненого воина, но он только завывает и всхлипывает.

— Ты чего творишь, чего измыслил, а? — меня от него отталкивают.

— Руку ему спасти хочу и его самого, — я смотрю требовательно на помешавшего мне воя.

— Хм, — только и выдал он удивленно. Вероятно, это люди Возгаря, которые и не знали меня, а возможно, и не слышали.

— Только боги смогут дать ему новую руку, — он с возмущением на меня смотрит.

— А я не бог. И попробую вернуть ему старую, держи его. — Время идет, и мужик исходит кровью, пока мы спорим.

Воин нахмурился, но все же кивнул и вцепился в раненого, словно клещ, удерживая его и убирая руку от раны.

Раздался вой раненого, и он весь забился. Достав нож, я распорол рукав, осматривая рану. Срез не совсем чистый, конечно, но пойдет. Покрутив культю, я приставил её к ране. Вроде подходит. А то на земле лежало несколько обрубков, вдруг перепутал, вот забавно бы вышло, и я ему чужую руку бы прирастил.

Поправив культю, чтобы она совпала с раной, я выпустил из себя силу жизни, вливая в место ранения. Ох и потекла из меня силушка полноводной рекой, заживляя рану и приращивая руку. Больше трети от своего резерва потратил.

А мужик начал успокаиваться и перестал завывать.

— Ну, подвигай рукой, только осторожно, а не резко. Давай, давай.

И он действительно сначала немного подвигал пальцами на руке, а потом и смог её приподнять.

— О чудо, кому скажу, не поверят, — выразил общее мнение вой.

— Благодарю, — только смог выдавить из себя дрожащим голосом бывший однорукий.

— Вот и славно.

Я обернулся и понял, что все смотрели на мои действия широко раскрытыми глазами, в том числе и одаренный мальчик-прусс.

Приятно, черт возьми, я приосанился.

Мальчишка-одаренный сидел у стены, держась за стрелу, застрявшую у него в плече.

— Кто-то по их разумеет? — и я ткнул рукой в мальчика.

— Я разумею, — ответил парень чуть постарше, со знакомым лицом.

— Ты же сын Маруши, кажется? — вот так встреча.

— Ага.

— Ох и выручила меня твоя матушка на испытании.

Парень улыбнулся и ответил:

— Она сказывала, как вы с уловом помогали.

Мы подошли к одаренному мальчишке.

— Спроси, давно он так умеет с огнем играть?

— Да что его спрашивать, добить, и вся недолга, — парень взвесил в руках топор, прикидывая, как бы ударить.

— Спроси, спроси. Добить всегда успеем, а такое сокровище пригодится.

— Какое сокровище? Где? — и сын Маруши закрутил головой в поисках этих самых сокровищ.

— Ой, да никакое, спрашивай уже.

— Странный ты, Яромир, то про сокровище говоришь, то нет его.

И сын Маруши начал переводить. А мальчишка-прусс все же с неохотой ответил.

— Он говорит, с детства самого, отец заставлял скрывать, а то боялся, что он все село пожжет.

— А сейчас моментом воспользовался и полез, хотя на воина явно не похож, а судя по одежке, его ведь явно не жалуют.

А одежда на парне была поизносившаяся, вся в заплатах.

— Говорит, отец помер, а их с матерью и сестрой из дома погнали, а еще говорит, думал, ежели поможет, то получит почет и уважение. И у них все лучше станет, может, даже и дом вернули бы.

— Эх, дурак, — я только покачал головой, — никто бы ничего не вернул, раз забрали. Просто так снова ничего и не вернули бы. А если даже бы и отбились, то при первом пожаре тебя бы и обвинили, да и убили, и вся недолга. Раз дом отняли, и никто не вступился, то обвинить было бы легко.

— Долго вы там еще? Мы пошли, — бойцы предупредили нас и направились вперед.

— Не, сейчас догоним, — а сын Маруши продолжал перевод моих слов.

И я видел, как меняется лицо пацана. Кажется, начало доходить, ну хоть не спорит, не говорит, что я все придумал.

— Ежели жить хочешь да родным помочь, здесь оставайся и никуда не уходи, я помогу вам.

— Чего? — вырвалось у моего переводчика.

— Ты переводи давай, а не спрашивай.

И я вновь услышал прусскую речь. Тяжело без знания языков.

— Он спрашивает, зачем это тебе?

— Скажи, что он будет справным воином, и мне такой пригодится, — и я подмигнул парню.

— Он согласен и даже, кажется, поклялся именем бога Паттоло, это если я его правильно понял.

Я аж выдохнул после этих слов. Не хотелось мне убивать мальчика, а оставлять его за нашими спинами было бы глупо. Зато теперь у меня будет свой ходячий огнемет. И стена огня, которую он выдал, была весьма неплоха и имела хороший останавливающий эффект. А еще он сможет костер по мановению руки разжигать. Были бы сигареты, он мне бы от пальца прикуривал, я даже хихикнул от этой мысли.

— Добре, ладно, пошли, а то и так здесь задержались.

— Ага, все веселье пропустим и добычи мало получим, — парень улыбнулся.

— Тебя как звать, а то я и не припомню? — и действительно, я никак не мог вспомнить имя.

— Хех, Богдаш меня звать.

И мы устремились вперед по улице. Встречая иной раз следы боев, которые на ней происходили.

Улочка вывела нас на площадь, где сейчас разгоралось самое большое сражение между нами и защитниками села. С каждой из сторон было примерно по сотне бойцов, и они с остервенением друг друга убивали. Периодически приходило подкрепление к каждой из сторон. Это-то, в принципе, и понятно, уж слишком быстро мы ворвались в селение. В котором и тревогу-то не успели поднять и оказать нормальное сопротивление. Сейчас все поменялось, и бойцы стягиваются на площадь. Где все и решится.

Мы одновременно с Богдашем шагнули на площадь. Окинув взглядом поле боя, я постарался выцепить место, где нашим придется хуже всего. И почти сразу его нашел, где во главе пруссов был здоровяк с двуручным топором, и они теснили наших.

Бой.

Я несусь вперед и вижу, как у одного из наших бойцов в руках остался огрызок щита, которым он прикрывался, и его готовятся добить.

Топор летит вперед, и я сношу все плечо вместе с рукой какого-то прусса.

— А-а-а, — мне бьет в уши крик, полный боли. Поднять щит, и я прикрываю соседнего бойца от удара.

И возле моего лица пролетает топор. Отмахиваюсь от прусса.

Бам, прилетает удар вскользь по шлему, заставляя меня оступиться, а в голове шум. Удар, может, и вскользь, но прилетело неплохо, заставляя приходить в себя и мотать головой.

А прусс уже продолжает удар, но ему сбоку от кого-то прилетает в ногу, и он валится передо мной на колени.

Какой шикарный подарок. Вот, малыш, держи плюшку, и бью сверху топором в самое темечко. Раскалывая голову, словно спелый арбуз, осколки костей и мозгов летят в разные стороны, я весь в крови. Выпускаю силу жизни, она волной прокатывается по моему телу, и я прихожу в себя.

А здоровяк-прусс вовсю лютует, разбивая щиты с одного удара. Наши кружат вокруг него, словно собаки вокруг медведя.

Эх, пару стрел бы в него пустил хоть кто-то, а то боязно на такого зверя нахрапом лезть.

И словно кто-то услышал мои мысли, и в здоровяка прилетает две стрелы, а он их словно не замечает, продолжает лезть, гоня наших.

Мне был лук. Но чего нет, того нет, он ранен, и это уже неплохо, разберемся.

Присоединяюсь к своим товарищам, и мы кружим вокруг здоровяка, который отмахивается от нас своим топором. Может, дождаться, пока он истечет кровью? Хотя пока этот зверь истечет и ослабнет, уже и вечер начнётся.

Здоровяк неожиданно разворачивается и бьет, я еле успеваю подставить щит. Он разбивается, полностью отсушая мне руку, как бы не сломал. И меня кидает на землю, выбивая воздух из легких, а топор отлетает в сторону.

Здоровяк стоит надо мной, занеся вверх топор, готовый на меня его обрушить. Все звуки словно обрезало, я спокоен. Ну, вот и все, отбегался. Вот и выполнил задание бога. Эхх. Я прекрасно понимаю, что дар воздуха мне не поможет, я не смогу им откинуть эту гору мышц, это не тщедушный гоблин. Мало я с этим даром тренировался, и мне далеко до отца и дяди во владении стихией.

Мысли текут, но вот руки шарят в поисках оружия и на поясе натываются на рукоять кинжала. Кинжала, полученного в дар от Триглава. Может, я и сдохну, но и тебя хоть напоследок укушу.

Удар летит в меня, но я уже достал клинок из ножен и всаживаю его в ступню прусса.

Откатываюсь в сторону, авось отвлечётся на боль, и мне повезет, и он промажет.

Здоровяк же застыл, а его огромный топор выпал из рук, он так и не закончил удар.

И этого было достаточно, чтобы на него налетели воины и начали рубить со всем остервенением, превращая в окровавленный фарш.

— Это было близко, — я начал подниматься, у меня тряслись колени. — Очень близко.

Я даже на всякий случай пощупал штаны, вроде сухо.

А вокруг уже стихал бой. Добивали еще сопротивляющихся пруссов, а тех, кто бросил оружие, лупили от всей души и сгоняли в отдельную сторонку.

— Яромир, Яромир, — раздался крик, в мою сторону спешили Гостивит и Дален.

Гостивит прихрамывал на одну ногу, а у Далена был сорван шлем, и на лбу красовалась большая царапина, из которой текла кровь.

— Живые, живые, сукины вы дети! — И я обнял друзей.

— Ты это чего? Вон девок обнимай, неча тут, — застеснялись парни, скидывая со своих плеч мои руки.

— Ты куда делся? Мы как в ворота забежали, начали тебя смотреть, а тебя нету, ну со всеми и пошли дальше, у-ух как мы рубились, ты бы видел, — зачастил Гостивит. — А ты чего молчишь, а? — и он толкнул брата в бок.

— Не толкайся, а я чего? Есть хочу, найдётся здесь кусок нормального мяса, или что они тут едят, вроде на нормальных людей похожи, — и Дален скопил глаза на живых пруссов.

— Ха-ха-ха, — вырвался из меня веселый смех. — Дален, ты, как всегда, тебе лишь бы пожрать.

— Не, ну а че? — и мой друг пожал плечами.

— Ты-то как? — Дален решил поинтересоваться у меня.

— Хорошо, жив и даже здоров, под конец только здоровяк один чуть не прихлопнул, словно муху, повезло.

— Погодь, тот, что ли, — и Дален указал на размочаленный труп прусса.

— Видели мы, как он топором размахивал, силен был, паршивец, хотели на выручку идти, да, самих зажали с двух сторон, но ничего, наши помогли, да и одолели.

— Давайте вас подлечу, — и, шагнув вперед, я принялся лечить сначала Далена, а после и Гостивита.

— А-а-а-а, — откуда-то раздался женский крик, а после и мужской хохот. Началось.

Горе побежденным.

— Вы родичей моих не видели?

— Так они по домам шарить пошли, ищут кого-то, — пожал плечами Дален.

— Понятно.

— Ладно, мне народ надо осмотреть да полечить, может, кого спасти сумею, ведь недаром у Снежаны в учениках ходил.

Парни переглянулись между собой и предложили:

— А давай мы тебе поможем.

И тут я вспомнил об одаренном мальчишке-пруссе. Надо его забрать да мамку с сестрой

найти, пока худого не случилось.

А пока с парнем разбираюсь, пусть друзья за моими вещами сходят, ведь там и мазь, и бинты. Можно, конечно, и одного отправить, но мало ли, недобитка встретят.

— Вы мой мешок с ладьи принесите, знаете же, где он.

— Знаем, так я и один за ним схожу, — выразил свое мнение Гостивит.

— Вы лучше вдвоем сходите, вдруг кому помощь нужна, вот и приведете, вдвоем сподручней будет, — не говорить же им, что могут кого встретить и не справиться, обидятся ведь.

Парни переглянулись и Дален ответил:

— Хорошо, сейчас принесем.

И они направились за моими вещами.

Я же оглядел место битвы, трупы лежали везде, а раненые стонали. И в воздухе была разлита сама смерть. Я это чувствовал всем своим нутром, мне заглохло и закружилась голова, я даже на ногах покачнулся.

Это уже не первый раз так, может быть, мой дар к магии жизни так реагирует на смерть вокруг меня.

Захотелось его выпустить и прогнать волной по своему телу, но я удержался, как бы хуже себе не сделать.

Немного простояв, я все же пришел в себя и направился к поверженному пруссу за своим кинжалом.

Достав его из тела, я вытер лезвие о какого-то мертвеца и, осмотрев, засунул в ножны. Ты меня сегодня спас, дружок, и я с нежностью погладил рукоять.

А ведь интересно, здоровяк замер и не нанес удар, который бы меня прикончил. Ведь это благодаря тебе, да. А может быть, я этим ударом его и убил.

Прадед был прав, ох и непростое оружие даровал мне Триглав. Подобрал свой топор, я вдел его в петлю.

Вернулся к мальчишке-одаренному, он все так же сидел, опершись о стенку, зажимая рукой рану.

Кровью не истек, и сейчас можно его подлечить. А то, если бы сразу помог ему, убежал бы, скорей всего, ищи его потом.

Успокоив его жестами, я обломал древко стрелы и вытащил ее из раны, а после немного подлечил. Чую, работы сегодня мне предстоит много.

Подняв его, мы отправились искать его семью, хотелось верить в то, что они живы и не пострадали.

А его семья в какой-то халупе забаррикадировалась. Видимо, это и есть тот дом, в который их выселили.

Мальчишка долго стоял и надрывался криком возле двери, а его родительница не особо спешила выходить наружу. И меня это начало раздражать и утомлять.

Но все-таки мать поддалась на уговоры сына и открыла дверь.

Обычная женщина, уставшая и испуганная, на руках у которой была девчонка лет четырех.

Показав им следовать за нами, мы отправились на площадь.

А выйдя на площадь, увидев побоище, женщина вскрикнула и тут же зажала себе ладошкой рот, только безмолвно слезы текли по ее лицу.

— Вот туда идите и меня дождитесь, — я указал место, куда им стоит отойти, чтобы

они всегда были на моих глазах. А то мало ли кто решит уволочь эту даму для потехи в темный уголок, а так я успею вмешаться.

Осмотрев площадь, я увидел своих родичей, которые о чем-то беседовали с Горисветом, старшим сыном Колоярмом.

Живой, не зря пришли.

Вид он имел худой и бледный, а лицо сплошной заживающий синяк. Да, досталось братишке, хлебнул в плену.

— Горисвет, братишка, — и я прикоснулся к нему, пуская магию жизни по его телу. Первые мгновения мне было неприятно, аура смерти, разлитая в воздухе, все же давила. Но потом пришло облегчение, и я перестал ее ощущать.

— Здравствуй, Яромир, — он попытался мне улыбнуться, но было видно, что это причиняет ему боль.

Я осмотрел родичей, грязные. На отце и дядьке Беляе кровь, но, судя по всему, не их.

А позади моих родичей сидели четверо человек, трое были избиты, как и брат. А вот четвертый худой старик, был почти целый и с интересом поглядывал на все вокруг. На его лице не было бороды, а была четырехдневная щетина, одним этим фактом он привлекал к себе внимание, а еще он был почти без одежды, только какая-то тряпка, закрывающая его срам. И он был без шрамов, что тоже весьма удивительно для этого времени.

— Это ваши люди, — я кивнул на сидящих поодаль.

— Да, трое наши, — ответил мне брат.

— Погоди, дядька говорил же, что вас четверо было.

— Так Ратил умер почти сразу.

— А четвертый тогда кто?

— О, его к нам в холодную на четвертый день спустили, он странный, по-нашему не понимает. Я думал, грек какой, так и греческого не знает. Я по-разному с ним пытался говорить, каких только слов ни нахватаешься в торговых делах. Бесполезно, не понимает. Но зато он за нами ухаживал и помогал, вроде как даже песни пел, только я ни слова не понял, хочу его забрать с собой, он здесь чужой.

А дальше все завертелось, я занялся лечением и спасением жизней соплеменников. А остальные собирали добычу побогаче. Дядька Беляй был счастлив, ведь его сын жив. Так до кучи еще и монеты свои вернул и янтаря набрал в местных сусеках.

А мальчишка-пруссак, как оказалось, был сыном прежнего старосты, с которым дядька по весне сговорился, дядьку узнала мать мальчика, вот такой выверт вышел. Его и семью забрали с собой, как и чудного мужчину, который не понимал нашей речи и речи окружающих.

Добычи много набрали. И в полон набрали достаточно много молодых и красивых девок и ремесленников разных. Специалисты в своем деле всегда пригодятся, их или у себя можно оставить, или на торг отвести да продать дорого, ценились они.

А насилие было, портили девок. Но главное, никто не убивал просто так и не разбивал головы младенцев о стены домов. А то я наслышан о делах немцев, которые, когда брали на меч поселки ободритов, частенько так любили развлекаться.

И после того, как мы ушли, поселок остался жить, да, пострадал, да, пограбили. Но он жив, его не вырезали под корень и в нем остались жить люди, пройдет с десятков лет, и он восстановится.

А мы направились обратно домой на груженных кораблях, полных добычи.

Со щитом, а не на щите.

И буквально за день до прихода в родной град от берега к нам двинулась лодка. Мужик кричал и махал руками, пытаясь привлечь наше внимание. Сначала отец хотел пройти мимо, но ему стало интересно и любопытно, чего от нас хотят.

И когда мы его затащили в лодку, я его узнал, он был из храмовой стражи.

Запыхавшись, через силу он прохрипел:

— В граде вас ждут, опасно возвращаться.

— Чего? Ты чего такое говоришь, Вячко, белены объелся? — с недоверием смотрит на него отец.

— Путислав данов призвал, они возле града стоят, вас дожидаются.

Вот это новость! Она пыталась уложиться у меня в голове. А ведь Путислав — отец Иловая, моего закадычного дружка, которого я с испытания выпроводил. Странно, а ведь Иловой мне зимой не попадался на глаза, хотя должен был, да и новостей я о нем никаких не слышал, кроме того, что его Снежана подлечила.

А тем временем отец пришел в себя и начал раздавать команды:

— Труби в рог и правь к берегу, надо Вячко хорошо расспросить и совет держать.

— Так я не один вас ждал, а с Дубыней, боялись вас пропустить, вот вдвоем и караулили, он на берегу, забрать его надобно.

Прозвучал рог, привлекая внимание остальных кораблей, и наша ладья направилась к берегу, к месту, где дожидался Дубыня. Вслед за нами потянулись и остальные ладьи.

Когда все оказались на берегу и собрались вокруг Вячко и Дубыни, они начали рассказ:

— После того как вы отбыли, через пару дней рыбаки их и заметили, они чуть подальше встали — и встали-то хорошо, просто так не увидишь, словно им кто-то место показал, где укрыться можно. Да и заметили их чудом, сынок Ёрша в воду упал, отец его вытащил, да он померз весь, Ёрш и пошел к берегу костер жечь, пока сын не околел. А там даны стояли. Вот так их заметили. Ёрш к граду, там сына в охапку и к Рознегу, новость сказать и сына подлечить.

— Рознег и собрал вече. В граде ворота закрыли, и все начали вооружаться и готовиться. Сами же знаете, не село какое-то, все крепко поставлено, забили в набат, так народ, все побросав, с оружием и прибыл. В том числе и Путислав с родичами, не знал, видать, еще, что гости его заморские прибыли, — Вячко грустно ухмыльнулся, а Дубыня только кивал, не перебивая товарища.

— Отправили бывалых охотников на гостей заморских посмотреть да послушать, те за ними и понаблюдали. Да и рассказали все. Даны лагерь начали ставить и сидели тихо, словно их нет. Вот только у охотников глаз наметанный, увидели там знакомые рожи, родичей Путислава. Брат его там младший был, Ростих, и сын Иловой, который испытание не прошел, да пальцы теперича у него на руке не гнутся. Вот такие дела, Путислава спрашивать начали. Он сначала отнекивался, а потом, как пригрозили пыткой ему и всем его родичам в граде, признался, что он их позвал, это его гости. Распря у него с вами, — и Вячко внимательно посмотрел на Колояра, а после взглядом прошелся по отцу, Беляю и мне с братьями, Горисветом и Володаром. Мол, житья не даете и роздыху нет, вот он их и позвал. Его прямо там чуть не удавили, за то что он этих разбойников зазвал. Но после порешили, что это ваша распря с ним, так что вы и разбирайтесь, и погнали его и всю его родню из города.

Вячко замолчал ненадолго, а после продолжил:

— А город с тех пор шумит, успокоиться не может, многие так и выступают, что это ваша распря и не след туда лезть. А остальные взяли сторону Путислава, мол, действительно от вашего рода одни обиды, а другие стоят на вашей стороне, мол, худого от вас нет и всегда готовы помочь. Так вот, Путислав со своим родом и данами возле града встал, так и стоит, вас дожидается.

— Погодь, а как он с данами-то стоворился, может, перекупить их можно? — поинтересовался Беляй.

— Не выйдет, Путислав години три назад дочку сосватал как раз в те края, родичи — это его теперь, вот он их и позвал, пес шелудивый, — задумчиво ответил ему Колояр.

— Благодарю тебя, Вячко, и тебя, Дубыня, что вести донесли и не попали мы к ним в лапы, не зная о беде.

По поляне понеслись споры о ситуации.

Совсем не весело, даны пришли, получается, почти сразу, как мы ушли в поход. Не успел бы Путислав так быстро их призвать. А это значит, что он еще осенью прошлой это задумал и договорился с ними, что они по весне придут. А ведь у него могло получиться, вырезал бы нас по одному. Не все было бы гладко у Путислава, конечно, и могли быть некоторые неприятности, но это уже неважно. Он бы весь город под себя подмял, и все хорошо могло быть у него.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Мы вместе собрались и отправились в поход родича спасать.

— А много ли там воев? — поинтересовался кто-то из толпы.

— Ежели с родичами Путислава считать, то с три сотни, без двадцати. Многие со щитами и топорами, луки есть и копья, как и доспехи хорошие, но не у всех. Есть те, кто и в простой рубахе ходит.

В толпе кто-то присвистнул, и народ вновь зароптал.

Многовато выходит в открытом бое для нас. А в том селе двадцать три человека мертвыми остались, и то благодаря мне, а то больше бы вышло. Я многих выходил да на ноги поставил. С десяток еще слабы и топора не удержат. Остальные раненые с моей заботой пришли в себя. А даны не вчерашние землепашцы, умеют биться.

— А ежели обождать и дожждаться, пока они уйдут, а там и с Путислава и спросить, — вновь из толпы раздался чей-то крик. Пошли крики, поддерживающие эту мысль.

— Можно, конечно, но сколько они будут нас ждать, сколько мы сможем здесь просидеть? Сейчас весна, дел полно, и поля надо будет скоро к посевной готовить, — Возгарь покачал головой.

— Уйдут они, и Путислав вместе с ними, а потом явятся уже с большим количеством воев, не меж родами выяснять будут тогда, а град грабить и рубить людей. А Путислав и рад будет помочь. Нельзя их отпускать, — высказался отец.

— А чего это мы за ваш род кровь должны свою лить, — нашелся кто-то умный в толпе. Взять долю свою — да разбирайтесь сами, — услышав пару одобрительных криков, добавил тот же голос.

— Хех, — крикнул Возгарь и, разгладив усы, начал говорить: — А ты никому ничего не должен, Стоян, и мне теперь тоже, а доли твоей пока там и нет. Мы не делили еще добычу, али ты запамятовал? А ежели тебе выделим, то они, конечно, при виде тебя с добычей в сторонку отойдут, в ножки тебе поклонятся и скажут, ты проходи, конечно, уважаемый Стоян, и прости нас окаянных, не ведали мы о тебе и делах твоих правых. Думаешь, так будет?

По толпе пошли робкие смешки, а под конец речи Возгоря уже все ржали, только одному Стояну было несмешно, он стоял словно оплеванный.

— Да и, опять же, сколько они на месте усидят? А потом озоровать по округе пойдут, не у всех же родичи в граде живут, порушат да поломают многое. Наши в лес, конечно, убегут,

но кого-то и поймают, — подлил масла в огонь отец.

И многие задумались над его словами, вспоминая о своих родных.

— А из града нам придут на помощь? — решил уточнить Отец.

— Наверяд ли, Велерад, там сейчас ситуация беспокойная, ежели будет битва и кто-то из града решит вмешаться, то прольется кровь, многие это понимают.

— А ежели по округе пройтись и людей собрать? — задал вполне логичный вопрос Беляй.

— Точно, точно, — раздалось в толпе.

— Можно, конечно, но и до Путислава молва об этом дойдет, и он тогда по округе пойдет озоровать, и лови их, или сядут на корабли да уйдут, — ответил на вопросы отец.

— А Путислав всем родом из града ушел, или женщины остались? — вновь раздался крик из толпы.

— Всем, и женщин забрал, и рухлядь, самую ценную, какую смог унести, женщин спрятал где-то, а сам с данами на берегу близь града засел.

— Вот, что я измыслил, — отец повысил голос, привлекая к себе внимание. — Бой надо давать. Разгрузим ладьи сегодня, а завтра поутру и подойдем, с рассветом будем на месте. В одном месте встанем на ладьях, не разделяясь, и дождемся, когда их побольше скопится и на ладьи полезут. И мы с Беляем даром нашим ударим, — отец рубанул в воздухе рукой, и от его жеста пошла волна воздуха. — Пригнем их к земле, чтобы ни один устоять не смог, а остальные с бортов дротиками да копьями бить станут. Думаю, хорошо с них кровью возьмём, а после уже грудь в грудь сойдемся, сила на силу.

Я задумался, а ведь неплохой план получается, неплохой для штурма и взятия рубежей. А сколько народу к нам стянется, может, пара десятков, а может и сотня. Да и не всех мы достать так сможем. Да, не Суворов у меня батя. Но план-то в целом неплох. Отсутствует у него умение командовать большим количеством людей. Он нервничает, по нему видно. Хотя все нервничают, никто за просто так помирать не хочет и идти в безнадежный бой.

Вот десятком или несколькими отец сможет развернуться, и опыт есть, и понимание. Хорошо бы маневры какие организовать или лучше засадный полк. Но с нашим количеством засадный полк не организуешь, а так неплохо было бы им в тыл ударить. Но если десять или двадцать воев в тыл данам ударят, толку немного будет, сомнут, а эти бы войныгодились на кораблях, когда они врукопашную пойдут. Так, стоп. Какая-то шальная мысль в голове крутится, не могу понять. Врукопашную, дротиками и копьями ударят, точно.

— Отец, — я его тихонько окликнул, отвлекая от обсуждения атаки. И он вопросительно на меня посмотрел.

— А если десятком лучников к граду пробраться. И когда начнётся битва, ударить в тыл данам, по паре стрел выпустить точно можно будет, а возможно, и больше. Это хорошо их проредит, пока увидят, пока додумаются, что атака идет с двух сторон. Ты же знаешь, я неплохо луком владею.

Отец еще ничего не успел ответить, как раздался голос рядом стоящего воина.

— Ха-ха, а ты, наверно, их в атаку и поведешь, вот уморил, Аника[1]-воин нашелся.

— А ты зря смеешься, я видел, как он луком владеет и бьется славно. А еще он Возлаю руку отрубленную смог вернуть, я бы пошел с ним в бой, — вступился за меня воин, который в поселке одолжил мне свой лук и стрелы.

— Знаешь, Яромир, а идея-то неплохая, — и отец задумался. — Да, пожалуй, стоит так поступить, но выдвигаться придется уже сегодня, чтобы успеть к утру.

На его слова я лишь кивнул.

А потом пошло полноценное обсуждение плана и разных мелочей.

И спустя час мы выдвинулись на ладьях ближе к граду, чтобы лучникам идти поближе, и на ладьях быстро прийти и не было усталости от долгого перехода. Да и, думаю, с утра нас явно не ждут.

От нового места, где остановились корабли, идти до града придется полдня. Да по морю явно быстрее выходит.

А корабли тем временем начали разгружать, ведь в случае проигрыша никто не хочет дарить добычу. Да и на ладьях идти проще и комфортней, а в случае битвы разная рухлядь не будет мешаться под ногами.

В отряд лучников вошли и я, и мой знакомец, у которого я брал лук. Его звали Блуд, хорошее такое имя, говорящее. А над нами главным поставили храмового стражника Дубыню, не особо разговорчивого крепыша, но весьма опытного человека. И всего нас вышло десять человек.

Немного отдохнув, мы выдвинулись в сторону града, шли ходко, и мне приходилось двигать ногами расторопней, дабы поспевать за более опытными товарищами.

А идти по заснеженному и весеннему лесу — сплошная мука. Солнышко пригрело, и на снегу образовалась льдистая корочка. Ты раз туда ногой, а там водичка бежит, и обувь вся мокрая спустя пару минут. Так еще сверху капает. И капли весело стучат по шлему — кап, кап. Это ужасно начинает раздражать почти сразу.

Спать расположились в небольшой ложбине, там и запалили костры, чтобы подогреть еды и приготовить горячего взвара, а главное, прогреться и высушить обувь.

Как по мне, можно было еще пару часов идти и встать на ночлег рядом с градом, не выходя из леса. Но у Дубыни было свое мнение.

Солнце еще не встало толком, а мы двигались к граду по сумрачному и туманному лесу.

Пристань окружало редколесье, словно охватывая ее с двух сторон, а уж за ней на расстоянии чуть больше километра стоял и сам град Устка, за высокими деревянными стенами.

Лес можно было бы, конечно, и вырубить, а не просто проредить, но он защищал от морских ветров, да и с ним град привлекал меньше внимания.

Даны разбили лагерь на самом краю причала: стояли какие-то шатры, кто-то спал возле тлеющих костров, но часть отдыхать легла на кораблях.

Их боевые драккары были вытащены на берег. Вроде все хорошо, только есть одна проблема. Корабли были справа на причале, как раз рядом с тем местом, где мы вышли, отличная позиция для стрельбы. Вот только было оговорено, что наши будут вставать как раз в углу пристани рядом с лесом и раз это место занято, то они встанут на противоположном крае.

А на причале тут и там стояли лодочные сараи, где по зиме хранили свою снасть рыбаки, не в город же тащить. Часть сараев и лодок была переломана, понятно, откуда даны берут древесину для своих костров, зачем идти в лес, когда вон уже сухая и готовая.

До другого края пристани идти, так это весь город по дуге придется обходить, но время вроде еще есть.

— Они идут, — рядом со мной раздался голос боевого товарища, который рукой указывал на море.

Были видны силуэты кораблей, которые споро приближались к берегу.

— Вот черт, — вырвалось из меня. Да и остальные не сдержали ругательства.

— Быстрее, бежим, должны успеть, — выкрикнул Дубыня и ломанулся вдоль кромки леса, словно лось в период гона.

И наш небольшой отряд побежал вслед за ним. Идти было сложно, а бежать тем более, проваливаясь по колено в снег. На нас же еще и доспехи с оружием, что имели свой вес, отягощая нас. Непривычны здесь к таким марш-броскам на длинные дистанции, на короткие — пожалуйста. На той же охоте по лесу за дичью тоже можно побегать, но вот так все вместе — это уже перебор.

И спустя пару километров народ начал сдавать, движения замедлялись, и дышали люди с хрипом.

Сила магии жизни разливается по моему телу волнами, освежая и придавая сил. Легкое прикосновение к товарищу, и импульс магии жизни уходит в него, взбадривая. А я ловлю на себе ошарашенный взгляд. И так со всем десятком, удивленные взгляды и благодарственные кивки.

А я ведь еще и отрубленную руку вернул почти посередине боя, вот так и рождаются легенды. Какое-нибудь прозвище хорошее дадут, звучное и сочное. Яромир животворящий, звучит. Главное, чтобы не Яромир живородящий, а то потом вовек не отмоюсь от такого позора, я весело усмехнулся. Куда только мысли идут?

Я повел плечами и осмотрелся, немного еще осталось бежать, а темп вновь начал падать. И снова прохожусь своей силой по всему десятку.

Мы ушли за кромку леса и перешли на быстрый шаг, скрываясь под ветвями деревьев, и почти приблизились к причалу.

Успели!

Отряд пригнулся и затихарился, да и дышали все через раз, ожидая развития событий.

А наши ладьи клюнули носами в берег и застыли, никто с них не спрыгивал и не рвался в бой. Все по плану.

А вот лагерь данов начинает шевелиться, раздаются крики, и они устремляются к нашим ладьям. Кто-то просто схватил оружие в руки и спешит, а кто-то и шлем успел на голову нацепить. А были и те, кто без суеты вздевал на себя бронь, и таких немало.

А с наших кораблей изредка летят копья и дротики, не давая противникам близко подойти, но некоторые отмороженные даны, наплевав на опасность, пытаются залезть на ладьи, где их встречают совместными силами и уже мертвых скидывают обратно. А данов скапливается все больше, еще чутка — и их будет критическая масса и они пойдут на приступ. Сколько их, пятьдесят, семьдесят, в этой мешанине снующих туда-сюда не подсчитать.

И вот над бортами рядом стоящих кораблей возникают силуэты отца и дяди, в них летят копья. Их прикрывают щитами, и брошенное оружие не причиняет им вреда. А вокруг них начинают кружиться потоки ветра, все ускоряясь, словно набираясь сил. Взмах их рук, и в данов летят мощные порывы ветра. Которые легко сбивают их с ног на землю, не давая подняться.

Ветер стих, как будто стихия и не бушевала вовсе.

— Бей, — доносится до меня крик отца, и наши воины бьют. С кораблей летят дротики и копья в лежащих на земле данов. Протыкая их тела и пригвождая к земле. Разом на берегу образуется лес из воткнутых в землю копий и дротиков. А по округе раздается вой, полный боли и страдания.

А наши воины уже спрыгивают на берег и спешат добить данов. А другие, которые не оказались под ударами ветра и не вкусили убийственного гостинца, откатываются назад. И они не спешат лезть вперед, а дожидаются остальных.

— Разверните их, разверните, — я слышу напряженный шепот Дубыни.

И лишь после его слов понимаю, о чем он. Ведь наши оказались спиной к лесу. А даны уже начали выстраиваться в боевой порядок, образуя стену щитов.

Я вновь слышу крики отца, но не понимаю слов. Дышать трудно, я чувствую, как по мне льётся пот.

А тем временем наши образуют этаким полукруг, прикрываясь щитами, и начинают двигаться вдоль кромки леса, отходя от берега. Хм, чего они вытворяют? И потом ко мне происходит озарение. Если они так будут двигаться и дальше вдоль леса, они в один момент окажутся рядом с градом. И создается впечатление, что они так и хотят поступить.

Гениальный ход!

Который показывает, что с града будет помощь. Они играют на нервах противника. А я еще отца ругал про себя, мол, не Суворов. Может, он, конечно, у меня и не стратег, но тактик отличный. А если мы передвинемся ближе к берегу, будет просто отличная позиция для нашего удара. Ведь даны и родичи Путислава должны будут развернуться для удара по нашим, подставляя нам свои спины.

— Быстро в лес, к берегу, — начал командовать Дубыня.

Действительно, ведь не по краю леса бежать и привлекать к себе внимание.

До нас начал доноситься шум разгорающегося сражения. Мы выбежали на край леса, даны всюду наседали на наших. Они шли в два-три ряда, первый активно работал щитами, а второй и третий поверх голов первого бил копьями и топорами. Шеренга, как она есть, хорошо ее держат, прям залюбуешься.

Щит летит в сторону, и я сгибаю лук, накидываю извлеченную тетиву.

Нащупав стрелу, извлекаю ее из колчана, и она лежит на луке. Я готов к выстрелу. А глаза шарят по врагам, выбирая себе цель. Они находятся в ста тридцати шагах от нас, оптимально, на моих губах играет злая и предвкушающая улыбка.

— Бей, — раздается через пару мгновений голос Дубыни. И мы отпускаем стрелы в полет. Десять гостинцев летят в спины ничего не подозревающих врагов.

Не дожидаясь, пока стрелы достигнут цели, уже новая стрела готова отправиться в смертоносный полет.

Мы успели сделать четыре выстрела, пока до врагов не доходит, что их расстреливают. Раздаются крики и ругань. И в нашу сторону бегут с пятнадцать врагов. Мы переносим огонь на них, стараясь выбить в первую очередь наименее защищенных.

И вот их осталось уже пятеро, все в бронях и хорошо прикрываются щитами. Среди них есть одно смутно знакомое лицо, я с трудом его узнаю, Иловой. Он щит держит в правой руке, а оружие в левой. Странно, он ведь не левша. Точно, у него же пальцы на правой руке не гнутся, вот и сменил, понятно.

По телу растекается сила жизни. В руках стрела, и я наполняю её магией ветра. Дары не конфликтуют между собой, и это хорошо.

Товарищи начинают отступать под защиту леса, окликаая меня. Я не реагирую. Стрела готова, и древко начинает вибрировать от напряжения.

Выстрел — и она впивается прямо в середину щита. Щит разлетается щепками, и воина в броне прошивает насквозь. Враг валится замертво под ноги своему товарищу, который

запинается о тело и летит в снег. Двадцать шагов разделяют меня и трех врагов.

Мгновение — и новая стрела заполнена силой ветра, выстрел. И она прошивает одного врага и впивается в следующего, спешащего за ним. Одним выстрелом двоих, да я прям мастер.

А последний враг приближается ко мне. Но стрела готова, и я вскидываю лук, смертельный снаряд смотрит ему в лицо.

— Ну, здрав будь, Иловай!

[1] Аника-воин в переносном смысле означает человека, который хвастается лишь вдалеке от опасности.

— Яромир! — Иловой шипит, словно змея, а его лицо кривится, и во все стороны летят слюни.

Помнит меня негодник, не забыл. Это так приятно.

И я с мстительным и каким-то извращенным удовольствием спускаю тетиву.

Его голову разрывает, а у меня на щеке появляется длинная кровавая царапина от прилетевшего осколка то ли шлема, то ли кости черепа. Я слишком близко стоял.

Убойные у меня стрелы получают с силой ветра. Жаль только, впрок таких не заготовишь, секунд двадцать — время их жизни. А после моя сила, заключенная в стрелах, начинает сходить на нет. А сами стрелы становятся негодными, ломкими, даже металлический наконечник легко можно сломать рукой, остается только выкинуть.

Последний оставшийся дан поднялся с земли и осмотрел убитых мной воинов, у него на лице появилась горькая усмешка.

А после отбросил щит и снял с головы шлем, который тоже полетел на землю.

Он был немолод, его лучшие годы давно прошли. Лицо было изрезано морщинами и старыми зажившими шрамами. Седая борода была заплетена в две косы. А глаза отражали усталость, но в них словно тлела какая-то непонятная мне искра.

— Jeg mødte Gud i kødet, i kamp. Du vil sende mig til Valhalla, til Odins sale. Hvor jeg vil drikke honning med mine slægtninge, — он словно прокаркал эти слова своим голосом. И, перехватив топор двумя руками, понесся на меня: — А-а-а-а... En møder mig.

Я спускаю тетиву и пронзаю сердце старого воина.

Шаг, еще шаг, и он валится на колени, а после и на землю, он так и не выпустил топор из рук.

— Интересно, что он такого сказал напоследок.

— Что он встретил живого бога в бою, а ему пора в Вальгалу, его там заждались, — рядом раздался тихий голос Блуда, и он кинул на меня странный взгляд, заставивший меня сглотнуть.

Надеюсь, слов дана больше никто не слышал.

Боевые же товарищи начали выходить и осматривать убитых мной.

— Они же в бронях, да и щиты пробиты, как ты это сделал? — раздался чей-то голос.

Я лишь пожал плечами. Главное, чтобы прозвище не дали Яромир-скорострел, а на остальное плевать.

А битва все продолжалась, уже наши наседали на врагов, не давая им лишнего мгновения прийти в себя. Все-таки удар в тыл данов качнул чашу весов в сторону нашей победы.

— Потом поболтаем, а сейчас стреляй, — выдал указание Дубыня. Он прав, нам есть чем заняться.

Но в этот момент распахнулись ворота града, и оттуда вышла вооруженная толпа горожан, которая вознамерилась ударить во фланг остаткам данов.

А впереди всех большими шагами неся Говша, размахивая топором. Даже с такого расстояния я смог признать старого воина, с которым провел не один учебный поединок.

Вот и помощь подоспела, видимо, когда в городе увидели неминуемый разгром данов, решили вмешаться. А нейтралы и те, кто поддерживал Путислава, сдали свои позиции. И

Рознег этим воспользовался.

Было противно от того, что часть горожан так поступила. Но ничего не попишешь, у каждого были свои интересы.

Стрелять стало невозможно, было легко попасть в своего. Так что нам оставалась только ждать.

Даны бились с яростью, понимая, что это конец. И через пять минут все было кончено. Остался последний враг, который умудрился залезть на дерево и отбиваться оттуда. Ему даже плен предлагали, но он отказался, и бросок копья поставил точку в этой битве.

А дальше понеслась работа, добивали раненых врагов. Я же начал оттаскивать раненых в сторону, отделяя их от павших товарищей. Сначала рядом со мной появился Рознег, а после и Снежана, и мы втроем спасали жизни людей.

Сорок три воя умерли на поле боя, и почти все были ранены. Трое умерли чуть позже, их не успели спасти, слишком у них раны были серьезны, можно было, конечно, попытаться их спасти и потратить на них все силы вместе с Рознегом, но тогда бы умерло еще больше людей. Так что нам пришлось выбирать, и выбор был не в пользу этой троицы.

Мертвых врагов раздевали до исподнего и просто сбрасывали в море, никаких похорон и никаких почестей.

А вечером состоялись похороны павших воев. Драккар, еще утром принадлежавший данам, выволокли на берег, в него сложили всех наших мертвых, при оружии и одоспешенных. Предали их огню и принесли в жертву трех молодых ягнят, дабы в посмертии боги были благосклонны к павшим. А после началась тризна по воинам.

На следующий день мы отправились за нашей добычей, которую стерегла пара воинов, которые не отошли от раны в битве с пруссами.

А после началась дележка трофеев. Еще и присовокупили туда имущество рода Путислава.

Кстати, женщины этого рода были найдены, и было решено их похолопить и продать на торге в Волине. Так как видеть их никто не хотел.

Часть оружия павших данов пришлось отдать горожанам, они все же нам помогли.

А те, кто выступили изначально за Путислава и нейтралитет, с завистью и злостью смотрели на нашу добычу.

Многие наши на это смотрели и довольно скалились.

Делить доли доверили моему отцу и Возгарю, как самым авторитетным людям.

Отцу и досталось больше всех долей, аж целых пять, одна за ладью, одна за то, что он бился наравне со всеми, одна за сломанные ворота в поселке пруссов и еще две за командование боем и за удар ветром по данам.

Возгарю, Беляю и Колояру выделили по три доли за их заслуги. Мне — целых две доли, но тут пошли шепотки возмущения, как так такому молодому и целых две доли. Но их быстро заткнули, рассказывая, как я бился и как лечил людей. Недовольные, конечно, остались, но помалкивали, скрывая свою зависть.

А еще ведь были корабли, которые не разделишь на доли, их в Волин отведут на продажу, два дракара данов и две ладьи, принадлежавшие Путиславу, а после продажи раздадут деньги согласно долям.

Дядька хотел одну ладью Путислава забрать, но по деньгам не получалось, и его доли явно для этого маловато. Он уговорил нас отдать ему свои доли с реализации кораблей на выкуп у общества одной ладьи.

Правда, когда корабли с торгового уйдут, неизвестно, ведь их быстро не продашь.

Со своей доли мне пришлось брать в холопы одаренного прусса, которого звали Накам, и его семью. С ним это было обговорено, ведь иначе как через холопство места ему на кораблях не нашлось бы. И тогда пришлось бы его оставлять в разоренном селении.

Правда, один из воинов положил глаз на мать Накама и очень хотел ее себе в холопки. У нас дело чуть до драки не дошло. А потом отец его просто задавил авторитетом, а против моего рода сейчас сильно не попрешь. К тому же я в бою победил Накама и похолопил его семью. Так что настырному воину пришлось отступить.

Мои родичи так же предпочли взять себе холопов вместо полезного скарба.

А еще я смог урвать немного янтаря и договориться с дядей Колояр, что, когда пойдет в торговый поход, он его реализует.

Так что, собравшись, загрузив корабли частью трофеев и захватив доставшиеся в бою драккары и ладьи, народ отправился в Волин на торговлю.

Я же вернулся на учебу к Снежане, скучно было. Только Бажена меня радовала, приятно было просыпаться с ней в обнимку.

Начала налаживаться обычная жизнь. Вновь возобновились тренировки с Говшей, и к нам начал присоединяться Могута, с которым мы бились, используя наш дар ветра. Это будоражило кровь, когда вокруг тебя расходятся потоки ветра.

Вернулся дядька Колояр с Волина, оставив корабли на реализацию Зорену, и начал готовиться к торговому походу в Византию.

А мне становилось скучно.

Я прекрасно понимал, что я сейчас взял все, что мог, от учебы у Снежаны и тренировок с Говшей. Вот только я не мог понять, какой стоит сделать новый шаг? Шаг, который меня приблизит к выполнению задания Триглава.

Пострадав от скуки, я решил съездить домой, проведать семью.

Вот только там меня ждал интересный разговор. После ужина отец завел беседу.

— Яромир, вот тебе семнадцать зим, — и отец отхлебнул из кружки.

— Шестнадцать, отец, — поправил я его. Мама с укором на него посмотрела, а Смиляна улыбнулась краешком губ.

— Да? Выглядишь старше, — и отец тоже улыбнулся. — Вот ты взрослый муж уже, испытание прошел, в боях настоящих побывал, и даже свои холопы есть. Пора жениться и наследников завести.

Я же потерял от его слов дар речи, не зная, что и сказать.

— Мы тебе жену нашли из хорошего рода, а за нее в придачу и ладью дадут, — отец с довольством на меня посмотрел.

— Жениться? — только и смог я из себя выдавить.

Интерлюдия

Триглав сидел на берегу лесного озера в ожидании своей супруги. Его знаменитый шлем с тремя личинами покоился рядом на зеленой траве.

Раздались тихие и спокойные шаги, и на его плечо опустилась изящная женская ладошка.

— Здравствуй, муж мой, давно тебя не было, я соскучилась.

— Голубушка моя, здравствуй, я тоже соскучился по тебе, — и он обернулся, всматриваясь в родное и любимое лицо своей супруги.

— У тебя получилось?

— Да, я смог соединить два его осколка в одном теле, ты уверена, что он сможет? — в голосе Триглава звучало сомнение.

— Да, не зря же наш сын назвал его братом и обменялся с ним своей кровью.

— Если бы не он, сын и не оказался бы в таком положении, и не привязал бы свое возрождение к потомкам, — в голосе Триглава проскальзывала злость.

— Ха, ха, — женщина прикрыла ладошкой рот. — Если бы не он, то наш погиб бы еще раньше во младенчестве, ведь именно он спас его от слуг Чернобога, пока я рожала тебе другого и не могла вмешаться. Ты разве забыл?

— Прости, дорогая, что меня не было в такой момент рядом, ты сама знаешь, чем я занимался тогда.

— Знаю и не виню тебя в этом, муж мой.

И на берегу озера разлилась тишина.

— Тебя все же что-то тревожит, расскажи? — и женщина села рядом со своим мужем.

— Ты права, как бы по моему следу в тот мир не прошли слуги Чернобога. Они ведь могут не справиться.

— Не кручинься, они справятся, и мы скоро увидим своего сына, нашего первенца.

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net